

Тбилисский государственный университет
им. И. Джавахишвили

Переводоведение

ЭЛИАВА ЕКАТЕРИНА ГРИГОРЬЕВНА

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ПОВЕСТЕЙ И. ЧАВЧАВАДЗЕ)**

Д и с с е р т а ц и я,

представленная на соискание академической степени доктора
филологии (Ph.D.) Тбилисского государственного университета
им. И. Джавахишвили

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор Г.И. Цибахашвили

Тбилиси-2009

Содержание

Предисловие -----	3
Введение. Фразеологические единицы в лингвистическом аспекте -----	8
Глава I. О стилистических и эстетических функциях фразеологических оборотов в художественном тексте -----	23
Глава II. К вопросу об эквивалентности разноязычных фразеологизмов -----	38
Глава III. Фразеологизмы в языке произведений И. Чавчавадзе и их русские переводы -----	58
§ 1. Лексико-стилистический анализ контекстуального перевода -----	58
§ 2. О русских переводах заглавий и подзаголовков прозаических произведений И. Чавчавадзе -----	110
§ 3. Веровыражающая лексика в языке прозы И. Чавчавадзе и проблемы её перевода -----	126
Заключение -----	135
Список использованной литературы -----	146

Предисловие

Актуальность темы. В современном цивилизованном мире перевод занимает одно из важных мест в интеллектуальной деятельности человека. Перевод не только сближает культуры, но и обогащает их, так как приобщает миллионы людей к тому, что сделали другие. В этом отношении художественный перевод - это своеобразная визитная карточка народа в мировом сообществе, так как каждый народ ценится по тому вкладу, который он внёс в мировую сокровищницу.

Именно такое понимание назначения перевода мотивировало на протяжении веков интенсивное развитие перевода, который двигал вперёд развитие и сближение культур, а также утверждал славу тех народов, гением и энергией которых создавались бессмертные творения, одинаково приемлемые и нужные для всех народов мира. Так вошли в мировую историю индусы, китайцы, арабы, греки, латыняне и другие народы – древние и современные. При этом история очень спокойно относится к понятию "великие народы", содержащее количественное превосходство.

Грузинская классическая литература очень богата и разнообразна. Имеет минимум 16-ти вековую историю. Однако, к сожалению, Европа и Азия с достижениями грузинского художественного слова и философской мысли познакомились очень поздно, в основном в XX -ом веке, и то, через русские переводы, за малым исключением. Поэтому другие народы в большинстве случаев и понятия не имели о Грузии как отдельной стране и грузинские произведения принимались или за русские или за какую-то мифическую советскую литературу. Мы довольствовались уже тем, что переводы были сделаны, хотя все чувствовали, что в них немало изъянов и огрехов.

В настоящее время, когда грузинская литература выходит на мировую арену от собственного имени, очень важно точно знать, каков уровень существующих переводов и насколько они соответствуют оригиналу как по содержанию, так и по художественному совершенству. Ведь речь идёт не только об одном каком-то произведении, речь идёт о престиже грузинской литературы в целом, которую можно

представить перед миром только в переводах. В этом заключается актуальность выбранной нами темы, т.е. настало время пересмотра всех существующих переводов. Без такого пересмотра мы не сможем ответить на вопрос, есть ли достойные переводы или нет их. Это огромная по объёму работа и потребует много времени, энергии и людей, на должном уровне разбирающихся в тонкостях перевода. Мы в качестве объекта исследования взяли повести выдающегося писателя И. Чавчавадзе. Так как тема огромная, мы ограничились одним, но очень важным компонентом языка произведений И. Чавчавадзе – фразеологизмами, которые так важны для художественной ткани и чрезвычайно трудны для перевода.

Цели и задачи. Классическая грузинская литература переведена на русский язык в основном в XX-ом веке. Однако переводы выполнялись в связи с разными юбилеями и декадами, что не исключало спешку или случайность в выборе переводчика. Поэтому существующие переводы явно не отвечают ни требованиям времени, ни высокому авторитету грузинской литературы, особенно в наше время, когда грузинская литература на мировую арену выходит от собственного имени, а не как советская литература.

Время уже властно требует пересмотра всех переводов, чтобы точно знать, что можно оставить, а что нужно скорректировать или заново перевести. В данной работе проанализирован один из важных компонентов художественного текста – фразеологизмы в повестях И. Чавчавадзе. Разумеется, предложенные принципы анализа будут приемлемы и для оценки других переводов.

Научная новизна. О переводах в разное время публиковались отдельные статьи, нередко хвалебно-благодарственного характера, но без углублённого анализа. Что же касается комплексного анализа всех переводов, такой анализ до сих пор пока не был проведён. Наша работа – это первая попытка, первый раз осуществляется комплексное сравнение не только перевода с оригиналом, но и всех существующих переводов с оригиналом и между собой. Такое сравнение вскрыло серьёзные недостатки и обнажило тенденции, которые влияли на качество перевода. Одновременно предложены новые аспекты, подходы в понимании функций фразеологизмов в

художественном тексте и их перевода на другой язык с учётом такого важного фактора, каким является контекст, обуславливающий понимание слова в мотивированном окружении слов. Ведь перевод—создание нового художественного текста на другом языке.

Практическое значение диссертации. Прделанный в работе анализ и выводы могут быть использованы как в практике перевода, так и в качестве учебного материала в лекциях для студентов, а также в двуязычной лексикографической работе.

Работа может оказать существенную пользу тем, кто серьёзно интересуется стилистикой перевода и закономерностями эквивалентности как в синонимике одного языка, так и в межъязыковом плане, а, как общеизвестно, без понимания этих закономерностей ошибки в переводе неизбежны.

Метод исследования. Работа выполнена методом сравнительно-сопоставительного анализа, в широком понимании этого метода. В нужные моменты обращались и к лингвистическому и историческому анализу и определению роли религиозных воззрений народа, создавшего данные фразеологические высказывания.

Апробация работы. Диссертация была апробирована на заседании кафедры русского языка филологического направления гуманитарного факультета ТГУ. (Тбилиси, 2006). Отдельные части диссертации были апробированы на Республиканской конференции молодых учёных-филологов (Батуми, 1982) и Республиканской научной конференции по языкознанию, посвящённой 75-летию со дня основания Тбилисского университета (Тбилиси, 1993).

Основные положения диссертации отражены в научных статьях диссертанта.

Список трудов, опубликованных по теме диссертации:

1. К вопросу о переводе фразеологических единиц в художественном тексте. Республиканская конференция молодых учёных-филологов. Тезисы докладов. Батуми, 1982.
2. Об эстетической функции фразеологизмов в художественном тексте. "Сообщения Академии Наук Грузии," т. 143, №1, 1991.

3. К вопросу о калькировании фразеологических оборотов в художественном переводе. Тезисы докладов Республиканской научной конференции, посвящённой 75-летию со дня основания Тбилисского университета. Языкознание. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 17-19 VI, 1993.
4. К вопросу об эквивалентности разноязычных фразеологизмов (на материале русских переводов произведения И.Г. Чавчавадзе "კაცია-ადამიანი?!"). "Сообщения Академии Наук Грузии," т. 145, №3, 1992.
5. Лексико-грамматический анализ перевода фразеологических оборотов (на материале русских переводов произведения И.Г. Чавчавадзе "კაცია-ადამიანი?!"). "Известия Академии Наук Грузии." Серия языка и литературы, №2, 1992.
6. К проблеме перевода фразеологизмов. Свободный пересказ фразеологических оборотов (на материале русских переводов произведений И.Г. Чавчавадзе "ოთარაანთ ქვრივი", "გლეხთა განთავისუფლების პირველდროების სცენები"). "Известия Академии Наук Грузии." Серия языка и литературы, №№1-4, 2000.
7. О переводе т.н. непереводаемых заглавий. (В соавторстве с Г. Цибахашвили). Сборник научных статей международной конференции МАПРЯЛ – Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы "Сопоставление как метод исследования и обучения языкам", Тбилиси: Издательство "Универсал", т. 2., 15-20 июня, 2005.
8. Фразеология как объект изучения и преподавания. (В соавторстве с Г. Цибахашвили). "Сазრиси". Сборник трудов. Тбилиси: Издательство "Универсал", №21, 2006.
9. Эффект непереводаемости, или о переводе текста с непереводаемыми компонентами. (В соавторстве с Г. Цибахашвили). შრომების კრებული. თბილისი: გამომცემლობა "უნივერსალი", 2006.

10. Проблемы перевода заглавий. (В соавторстве с Г. Цибахашвили). Научные труды. Серия: филология, XIII. Санкт-Петербург. Тбилиси: Издательство СПбГУ, 2007.
11. Вербывражающая лексика и проблемы её перевода (на материале русских переводов прозы И. Чавчавадзе). "Славистика в Грузии". Сборник научных статей. Тбилиси: Издательство "Универсал," 9, 2008.
12. О русских переводах заглавий и подзаголовков произведений И. Чавчавадзе "კაცობა-ღვთობა?!" и "თთარაბთ ქვრივი". Тбилиси: Издательство "Грузинский университет управления качеством", 2008.

Введение

Фразеологические единицы в лингвистическом аспекте

(Краткий обзор литературы)

Лексически неделимые, целостные по значению словосочетания, которые воспроизводятся в речи в качестве готовых речевых единиц, называются фразеологическими оборотами (Валгина... 1971 : 42).

Это одно из распространённых определений, хотя есть и другие. Например, согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю, "фразеологизм (фразеологическая единица) - общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава.

Переосмысление, или семантическая транспозиция, лексико - грамматического состава, устойчивость и воспроизводимость - основные и универсальные признаки фразеологизма" (Ярцева 1990 : 559).

Тут же следует отметить, что все существующие определения фразеологизмов по сути не противоречат друг другу и различаются только в деталях.

В современной лингвистической науке фразеологические обороты иногда называются фразеологическими единицами, а также устойчивыми словосочетаниями, неразложимыми сочетаниями, фразеологизмами, и, наконец, идиомами.

Термин "идиома" (гр. *idioma* - своеобразное выражение, происходит от гр. же *idiome* - язык, наречие) употребляется в данном случае в широком смысле как название фразеологического оборота вообще.

Как известно, раздел языкознания, в котором изучаются эти лексически неделимые сочетания, называется фразеологией (греч. *phrasis* - выражение + *logos* - учение).

Фразеологией называют, кроме того, и совокупность всех лексически неделимых словосочетаний, имеющих в языке (так же, как лексикой называют

словарный состав языка). В этом значении (совокупность всех оборотов) нередко употребляется синонимичное терминологическое словосочетание: фразеологический состав (ср.: словарный состав).

Наиболее полное освещение вопроса о фразеологических оборотах с подробным изложением основных понятий русской фразеологии дано в трудах академика В.В. Виноградова. Им же намечены основные типы фразеологических единиц.

Критерием выделения типов неразложимых сочетаний служит прежде всего степень слияния в них отдельных слов. Устойчивость и неразложимость элементов фразеологического оборота рассматривается, как правило, с двух точек зрения: во-первых, с точки зрения их смысловой спаянности и, во-вторых, с точки зрения возможности морфологических изменений слов, составляющих данный оборот.

При этом слитность оборотов по значению отражается и на их грамматических свойствах. Так, чем более явно выражается семантическая неразложимость оборота в целом, тем слабее становятся грамматические связи, а иногда и совсем утрачиваются (ср. *неровён час, шутка сказать, очертя голову и вводить в заблуждение - ввести в заблуждение, втереть очки - втирать очки - втёр очки* и т. д.).

По степени лексической неделимости и грамматического слияния составляющих частей многие исследователи вслед за академиком В.В. Виноградовым выделяют следующие типы фразеологических оборотов: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания (Валгина... 1971 : 42-43).

В особую группу иногда выделяют крылатые слова, цитаты, пословицы, поговорки и другие обороты, называемые фразеологическими выражениями.

Самым уязвимым местом этих "расширений" является их односторонность. При отнесении к фразеологизмам пословиц во внимание принимается только признак нечленности оборота и переносимость значения, но игнорируется то обстоятельство, что пословица - это законченный текст с явно выраженным содержанием-назиданием, тогда как фразеологизм лишён этих признаков и играет роль слова.

Между тем каждый из перечисленных типов устойчивых оборотов речи русского языка имеет свои характерные черты, с которыми нельзя не считаться.

Фразеология русского языка включает в себя самые разнообразные речевые единицы, но основные признаки фразеологизма имеют не все. Границы фразеологии до сих пор четко не определены.

В современной лингвистической литературе определилось два основных направления в решении этой проблемы.

Представители одного направления (В.В. Виноградов, С.И. Ожегов, Б.А. Ларин, А.В. Калинин, А.Г. Руднев, В.П. Жуков и другие) к фразеологическим оборотам относят только такие эквивалентные слову семантические единицы более сложного порядка, которым присуще семантическое обновление и метафоризация. Из области фразеологии исключаются пословицы, поговорки, многие цитаты и почти все сложные термины, т.е. все те словосочетания, которые не превратились ещё в лексически неделимые обороты, не получили переносно-обобщённого значения, не стали метафорическими сочетаниями.

В частности, С.И. Ожегов пишет: "Пословицы и поговорки выходят за пределы собственно фразеологии языка, и, подобно "крылатым словам", не являются элементом системы языка. Они имеют ту или иную законченную синтаксическую структуру предложения, элементы которого состоят из свободных, закономерных для языка словосочетаний и, следовательно, синтаксически членимы" (Ожегов 1957 : 50).

Иного мнения придерживаются такие учёные, как Л.А. Булаховский, А.А. Реформатский, А.И. Ефимов, Е.М. Галкина - Федорук, Н.М. Шанский, М.И. Фомина, В.Л. Архангельский и другие. Наряду с собственно фразеологическими оборотами во фразеологию они включают пословицы, поговорки, "крылатые слова", сложные термины. Подобные обороты Н.М. Шанский, М.И. Фомина называют фразеологическими выражениями (Валгина... 1971 : 43-47).

В.В. Виноградов в одной из первых работ по фразеологии "Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины" в составе фразеологических оборотов рассматривал пословицы и поговорки, относя их к группе фразеологических единств (Виноградов 1946 : 45-69). Однако в последующих его работах пословицы и поговорки уже не включаются в состав фразеологии (Виноградов 1946 : 346, Виноградов 1947 : 21-28).

Составные названия, или терминологические сочетания, академик В.В. Виноградов рассматривает вслед за единствами. Однако некоторые из них типа *железная дорога*, *грудная жаба* он считает возможным отнести уже к "вовсе немотивированным единствам", т.е. к сращениям (Виноградов 1972 : 29-30).

До академика В.В. Виноградова академик А.А. Шахматов в своём "Синтаксисе

русского языка" настойчиво подчёркивал чрезвычайную важность вопроса о неразложимых сочетаниях слов не только для лексикологии (фразеологии), но и для грамматики. "Под разложением словосочетания, - писал академик А.А. Шахматов, - разумею определение взаимных отношений входящих в его состав элементов, определение господствующего и зависимых от него элементов. Между тем подробное разложение для некоторых словосочетаний оказывается невозможным. Так например, сочетание два мальчика с точки зрения современных синтаксических отношений оказываются неразделимым (Шахматов 1925 : 271). В неразложимых словосочетаниях связь компонентов может быть объяснена с исторической точки зрения, но она непонятна, не мотивирована с точки зрения живой системы современных языковых отношений. Неразложимые словосочетания представляют собою пережиток предшествующих стадий языкового развития. А.А. Шахматов ставит вопрос: "Можно ли считать железная в железная дорога определением? Не надлежит ли признать железная дорога и тому подробные сочетания неразложимыми по своему значению, хотя и разложимыми грамматическими словосочетаниями?" (Шахматов 1925 : 303). Учёный предполагает, что семантическая неразложимость словесной группы ведёт к ослаблению и даже утрате ею грамматической расчленённости. В связи с семантическим переосмыслением неразложимой словесной группы находятся и её грамматические преобразования. Например, выражение *спустя рукава*, ставши идиоматически целым, превратилось из деепричастного оборота в наречие. Вместо живого значения остаётся немотивированное употребление.

Вопрос о разных типах фразеологических единиц, сближающихся со словом, у А.А. Шахматова остаётся неразрешённым. Тесная связь этих проблем фразеологии с вопросами грамматики бросалась в глаза русским грамматистам и до академика А.А. Шахматова.

Профессор Н.К. Кульман высказывался за необходимость разграничения "грамматического и фразеологического материала", так как в устойчивых, застывших фразеологических оборотах способы выражения синтаксической связи нередко бывают архаичными, оторванными от живых категорий современного языка. Так, например, можно было бы найти формы сослагательного наклонения в выражениях: *я сказал, чтобы ты пришёл; не бывать бы счастью, да несчастье помогло; приди мы, этого не случилось бы и т.п.* Но "правильнее в таких случаях становиться на точку зрения чистой фразеологии и не переносить в грамматику данного языка тех категорий, которые связаны в других

языках с известными формами, а в данном языке только выражаются теми или другими фразеологическими оборотами" (Кульман 1915 : 329).

Глубоко изучил вопросы фразеологических оборотов академик В.В. Виноградов. Он фактически является создателем русской фразеологии как научной отрасли. Поэтому другие исследователи всегда отталкиваются от него и дальше, по мере своих возможностей приносят в науку что-то новое, хотя его трёхчленная классификация фразеологизмов пока что остаётся наиболее аргументированной и бесспорной.

В дальнейшем в разных исследованиях появилась тенденция расширения как трёхчленной классификации, так и самого понятия фразеологической единицы и отнесения к фразеологизмам народных пословиц, афоризмов и других малых текстовых единиц. Однако эти нововведения остаются спорными и признаются далеко не всеми.

Фразеологические обороты привлекали внимание исследователей русского языка давно. Под различными названиями (речения, "крылатые слова", афоризмы, пословицы и поговорки, выражения, обороты речи, идиомы и т.д.) они объяснялись как в специальных сборниках, так и в толковых словарях начиная с конца XVIII в. Ещё М.В. Ломоносов, составляя план словаря русского литературного языка, указывал, что в него кроме отдельных слов должны войти "речения", "идиоматизмы" и "фразесы", т.е. обороты, выражения.

Однако специально фразеологический состав русского языка стал изучаться сравнительно недавно. До 40-х годов XX в. в работах наших лингвистов можно найти только отдельные (правда, иногда очень важные и интересные) мысли и наблюдения, касающиеся фразеологии. В первую очередь здесь следует отметить постановку вопроса о внутренней форме фразеологизмов А.А. Потебней; правильные замечания И.И. Срезневского о связи фразеологии со словообразованием (в частности, о возникновении слов из выражений); замечания Ф.Ф. Фортунатова о слитных словах и слитных речениях (*Москва-река, железная дорога*); теоретические положения А.А. Шахматова в связи с анализом различного рода неразложимых словосочетаний (Потебня 1894 : 108-109, Срезневский 1873 : 103-104, Фортунатов 1956 : 173-174, Шахматов 1941 : 274).

Возникновение фразеологии как лингвистической дисциплины в русской науке относится к 40-м годам XX столетия и неразрывно связано с именем В.В. Виноградова.

В ряде работ этого времени Виноградовым были поставлены и разрешены многие вопросы общего характера, позволившие создать базу для изучения устойчивых сочетаний слов в современном русском литературном языке. Именно им впервые была дана синхронная классификация фразеологических оборотов русского языка с точки зрения их семантической слитности и были намечены пути и аспекты дальнейшего изучения фразеологизмов.

До исследований В.В.Виноградова из специальных работ по русской фразеологии можно назвать лишь статьи И. Вульфиус и С.И. Абакумова (Абакумов 1936 : 58-64, Вульфиус 1929 : 42-50), имеющие характер скорее образовательно-методический, чем научно-исследовательский, хотя в них и содержатся отдельные интересные наблюдения и сделаны правильные выводы.

И.М. Вульфиус вначале знакомит читателей с классификацией фразеологических оборотов, данной Ш. Балли (Балли 1961 : 87-111). Поскольку эта классификация Вульфиус не удовлетворяет, она даёт свою, выделяя среди устойчивых сочетаний слов следующие группы: 1) идиомы, "представляющие собой неразложимое на свои словесные элементы единство": *смотреть сквозь пальцы, спустя рукава, собаку съел, задать перцу*, 2) предложения типа пословицы и 3) идиотизмы: такими считаются "выражения, которые нарушают установленные в языке правила синтаксиса", "выражения, построенные на игре слов", и выражения с не существующими вне фразеологизма словами типа *зга, тло (ни зги не видно, сгореть дотла)* и т. п. Классификация Вульфиус явно неудачна, так как построена на различных логических основаниях. Свойства, признаваемые ею в качестве характерных лишь для идиотизмов, отмечаются и в идиомах, и в предложениях типа пословицы (ср.: *Мал золотник, да дорог; водить за нос*).

И.М. Вульфиус не поняла важности для изучения русских фразеологических оборотов синхронной классификации фразеологизмов с точки зрения их семантической слитности (разработанной Ш. Балли). Логически неупорядоченной и поверхностной была также и предложенная ею генетическая классификация фразеологизмов, целиком построенная на учёте первоначальной сферы их употребления.

Вместе с тем в статье Вульфус имеются и очень верные замечания, касающиеся построения фразеологического словаря и сопоставительного изучения фразеологизмов различных языков.

Более интересной и ценной нам кажется статья С.И. Абакумова. В ней впервые делается попытка дать классификацию фразеологических оборотов русского языка с точки зрения их структуры и "этимологического состава", а также описать наиболее важные общие свойства идиом (с учётом сказанного о них по отношению к французскому языку Балли).

При рассмотрении русских фразеологических оборотов с точки зрения их происхождения Абакумовым правильно отмечается наличие в фразеологической системе русского языка фактов иноязычных и калькированных. С точки зрения их семантической слитности устойчивые сочетания слов делятся Абакумовым на две группы: 1) идиомы, представляющие собой "словосочетание, которое имеет значение, не вытекающее из значений составляющих его элементов" и 2) названия, состоящие из нескольких слов (типа *Чёрное море*; *рабочий факультет*; *машинно-тракторная станция*). Классификация Абакумова также неудачна, поскольку в ней не учитывается всё имеющееся разнообразие фразеологизмов, с одной стороны, и не выдерживается единый принцип деления - с другой (ср.: *Чёрное море* - "название, состоящее из нескольких слов", которое одновременно является также и идиомой, так как его значение "не вытекает из значений составляющих его элементов").

После опубликования работ по фразеологии В.В. Виноградова фразеологические обороты стали предметом всестороннего изучения со стороны всех интересующихся вопросами русской лексики и стилистики художественной речи. В дальнейшем фразеологизмы начинают исследовать также и с точки зрения их структуры, грамматических свойств и происхождения. Большое количество работ посвящено изучению конкретного фразеологического материала, особенно фразеологии того или иного писателя. Среди исследований, появившихся до 1960 г., следует отметить работы А.И. Ефимова, Б.А. Ларина, О.С. Ахмановой и С.И. Ожегова.

В книге "О языке художественных произведений" (1954) А.И. Ефимовым впервые были чётко сформулированы цели и задачи фразеологического анализа

художественного текста, дана классификация фразеологических оборотов со стилистической точки зрения, а также очерчен круг вопросов, связанных с фразеологическим новаторством писателей и публицистов (Ефимов 1954 : 181-216).

В "Очерках по фразеологии" (1956) Б.А. Ларина особенно важна постановка ряда проблем диахронического изучения фразеологической системы русского языка, в частности выдвижение в качестве наиболее актуальной и ответственной проблемы "установления объективных закономерностей образования и развития несвободных словосочетаний", а также призыв к широкому применению в исследованиях по фразеологии сопоставительного и сравнительно-исторического методов (Ларин 1956 : 3-234).

В "Очерках по общей и русской лексикологии" (1957) О.С. Ахмановой особое внимание привлекает освещение характера лексико-фразеологического варьирования русского слова и подробное лексико-семантическое описание именных и глагольных фразеологических оборотов типа *старая истина, зуб мудрости; знать меру; войти в историю* (Ахманова 1957 : 3-295).

В статье С.И. Ожегова "О структуре фразеологии" (1957) делается попытка определить, на каких научных основах должен строиться фразеологический словарь, в котором будут отражены "все конкретные формы функционирования фразеологической единицы". В этой статье Ожегов вводит понятие фразеологии в широком и узком смысле слова и понятие опорного слова фразеологической единицы (Ожегов 1957 : 31-53).

Как видим, в настоящее время нельзя уже согласиться с Б.А. Лариным, что "фразеология как лингвистическая дисциплина находится ещё в стадии "скрытого развития". И всё же он был несомненно прав, когда указывал, что фразеология "интересует многих, над ней задумываются, экспериментируют - и стар и млад. В этих опытах она приобретает традицию и характерные черты, но она ещё не сложилась, не оформилась как зрелый плод подготовительных трудов" (Ларин 1956 : 200). Именно поэтому до сих пор среди фразеологов нет единого мнения по вопросу об объёме фразеологии. Этим объясняется также и тот факт, что нет пока единой классификации фразеологических оборотов русского языка с точки зрения их семантической слитности, хотя наиболее распространённой (с уточнениями и дополнениями) является классификация В.В. Виноградова. Именно поэтому, наконец, многое в русской фразеологической системе только начинает изучаться. И необходимо всестороннее как описательное, так и сравнительно-историческое и сопоставительное изучение фразеологизмов, чтобы многие важные вопросы могли быть решены. Особенно нужны

многие подготовительные труды для построения исторической фразеологии русского языка.

В последнее время изучение фразеологического состава различных языков (и в первую очередь русского) стало особенно интенсивным и разнонаправленным. Помимо многочисленных работ по отдельным проблемам, начали появляться также и исследования общего характера (Архангельский 1964 : 3-15, Бабкин 1964 : 3-75, Гаврин 1963 : 3-150, Жуков 1978 : 3-159, Мокиенко 1989 : 4-286, Молотков 1977 : 3-281, Попов 1976 : 3-199, Тагиев 1966 : 3-249, Телия 1966 : 3-86, Фомина 1990 : 3-335).

Придерживаясь мнения учёных, которые пословицы, поговорки, "крылатые слова" относят к фразеологии, в частности к так называемым фразеологическим выражениям, мы тоже отнесём к фразеологии пословично-поговорочные выражения, цитаты греческих и латинских классиков, а также иностранных писателей, историков, мыслителей, разного рода изречения, ставшими крылатыми, которые в процессе употребления утратили непосредственную связь с первоначальным текстом, с конкретным лицом или явлением, послужившими поводом к их возникновению. Мы исходим из того, что пословицы и поговорки, как и фразеологизмы, не создаются в процессе речи, а воспринимаются как готовые устойчивые речевые единицы; использование и обыгрывание в речи пословиц и цитат в некоторых отношениях напоминает использование и обыгрывание фразеологизмов; Многие цитаты, пословицы, поговорки имеют черты образной типизации, обобщения, они превратились в своего рода метафоры. Например: *человек в футляре, тришкин кафтан, быть или не быть, собака лает - ветер носит, вот где собака зарыта* и др.

Интерес представляет мнение Я.И. Рецкера относительно взгляда переводчиков на проблему фразеологичности. В книге Теория перевода и переводческая практика Я.И. Рецкер пишет: "... с точки зрения переводчика, переосмысление (полное или частичное) и только переосмысление является решающим критерием фразеологичности (Рецкер 1974 : 146-147).

Типы фразеологических оборотов

Давно замечено, что фразеологические обороты (ФО) по своей семантической и синтаксической спаянности очень разнообразны. Больше всех интересуют исследователей фразеологические сращения. Так называются такие лексически неделимые словосочетания, значение которых не определяется значением входящих в них отдельных слов. Например: *бить баклуши*, *точить лясы*, *дать стрекача*, *как пить дать* и т.д.

Семантически сращение в большинстве случаев оказывается эквивалентом слова. Например: *как пить дать* - "непрерменно", *бить баклуши* - "бездельничать", *точить лясы* - "болтать", *из рук вон* - "плохо" и т.д.

Грамматические формы слов, составляющих фразеологическое сращение, иногда могут сохраняться. Например: он на этом деле *собаку съел*, они на том *собаку съели* - сохраняется зависимость между словом съел и субъектом действия: он съел, они съели и т.д. Однако на общее значение сращения такое изменение грамматических форм не оказывает влияния.

В некоторых сращениях грамматические формы слов и грамматические связи уже не могут быть объяснены, мотивированы с точки зрения современного русского языка, т.е. воспринимаются как своего рода грамматические архаизмы. Например: *от мала до велика*, *на босу ногу*, *себе на уме*, *шутка сказать*, *диву даваться* и т.д. Устаревшие грамматические формы слов (а иногда и слово в целом) и немотивированные синтаксические связи лишь поддерживают лексическую неделимость оборота, его семантическое единство.

Синтаксически фразеологические сращения выступают в роли единого члена предложения. Например: ничего не делать, работать *спустя рукава* - фразеологическое сращение *спустя рукава* выполняет функцию обстоятельства образа действия. В предложении своею речью ставить (кого-то) в тупик - сращение *ставить в тупик* является сказуемым.

Фразеологические сращения в трудах некоторых лингвистов (например, В.В. Виноградова и др.) называются идиомами. Этот термин в данном случае употребляется в узком значении, для наименования одного из типов фразеологических оборотов.

Таким образом, "основным признаком сращения является его семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значений целого из компонентов" (Виноградов 1972 : 25).

Фразеологическими единствами называются такие лексически неделимые обороты, общее значение которых в какой-то мере уже мотивировано переносным значением слов, составляющих данный оборот. Например: *пускать пыль в глаза, плыть по течению, кровь с молоком, делать из мухи слона, переливать из пустого в порожнее, зелёная улица, плясать под чужую дудку* и т.д.

Лексический состав фразеологических единств неделим. Это сближает их с группой сращений. Но в отличие от сращений части фразеологических единств могут быть отделены друг от друга вставкой каких-то слов. Например: *Лить воду на* (свою, мою, чужую и т.д.) *мельницу*.

"Фразеологические единства можно рассматривать как своеобразные фразеологические метафоры" (Калинин 1971 : 187). Следует отметить, что образное значение присуще в той или иной мере фразеологическим оборотам всех типов. Образность является результатом употребления отдельных слов, составляющих фразеологизмы, в переносном значении. Однако не все типы устойчивых сочетаний обладают одинаковой образностью, и далеко не в каждом из них эта образность может быть соотнесена со значением отдельных компонентов и мотивирована. Так, образность фразеологических сращений является как бы потухшей, уже немотивированной и совершенно независимой от значения составных элементов. В отличие от сращений фразеологические единства "обладают свойством потенциальной образности". Образный смысл, приписываемый им в современном языке, иногда вовсе не соответствует их фактической этимологии. По большей части, это - выражения, состоящие из слов конкретного значения, имеющие заметную экспрессивную окраску. Например, *положить, класть зубы на полку* - в значении: голодать, ограничить до минимума самые необходимые потребности" (Виноградов 1972 : 26). Именно "потенциальная образность" фразеологических единств позволяет некоторым учёным (Б.А. Ларин, А.В. Калинин, А.Г. Руднев) обороты подобного типа называть метафорическими сочетаниями. Образность фразеологических единств отличает их не только от сращений, но и от свободных словосочетаний, омонимичных по оформлению (ср. *закидывать удочку* - "намекать на что-либо" и *закидывать удочку* - в прямом значении).

При классификации фразеологических словосочетаний нередко возникают затруднения, связанные с тем, что некоторые устойчивые выражения находятся как бы на полпути от единств к сращениям.

Трудности зачисления оборота в сращения или в единства иногда возникают и в тех случаях, когда, с одной стороны, чувствуется образность и некоторая мотивированность значения словосочетания (тяготение к фразеологическим единствам), а с другой стороны, в обороте есть какое-то не совсем обычное слово или несовременная грамматическая форма (признак фразеологического сращения). Например: (работать) *спустя рукава, от мала до велика, средь бела дня* и т. д. Спустя - не принятая в литературной речи форма деепричастия от глагола спустить (правильнее: спустив), словосочетания *от мала до велика, средь бела дня* содержат формы косвенных падежей кратких прилагательных (а в современном языке краткие прилагательные не склоняются). И всё же, как пишет исследователь А.В. Калинин, мы должны отнести подобные словосочетания к фразеологическим единствам: образность, мотивированность этих оборотов речи перевешивает, побеждает неправильности, имеющиеся в них (Калинин 1971 : 187-188).

Замена слов в составе единства, а также подстановка синонима приводит или к разрушению образности, присущей данному обороту, или к изменению его экспрессивного смысла. Это создаёт благоприятные условия для индивидуального стилистического обновления единств в речи, что широко используется в художественной литературе (ср., например, у А.П. Чехова: В приёмную входит маленькая, *в три погибели сморщенная*, как бы злым роком приплюснутая старушонка).

Исследователь М.И. Фомина по степени лексической неделимости компонентов к фразеологическим единствам относит и те составные термины, которые в процессе употребления получили обобщённо - переносное значение: *первая скрипка, наклонная плоскость, удельный вес* и др. Ср.: наклонная плоскость (геометрический термин) - морально опуститься и *покатиться по наклонной плоскости* (фразеологизм); удельный вес золота (физический термин) - *удельный вес* сельского хозяйства в экономике страны (фразеологизм) (Валгина 1971 : 46).

Учёный Н.М. Шанский в книге "Фразеология современного русского языка" отмечает, что "фразеологические сращения и единства", выступающие чаще всего как эквиваленты слов, нередко объединяются в одну группу. В таких случаях их называют идиомами, или идиоматическими выражениями. Фразеологическим сращениям и

единствам противостоят фразеологические сочетания и выражения. Они представляют собой семантически членимые фразеологические обороты, значение которых целиком соответствует значениям образующих их слов: *насупить брови; борьба за мир; счастливые часов не наблюдают* и др (Шанский 1985 : 61) .

Как было отмечено выше, В.В. Виноградов "именно фразеологические сращения называет идиомами" (თაყაიშვილი 1961 : 132-133). Грузинский учёный А.А. Такашвили считает, что "сращения и единства представляют собой не разные явления, а разные ступени одного и того же явления.

В связи с этим естественным кажется объединение этих двух типов неразложимых словосочетаний под общим названием идиомы" (თაყაიშვილი 1961 : 132-137).

Исследователь А.А. Такашвили пишет: "Выясняется, что и сращение по происхождению бывает образным. Исчез "базис", исходное словосочетание, осталась "надстройка", в которой затушеван, но не совсем утерян элемент образности.

Критерием определения идиом может служить следующее:

- 1) Идиома семантически цельна.
- 2) Значение идиомы не равно сумме значений компонентов.
- 3) Экспрессивность - обязательный результат образности.
- 4) Идиома - словосочетание по форме.

Итак, "идиома - эта семантически неразложимая единица с экспрессивной функцией и формой словосочетания, значение которой не равно сумме значений компонентов" (თაყაიშვილი 1961 : 132-137).

Фразеологическими сочетаниями называются такие устойчивые обороты, общее значение которых полностью зависит от значения составляющих слов. Слова в составе фразеологического сочетания сохраняют относительную семантическую самостоятельность, однако являются несвободными и проявляют своё значение лишь в соединении с определённым, замкнутым кругом слов, например: слово *слёзно* сочетается только со словами *просить, умолять*. Следовательно, один из членов фразеологического сочетания оказывается более устойчивым и даже постоянным, другой - переменным. Наличие постоянных и переменных членов в сочетании заметно отличает их от сращений и единств. Значение постоянных членов (компонентов) является фразеологически связанным. Например, в сочетаниях *сгорать от стыда и тоска берёт*, постоянными будут

сгорать и берёт, так как именно эти слова окажутся основными (стержневыми) элементами и в других фразеологических сочетаниях: *сгорать - от стыда, от срама, от позора, сгорать - от нетерпения, сгорать - от любви; берёт-тоска, раздумье, берёт - страх, ужас* и т.д. Употребление других компонентов невозможно (ср.: *сгорать от радости, берёт улыбка*) это обусловлено существующими семантическими отношениями внутри языковой системы.

От фразеологических сращений и единств фразеологические сочетания отличаются тем, что не являются абсолютно лексически неделимыми. Несмотря на фразеологическую замкнутость оборотов данного типа, даже лексически несвободные компоненты без особого ущерба для общего значения сочетания иногда могут быть заменены синонимом (потупить голову - опустить голову; сесть в лужу - сесть в калошу; насупить брови - нахмурить брови и т.д.)

Синтаксические связи слов в таких сочетаниях соответствуют нормам, существующим в современном языке, но остаются устойчивыми и воспроизводятся по традиции.

Фразеологические сочетания являются достаточно многочисленной по составу и распространённой по употреблению группой.

А.А. Такаишвили отмечает, что "основу фразеологических сочетаний создаёт фразеологически связанное значение одного компонента. В выражении **sićume čamovarda** досл. "упала тишина" глагол не представлен своим конкретным значением, оно по содержанию равно корреляту **dadga** - настала: настала тишина.

Фразеологически связанное значение показывает разные степени семантического варьирования" (თაყაიშვილი 1961 : 140).

К фразеологии можно причислить и так называемые фразеологические выражения.

Фразеологическое выражение - это устойчивый в своём составе и употреблении фразеологический оборот, который не только является семантически членимым, но и состоит целиком из слов со свободным значением. От фразеологических сочетаний фразеологические выражения отличаются тем, что в них нет слов с фразеологически связанным значением: *Волков бояться - в лес не ходить; за деревьями не видно леса* и т.д. Образующие их слова не могут иметь синонимы. Замена слов в фразеологических выражениях также невозможна, и это сближает их с единствами и даже со

сращениями. Как отмечалось выше, к фразеологическим выражениям относим пословицы, поговорки, "крылатые слова". Отграничивает фразеологические выражения от свободных сочетаний слов только то, что они не образуются говорящим в процессе общения, а воспроизводятся как готовые речевые единицы с постоянным значением и составом.

Среди фразеологических выражений следует различать фразеологические выражения коммуникативного и номинативного характера. Фразеологические выражения коммуникативного характера представляют собой предикативные словосочетания, по структуре соотносительные с предложением. Они всегда выражают то или иное суждение: *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*. Фразеологические выражения номинативного характера представляют собой сочетание слов, по структуре соотносительные с частью предложения. Они всегда выражают то или иное понятие и, подобно словам, выполняют в языке номинативную (т.е. назывную) функцию: *трудовые успехи, золотая середина, высшее учебное заведение*.

Под пословицей понимается краткое, вошедшее в речевой оборот и имеющее поучительный смысл, ритмически организованное поэтическое изречение, в котором народ на протяжении веков обобщал свой социально-исторический опыт.

По своей форме пословица есть суждение, синтаксическое целое:

"Куда ветер, туда и тучи".

"Посеешь ветер - пожнёшь бурю".

Свойства пословицы следующие: многозначимость, типическое обобщение, образное объяснение множества подобных явлений, её мерность и звучность.

Под поговоркой мы понимаем краткое, широко распространённое образное выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление.

В отличие от пословиц поговорки лишены прямого обобщённого поучительного смысла и ограничиваются образным, нередко иносказательным определением какого-либо явления. Например: *надоел как горькая редька, легок на помине* и т.д.

Отличие поговорки от пословицы сам народ видит в том, что поговорка - это украшение речи - цветок, тогда как пословица - суждение полное, завершённое, зрелое - ягодка. "*Поговорка - цветок, пословица - ягодка*", - так говорят в народе. В этом поэтическом сравнении в то же время указывается и на близость пословиц и поговорок (Аникин 1957 : 9-15).

Глава I. О СТИЛИСТИЧЕСКИХ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЯХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Фразеология, как известно, составляет наиболее живую, яркую и своеобразную часть словарного состава любого языка.

Очень часто одну и ту же мысль выражают два, три, а то и больше оборота. В смысловом отношении они синонимы. Например: ему всё нипочём; ему хоть бы что; ему на всё наплевать; а ему хоть бы хны. В стилистическом плане эти фразеологизмы неравноценны. Выражение *ему всё нипочём* относится к нейтральному стилю; *ему хоть бы что* - к экспрессивно-эмоциональному стилю; *ему на всё наплевать* - грубое. Просторечен по стилю оборот *а ему хоть бы хны*.

При выборе того или иного фразеологического оборота обязательно нужно учитывать стилистическую эквивалентность наряду с образной и смысловой, ибо, как отмечает Я.И. Рецкер "даже стилистически - нейтральные фразеологизмы отличаются национальным своеобразием и могут приобретать экспрессивное значение в контексте" (Рецкер 1974 : 145).

Как правило, фразеологические обороты – экспрессивные, стилистически окрашенные выражения.

Разговорные фразеологизмы употребляются в языке художественной литературы как одно из средств речевой характеристики персонажей.

Фразеологические обороты разговорного типа употребляются главным образом в речи разговорно-бытовой, непринуждённой.

Фразеологические обороты разговорного типа характеризуются, с одной стороны, более доступной образностью, с другой - имеют нередко несколько стилистически сниженную окраску (шутливые, ласкательные, фамильярные, иронические, презрительные и т.д.): *делать из мухи слона; водить за нос; втирать очки; рубить с плеча; пустить по миру; держать ухо востро; крокодиловы слёзы; надуть губы; попасть пальцем в небо; коптить небо* и др.

К разговорной фразеологии относится и значительное количество пословично-поговорочных выражений: *семеро одного не ждут; семь пятниц на неделе; первый блин комом* и т.д., а также некоторые обороты фольклорного типа: *буйная головушка, удалой молодец, сила богатырская* и т.д.

Разговорно-бытовые фразеологические обороты вносят в речь оттенок непринужденности, простоты, даже некоторой "вольности": *свинью подложить; как сельди в бочке; сколько лет, сколько зим!; мелкая сошка; маменькин сынок* и т. д.

Разговорные фразеологизмы всё чаще употребляются в некоторых стилях книжной речи, например в публицистике, в языке художественной литературы, как отмечалось выше, для речевой характеристики персонажей.

От фразеологии разговорно-бытовой следует отличать обороты, стоящие за пределами литературного языка. Сюда относятся словосочетания грубо просторечного характера и бранные обороты: *намять бока; языком чесать; дать по шее; намылить шею; набить брюхо; гоняться за юбками; начхать на всех; распустить слюни* и т. д.

Использование этой группы оборотов даже в разговорной речи должно быть весьма ограниченным. Фразеологизмы данного типа могут употребляться в языке художественной литературы лишь с определённой стилистической целью: либо для передачи устной речи персонажей, либо для показа отрицательных сторон жизни, либо в целях придания речи иронического оттенка.

Сфера употребления фразеологических оборотов книжной речи уже, чем фразеологизмов нейтральных, межстилевых. Сюда относятся отдельные обороты официально-деловой речи: *положить под сукно; очная вставка; рабочая сила* и т. д., обороты литературно-публицистического характера: *сыны отечества; дух века; гражданский дом; луч света; узы дружбы; пальма первенства* и т. д.

С точки зрения стилистической, к книжной фразеологии относятся и многие цитаты из произведений русских и других зарубежных писателей, выражения из античной литературы, из церковных книг и т. д. Итак, наиболее крупные группы образуют книжные фразеологизмы терминологического, публицистического и поэтического характера.

По своей экспрессии фразеологизмы книжного типа характеризуются некоторой приподнятостью, торжественностью, патетикой; например, у Н. А. Некрасова:

Кто не робел в огонь идти

За страждущего брата

Тому с тернистого пути

Покамест нет возврата.

Особое место среди книжных фразеологизмов занимают устаревшие фразеологизмы: фразеологические историзмы и архаизмы.

Фразеологические историзмы - это фразеологические обороты, вышедшие из активного употребления в связи с исчезновением соответствующего явления действительности: *частный пристав; статский советник; требовать удовлетворения; мировой судья; боярский сын; дворовая девка; княжеские замашки; лаптем щи хлебать; пахнет онучами; барская воля; суконное рыло; держать стол* и т. д.

Фразеологические архаизмы - это фразеологические обороты, вышедшие из активного употребления в связи с вытеснением их другими устойчивыми сочетаниями слов или отдельными словами, оказавшимися более подходящими для выражения соответствующих понятий: *Новый Свет* (ср. Америка); *сырная неделя* (ср. масленица); *биться об заклад* (ср. спорить, держать пари); *турецкие бобы* (ср. фасоль); *камень горячий* (ср. сера); *блуждающие звёзды* (ср. планеты).

Степень устарелости фразеологических оборотов может быть разной. Одни фразеологизмы в настоящее время совсем вышли из употребления и без специальных справок совершенно непонятны: *рать держать* (воевать); *сидя на санях* (на старости лет). [Возникновение фразеологизма *сидя на санях* связано с тем, что для перевозки покойников употреблялись сани (Срезневский 1902 : 258).]; *биллионный человек* (тринадцатый, лишний человек); [Намёк на биллион, цифровое обозначение которого состоит из тринадцати цифр]; *елисейские поля* (рай). Другие фразеологизмы, четко осознаваясь как устаревшие, почти всем известны и используются в стилистических целях: *брать в жёны; Христа ради; голубая кровь; воздушный океан; как птица небесная.*

Употребление устаревших фразеологических оборотов с определённой художественно-выразительной и изобразительной целью в известной степени аналогично использованию устаревших слов.

Устаревшие фразеологические обороты могут быть использованы для придания речи торжественности и патетики, для создания языкового колорита эпохи или комического эффекта.

Фразеологические архаизмы и историзмы могут подвергаться индивидуально-авторской обработке и выступают в контексте уже как фразеологические неологизмы.

Пословицы и поговорки употребляются автором не только в целях создания речевых портретов персонажей или при стилизации. Они выполняют самые разнообразные функции: выступают в качестве названий произведений ("*Свои люди* -

сочтемся", *"Не всё коту масленица"* и др. у Островского), в качестве эпиграфов к отдельным главам (*"Береги честь смолоду"* в *"Капитанской дочке"* Пушкина), как материал для развёртывания фабульной ситуации (по пословице *"На то и щука в море, чтобы карась не дремал"* в сказке Щедрина *"Карась - идеалист"*) и др. (Ефимов 1969 : 74).

Литературы по фразеологии много. Но основные тенденции ограничены и мы о них поговорили. В настоящее время спорными являются вопросы о классификации фразеологизмов (сколько групп) и об отнесении конкретных выражений к конкретной группе. Это оживляет интерес учёных к фразеологии, функции которой в языке не теряют свою актуальность и свежесть.

Стилистическое использование фразеологических оборотов связано прежде всего с тем, что многие фразеологизмы обладают яркой выразительностью. Фразеологические обороты придают речи силу и убедительность, красочность и образность, конкретизируют или обобщают мысль и т. д. "Крылатое слово", поговорка, пословица, выразительная идиома оживляют язык, делают речь более эмоциональной. Фразеологизмы становятся одним из наиболее действенных языковых средств воплощения художественного образа, их используют для создания речевой характеристики героя, для оживления авторской речи и т. д. Например: "Мы их до самой зари гнали. Они теперь *у черта на куличках*, понял?" (К.А. Федин); "Вы ещё не нюхали как следует жизни, а вот как поживёте с моё, батенька, так и узнаете *кузькину мать*" (А.П. Чехов); "Стал он дня через два спрашивать про содержание книги, а я - *ни в зуб ногой!*" (М.А. Шолохов).

Впечатление от фразеологизмов иногда усиливается, если автор ставит рядом два устойчивых словосочетания, в чём-то схожих, как бы обращая на них внимание. Нередко это даёт комический эффект - от мягкой шутки до насмешки: "Издали и так, и сяк, а вблизи ни то, ни сё" (Д. Гранин). В "Двенадцати стульях" Остап уговаривает Кису Воробьянинова заработать немного денег нищенством: "- Никогда, - принялся вдруг чрево вещать Ипполит Матвеевич, - никогда Воробьянинов не протягивал руки. - Так протяните ноги, старый дуралей! - закричал Остап." (И. Ильф и Е. Петров).

Кроме прямого использования устойчивых оборотов речи, они могут по - разному обыгрываться. В стилистических целях фразеологизмы могут употребляться как без

изменений, так и в трансформированном виде, с иным значением и структурой или с новыми экспрессивно-стилистическими свойствами.

При использовании в стилистических целях фразеологических оборотов без изменения они выступают в авторском тексте как одно из средств, делающих речь более разнообразной, выразительной, а в речи персонажей - как одно из средств их языково-стилистической характеристики. При таком употреблении фразеологизм сохраняет значение и структуру, присущие ему в общенародном употреблении, и не несёт никаких дополнительных экспрессивно-стилистических функций: - Твой отец *добрый малый*, - промолвил Базаров, - но он человек отставной, *его песенка снета* (И.С. Тургенев); Я полагаю со своей стороны, *положа руку на сердце*: по восьми гривен на душу, это самая *красная цена* (Н.В. Гоголь); Куда, куда вы удалились, *весны моей золотые дни?* (А.С. Пушкин).

Так, без изменений, однако очень оригинально использует А.С. Пушкин фразеологизм отец семейства: "... Глава повес, трибун трактирный, теперь же добрый и простой *отец семейства холостой*."

Пословица "*Конь и о четырёх ногах, да спотыкается*" применяется к людям, делающим ошибки, с целью уменьшить меру их вины, как-то оправдать их. Смысл пословицы: "Всякий, даже опытный человек, может ошибиться". Л. Лиходеев употребляет пословицу в её буквальном смысле: "Деревья то расступались, то сдвигались так, что стремя цеплялось за стволы. Я уже успел убедиться, что конь и о четырёх ногах спотыкается - в зависимости от седока".

Другой способ "освежения" фразеологизма - включение его в непривычный контекст. Переоформление фразеологизмов чаще всего используется (и в авторской речи, и в речи персонажей) для создания всякого рода художественно-стилистических эффектов (каламбуров, игры слов и т. п.).

Оборот во всю Ивановскую обычно сочетается со словами кричать, орать. Но у А.П. Чехова: "На небе ни облачка, а луна светит во всю Ивановскую". Так, фразеологические обороты могут использоваться в изменённом, трансформированном виде. Например: *делать из мухи слона* Э. Кроткий употребляет - "*Делать муху из слона нерентабельно: слишком много отходов*".

Сталкивая как антонимы "целое" и "часть" (любовь - первая любовь), употребляет К. Ваншенкин фразеологический оборот первая любовь: *Любовь* бывает не у всякого, но *первая любовь* у всех.

Иногда для усиления экспрессии (и просто для юмора) автор дополняет фразеологический оборот, вставляя, например, определения к существительным и т.п. "Любознательному туристу Одесса даёт *вкусную пищу* для наблюдений" (И. Ильф).

Интересны случаи косвенного использования устойчивых выражений. Автор не приводит самого оборота, а теми или иными способами намекает на него. Достаточно бывает одного слова, взятого из словосочетания, и соответствующего контекста, чтобы дать понять читателю, какой оборот обыгран: "Хотят в Москву пробраться Шкуры. Хохочут утки, гуси, куры" (В.В. Маяковский - Ср. "курам на смех"); "Стыдно сесть в чужие сани коренному русаку (П.А. Вяземский.; ср. Не в свои сани не садись). (Ср. обыгрывание библейского изречения "Кесарю - кесарево, богу - богово" Андреем Вознесенским: "Богу - богово, Бокову - Боково").

Замена в фразеологическом словосочетании, цитате, пословице одного слова другим - довольно распространённый приём: "Смесь черкесского с нижегородским (М.Ю. Лермонтов, ср. у А.С. Грибоедова "смешенье языков - французского с нижегородским").

Обыгрываться (в сатире и юморе, в лирике, публицистике) могут как фразеологические сращения, так и фразеологические единства.

Оригинальным приёмом создания стилистического эффекта является употребление фразеологического оборота одновременно и как фразеологизма, и как свободного сочетания слов. Автор намеренно в одном тексте рядом ставит два словосочетания - фразеологическое и омонимичное ему свободное, возникает каламбур, игра на сходстве звучания разных по смыслу слов или выражений. Например: "- В этой части он *собаку съел*. - Ох, ах, не говорите так: наша мама очень брезглива" (А.П. Чехов). К.И. Чуковский в книге "От двух до пяти" рассказывает о ребёнке, тоже понявшем этот оборот в прямом смысле: "Когда же он услышал, что пришедшая в гости старуха *"собаку съела"* на каких-то делах, он спрятал от неё своего любимого пса". Как видно из примеров (*собаку съел* и др.), фразеологические сращения могут быть использованы в качестве одного из средств юмора и сатиры.

Однако возможности такого обыгрывания сращений сравнительно невелики. Потенциальные, скрытые возможности у сращений и единств неодинаковы.

Иное дело - фразеологические единства. Сущность таких словосочетаний в их метафоричности. Возможности обыгрывания у полисемии гораздо шире, чем у омонимии. Фразеологические метафоры (плыть по течению, куда глаза глядят, первая ласточка, ложка дёгтя в бочке мёда и т.п.), как и обычные лексические метафоры, сохраняют смысловую связь с прямым значением соответствующих слов и словосочетаний. Фразеологические единства как бы сами просятся в каламбур. Сравним: махнуть рукой на прощание и махнуть рукой на кого - либо, что - либо. В романе "Двенадцать стульев": "Большая и тяжёлая гора свалилась с плеч заведующего хозяйством." (И. Ильф и Е. Петров).

Если "обработанные" авторами фразеологические сращения используются главным образом в каламбурах, то фразеологические единства могут быть обыграны и не в юмористических текстах. Например, в повести К.Г. Паустовского "Разливы рек": "- Насколько я знаю, - спокойно ответил Лермонтов, - вы играете только в тёмную. Ну что ж, сыграем и в тёмную." Лермонтов намекает на то, что ему известна "тёмная игра" агента царского правительства, приставленного к поэту с тем, чтобы следить за каждым его шагом, а может быть, и убить его. Но поскольку разговор происходит за картами, где выражение "играть в тёмную" вполне уместно, жандарму не к чему придаться. Он только, поняв намёк Лермонтова, злобно щурится.

Фразеологические сочетания используются в речи обычно и прямо, без обыгрывания. Однако фразеологические сочетания не лишены возможностей для авторской обработки, для творческого использования. Так, писатель В.А. Луговской творчески переработал фразеологические сочетания - *кромешный ад* и *кромешная тьма*: "Игольчатые души древесины неслись в *кромешном зеве* дымохода; " *Террор кромешный*" (В.А. Луговской - о столыпинской реакции).

Скоропостижно умер, скоропостижно скончался - фразеологические сочетания. Только в шутку говорят скоропостижно влюбился. Однако, если контекст сохраняет общее значение конца, кончины, наречие скоропостижно, сочетаясь с другими глаголами, может без всякого оттенка юмора звучать в лирике. Ср. у Б. Пастернака в стихотворении "По грибы":

Уходим. За спиной-
Стеною лес недвижимый.
Где день в красе земной

Сгорел скоропостижно.

Очень часто наблюдается наполнение фразеологического оборота новым содержанием при сохранении его лексико - грамматической целостности. Например, И.С. Тургенев озаглавил одно из своих стихотворений в прозе строкой из популярного стихотворения И.П. Мятлева "Розы": Как хороши, как свежи были розы...¹ Прочитывая эту строку, Тургенев вспоминает о милых и дорогих днях юности, о ставшей далёким прошлым любви, и о горькой и одинокой старости.

Использование фразеологического оборота в качестве свободного сочетания слов часто связано с изменением его значения и грамматических свойств. Ср., например, употребление фразеологизмов *Свои люди - сочтёмся* и *работать не покладая рук*. Сочтёмся славою, - ведь мы свои же люди (В.В. Маяковский); А работает как! Не покладает рук. Может заработать до смерти (В.В. Маяковский).

Встречается также (правда, довольно редко) контаминация двух фразеологических оборотов. В этом случае или "сливаются" воедино два фразеологизма, компоненты которых представлены омонимичными словами, или объединяются фразеологизмы с синонимами и антонимами. Например, могут контаминировать фразеологизмы: *И никаких гвоздей!* и *гвоздь сезона*.

"Солдаты требовали, чтобы им показывали иностранные фильмы.... даёшь Фербенкса и Мэри Пикфорд, и никаких других "гвоздей сезона"!" (Г. Рыклин).

Для создания определённого художественного эффекта писатели довольно охотно используют фразеологический оборот рядом с одним из образующих его слов (естественно, уже в качестве слова свободного употребления): На его палитре были все краски, кроме краски стыда (Э. Кроткий); В этом зареве ветровом выбор был небольшой. Но лучше прийти с пустым рукавом, чем с пустою душой (А. Сурков).

Естественно, что указанные приемы художественно-выразительной трансформации фразеологических оборотов под пером художников слова могут совмещаться.

Фразеологическое богатство разнообразно не только в информационном плане, но и стилистически.

¹ Ср. у Мятлева:

Как хороши, как свежи были розы
В моём саду! Как взор прельщами мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!..

Трудности, связанные с переводом фразеологизмов, общеизвестны, и с ними на каждом шагу сталкивается переводчик-практик (Влахов 1986 : 228).

Длительная практика перевода разработала немало приёмов, из которых наиболее известны четыре вида перевода: 1) перевод фразеологизма фразеологизмом с тем же лексическим наполнением; 2) перевод фразеологизма фразеологизмом с другим лексическим наполнением; 3) калькирование; 4) свободный пересказ смысла фразеологического оборота.

Выбор вида перевода ФО диктуется и мотивируется целым рядом обстоятельств - уровнем близости языков, религией, культурной общностью, историческими судьбами народов, представлениями о добре и зле, об уродливом и прекрасном, о справедливости и несправедливости, о характере образного мышления.

Легче других объяснить перевод фразеологизма фразеологизмом с тем же лексическим наполнением. Это сравнительная лёгкость объясняется общностью происхождения ФО, то есть оба языка когда-то эти обороты скалькировали с третьего языка - источника. Например: "*ἄσπετος ἄσπετος βυζαντινὸν ἄσπετον*" - "*камень на камне не оставить*", "*βυζαντινὸν ἄσπετον*" - "*умывать руки*". Эти обороты заимствованы из Библии.

Общим источником, кроме Библии, могут стать изречения из греко-римской мифологии, цитаты греческих и латинских классиков, а также высказывания известных писателей, историков, мыслителей и т.д.

Данный перевод фразеологизмов наиболее предпочтителен в силу максимальной точности, однако он количественно ограничен, так как подобных эквивалентных оборотов немного, хотя набирается больше сотни только из Евангелий.

Что касается калькирования, то при данном виде перевода источником кальки становится иноязычный вербальный материал для которого в языке перевода не нашлось эквивалента. Это, по сути дела, тот же факт, что разобрали выше, но без исторической аргументации. Это новые кальки, ещё не освоенные данным языком. К этому виду перевода обращаются в двух случаях: 1) когда нет в языке перевода нужного эквивалента и 2) когда эквивалент есть, но он слишком перегружен специфическими для данного языка деталями, что не даёт возможности использовать его как эквивалент.

Иногда к калькированию обращаются сознательно, желая сохранить колорит. Например: "*Цыплят по осени считают*" - "*წიწილებს შემოდგომაზე ითვლიან*". Калькирование в целом - явление нежелательное, но часто и этим путём создаётся новый удачный оборот. Например: "*кисейная барышня*", "*голубая кровь*" и т. д. Перевод фразеологизма фразеологизмом с тем же лексическим наполнением:

"თუ მე არ ვიქნები, ქვეყანა თუნდ ძირიანად ამოვარდნილა, თუნდ ბოდბელისა არ იყოს - "*ქვა ქვაზედაც ნუ იქნება*", - სთქვა ლუარსაბმა, - ქვეყნისათვის კარგი იქნებაო! თუ მე და შენ არ ვიქნებით, ქვეყანა რად გვინდა? ჯანაც გავარდნია".

("კაცია-ადამიანი?!", თ. IV)

Нейман: "Если меня не будет в живых, так пусть хоть весь мир перевернётся или, как говорится, пусть *"камня на камне не останется"*, - сказал Луарсаб. - Для мира, говорят, будет хорошо? Да на что мне такой мир, если не станет меня с тобой! Пропади он пропадом!"

("Человек ли он?", гл. IV)

Гогоберидзе: "После меня - пусть хоть весь мир пропадает! Так и тот человек из Бодбе сказал: "*Пусть не останется камня на камне*". Для всего мира, говорят, лучше? На что нам мир, когда нас с тобою уже не будет? А ну его к праху!"

("Человек ли он?", гл. IV)

Бирюкова: "Пусть хоть *камня*, как бодбийский святой отец, бывало, говаривал, *на камне не останется*. Для страны будет хорошо! Да пусть пропадом пропадает!"

("Человек ли он?!..", гл. IV)

Фразеологический оборот "*ქვა ქვაზე ნუ იქნება*", встречающийся в грузинском языке и в таких вариантах: "*ქვა ქვაზე ნუღარ დარჩება*", "*ქვა ქვაზე ნუღარ უფიქრია*", передан переводчиками эквивалентным фразеологизмом из русского языка: "*камня на камне не оставить*". Однако в переводе Бирюковой фразеологический оборот "разрывается" вводным предложением, что мешает целостности восприятия высказывания. Эти обороты имеют общий источник. Выражение "камня на камне не оставить" взято из Евангелия (Евангелие от Матфея, гл. 24, 2 и Евангелие от Марка, гл. 13, 2) и употребляется в значении "полностью уничтожить, разрушить до последнего

основания". Бережное отношение к переводу данного контекста диктуется ещё одним обстоятельством: Луарсаб повторяет запомнившееся ему выражение, считая его автором какого-то человека из Бодбе, что подчёркивает уровень его познаний. "ოჲნდ ბოდბელისა არ იყოს" М. Бирюкова переводит: "как бодбийский святой отец, бывало, говаривал". Перевод многословный. Появление оценочного «святой отец» в переводе, видимо, следует объяснить желанием переводчика М. Бирюковой как-то сгладить грубость персонажа, который в силу своего невежества известный оборот из Библии "ქვა ქვაზე ნუ იქნება" приписывает какому-то Бодбели. Следует также отметить, что выражение святой отец по отношению к священнослужителю в православной церкви не употребляется. В православной церкви обращаются к священнику со словами отец, батюшка или отче. (Отче - это звательный падеж слова отец в древнерусском языке).

Калькирование, то есть дословный перевод ФО:

"ღარეჯანმა იგრძნო, რომ ლუარსაბმა საბუთიანად დაიჭირა და შერცხვენილმა პანზედ სიტყვა გადააკდო".

("კაცია-ადამიანი?!", თ. V)

Нейман: "Дареджани почувствовала, что Луарсаб занял прочную позицию и поспешила *переменить тему разговора*".

("Человек ли он?", гл. V)

Гогоберидзе: "Дареджан почувствовала, что попалась, да так, что и возразить нечего. Посрамленная, она не ответила ему на вопрос, - как у нас говорят: *"закинула слово на крышу"*".

("Человек ли он?", гл. V)

Бирюкова: "Дареджан тотчас же смекнула, что Луарсаб привёл решительно ничем не опровержимый довод, и, несколько сконфузясь, *переспросила*".

("Человек ли он?!..", гл. V)

Три перевода - три варианта и, по нашему мнению, все они с серьёзными срывами.

У Неймана: "*занял прочную позицию*" и "*тема разговора*". Стиль не той эпохи и не того круга людей.

У Гогоберидзе: ზერცხვენილი не посрамленная. Посрамленная - слишком энергично. Ближе пристыженная. Калька тоже получилась неудачная - смахивает на шутку. Видимо, надо было найти русский фразеологизм с нужным смысловым и эмоциональным зарядом. Таких фактов много.

Бирюкова вообще опустила фразеологизм. Опустить проще всего. Но потеря серьёзная.

Калькирование данного оборота, думается, недопустимо. Калькированное выражение "закинула слово на крышу" остаётся непонятным русскому читателю, так как "სიტყვა პაბზე ააგდო" - это оборот с элементами национального быта, незнакомого русскому читателю. Кроме того, слово "крыша" не соответствует грузинскому "პაბი". "პაბი" - это национальная этнографическая реалия, характеризующая быт грузинского народа - это утрамбованная земляная плоская кровля жилья или какого-нибудь другого помещения. Слова переведены, однако значение всего фразеологического оборота утеряно. В данном случае единицей перевода должно стать всё словосочетание в целом с учётом как смысла, так и стилистической окраски. Иначе искажается содержание оборота. В данном случае калькирование выражения не дало нужного эффекта, хотя, как указывалось выше, иногда к калькированию прибегают именно для сохранения колорита. Только калькирование должно быть мотивировано.

Следует отметить, что в разных изданиях своего перевода Е. Гогоберидзе этот оборот передаёт по-разному. Так, редакторы московских изданий В. Гольцев (1937), С. Хитарова (1955), Э. Франгулова (1960) считают приемлемым его калькирование и допускают форму "закинула слово на крышу".

Редактор тбилисских изданий 1947, 1952, 1955 и 1957 гг. Демна Шенгелая, видимо, придерживается иного мнения, так как в этих изданиях оборот не калькируется.

Гогоберидзе: "Дареджан почувствовала, что попалась, да так, что и возразить нечего. Посрамленная, она поспешила *переменить разговор*".

("И это человек? (Кациа-Адамиани?)", гл. V, Тбилиси, изд-во "Заря Востока", 1947)

В. издании 1952 г. перевод данного оборота вообще опущен, тем самым переводчик и заодно редактор признали своё бессилие перед материалом.

Гогоберидзе: "Дареджан почувствовала, что попалась, да так, что и возразить нечего".

("Человек ли он?", гл. V, Тбилиси, изд-во "Заря Востока", 1952)

В изданиях 1955 и 1957 гг. рассматриваемый оборот в смысловом отношении переведён неточно, ибо, согласно "Грузинско-русскому фразеологическому словарю", оборот "სიგგვა პანზე საგდო" означает "вместо прямого ответа на вопрос начать говорить на другую тему" (გამრეკელი... 1966 : 395). А в названных изданиях это выражение переводится следующим образом:

Гогоберидзе: "Дареджан почувствовала, что попалась, да так, что и возразить нечего. Посрамленная, она *не ответила ему на вопрос*".

("Человек ли он?", гл. V, Тбилиси, изд-во "Заря Востока", 1955, 1957 гг.)

Как видим, из тбилисских изданий наиболее аргументированный перевод данного оборота Е. Гогоберидзе дан в издании 1947 г.

Итак, если фразеологизмы имеют общий источник, они должны передаваться эквивалентными фразеологизмами, поскольку в подобных переводах сохраняются смысл оборота, образность мысли и стилистическая ценность фразеологизма.

К калькированию как к виду перевода фразеологизма следует относиться осторожно. При переводе идиом калькирование редко допустимо, так как во многих случаях искажается содержание оборота. Единицей перевода должен стать фразеологический оборот в целом, а не его отдельные компоненты. Калька возможна, если значение фразеологического оборота достаточно мотивировано значениями её компонентов. Калькированием можно сохранить национальный колорит, передать образ, содержащийся в фразеологическом обороте. Но в случае непонимания может возникнуть совершенно иной контекст, порой доходящий до бессмыслицы. Это всего лишь один пример неудачи. Но, к сожалению, таких много.

Перевод художественного текста - дело сложное и трудное. Однако перевод фразеологических единиц ещё труднее и сложнее, т.к. фразеологические единицы - особая и своеобразная часть лексики любого языка. Сложность вытекает прежде всего из

внутренней системы фразеологизмов, в которых отразилась история народа, культура, верование, эстетика, миропонимание, а также развитие данного языка как культурного и интеллектуального феномена данного народа. Наслоение исторических фактов часто представлено своеобразно, порою уже непонятно. Другая особенность фразеологизмов заключается в том, что очень часто смысловой объём фразеологизма не вытекает из суммы значений слов, входящих в него. Это самое сильное обобщение, дошедшее до абстракции, до такой условности, что говорящий, употребляя фразеологизм, предлагает слушателю не слова, а какие-то устойчивые сочетания слов, начисто лишённых своих первоначальных значений. Такие фразеологизмы принято называть идиомами. Например: разговорное выражение *собаку съел*. Он *собаку съел* на этом деле, то есть, занимаясь таким-то делом, он мастер на это, или он искусился, приобрёл опытность, искусство, так скажут о человеке, который глубоко разбирается в каком-то деле с его тёмными сторонами. Надо учесть, что данный фразеологизм стилистически немножко грубоват и в разговоре им нельзя заменить выражение "вы это великолепно знаете". Возникает вопрос, при чём тут собака и при чём "собакоедение". Нужно провести своеобразные "лингвистические раскопки", чтобы докопаться до первопричины: у древних славян считалось, что, если человек съест собачье мясо, (а собачатина не считалась человеческой пищей), то этому человеку откроются все тайны какого-нибудь явления. Так возникло данное словосочетание. Это поверье давно уже забыто, а языковая единица осталась как форма высшей оценки чьей-нибудь деятельности.

Фразеологические обороты возникали в разных сферах жизни: задеть за живое, в ногах правды нет, подноготная правда, отъявленный преступник и многие другие обороты возникли в судопроизводстве и отражают разные формы допроса "с пристрастием", т.е. пыток. Подноготная правда - это признание, полученное при помощи втыкания шила под ногти. Били по ногам длинниками - дубинками, один конец которых был нанизан гвоздями. А если таким битьём признания не получали, говорили в "*ногах правды нет*". Не следует считать, что такие "ужасные обороты" бытуют только в русском языке. Они встречаются во всех языках, только фактическое обоснование каждый раз другое.

Грузинский фразеологизм *გუგუგბე ბებო არ ღამდაჭრდა* отражает тот период крепостного права, когда непокорным крестьянам за неповиновение на ушах делали надрезы и крошили на рану лук. Это было формой жестокого наказания взбунтовавшегося подневольного человека.

Совершенно естественно, что подобные речевые единицы дословному переводу не подлежат - получается или бессмыслица, или же юмористический текст, рассчитанный на то, чтобы смешить читателя, публику. Такие факты зафиксированы в грузинских комедиях середины XIX века и весёлых частушках, которые распевались в старом Тбилиси. Например:

Птица, птица, птицацао
Что, господин лисицао?
Один птенец бросай, а то
Тебе чёрный день близицао.

В мире переводчиков бытует такое выражение - фоновая информация, или фоновые сведения. Это информация, которой в переводимом тексте нет, но без её знания невозможно понять, тем более перевести, художественный текст. К сожалению, в анализируемых переводах налицо дефицит подобной информации.

Глава II. К ВОПРОСУ ОБ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ РАЗНОЯЗЫЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Однако мы вправе задать вопрос: вообще возможен ли точный перевод фразеологических оборотов? Они ведь очень национальны и в своём роде уникальны.

В фразеологизме фокусируются не только какая-то конкретная информация, но и элементы быта, культуры, характера, традиции народа, создавшего фразеологизм. Поэтому при переводе фразеологического оборота перед переводчиком стоит задача сохранения уникальности фразеологизма с целью приобщения иноязычного читателя к миру языка оригинала. Но известно и другое: чрезмерное стремление к сохранению в переводе всех элементов фразеологического оборота, всей смысловой и языковой структуры нередко приводит к обратному результату - к примитивной кальке, которая в переводе становится каким-то инородным телом, лишённым смысловой и образной функции. Это важная проблема в переводе и для её решения оказались недостаточными лингвистические дефиниции фразеологизма Ш. Балли, В.В. Виноградова, Н.М. Шанского и др. Практика перевода потребовала нового подхода к фразеологизму как к единице речи. С учётом конкретных переводческих требований были разработаны теперь уже общеизвестные приёмы перевода фразеологизма: перевод фразеологизма фразеологизмом с тем же лексическим наполнением; перевод фразеологизма фразеологизмом с другим лексическим наполнением; калькирование; свободный пересказ фразеологического оборота.

Фразеологизмов с одинаковым лексическим наполнением, то есть имеющих общее происхождение, в разных языках обычно немного. Структурно, по смыслу и даже эмоционально они прозрачны, поэтому определить их эквивалентность нетрудно, даже при минимуме сведений о них. Наиболее трудным является установление эквивалентности между разноязычными ФО, происхождение которых мотивируется разными культурными и историческими событиями. Такие ФО чем-то схожи, что создаёт иллюзию эквивалентности. Однако при ближайшем анализе

оказывается, что они имеют и существенные различия, что затрудняет их сближение. Так выглядят, например, грузинское *პირის შეკვრა* и русское *круговая порука*. Они могут стать эквивалентами только ситуативно - только при сговоре с негативной оценкой. Однако грузинский оборот может быть употреблён и в положительном смысле, а русский перевод окажется с изъяном. Поэтому самые серьёзные затруднения возникают при переводе фразеологизмов, которые выше мы отнесли ко второй группе, то есть к переводу фразеологизма фразеологизмом с другим лексическим наполнением. Это встречается и в русских переводах "კაცია-ადამიანი?!", в частности в переводах А. Неймана издания 1936, 1937 гг., Е. Гогоберидзе - 1937, 1947, 1955 гг., М. Бирюковой - 1978, 1987 гг.

Перед переводчиками стоит вечная задача - донести до иноязычного читателя произведения И.Г. Чавчавадзе, написанные с такой гениальной простотой и мастерством, произведения, которые являются лучшими образцами выразительности, образности, силы и гибкости современного грузинского литературного языка. И.Г. Чавчавадзе уникален в отображении национального колорита, языкового мироощущения грузинского народа. Язык писателя богат и разнообразен.

Использованные в повестях И. Чавчавадзе грузинские фразеологизмы имеют яркую национальную окраску, которая буквально "светит" в оригинале и легко "тускнеет" в переводе от неосторожного прикосновения. Безмерное фразеологическое богатство русского языка, разнообразие "мира" фразеологии создают трудности переводчику: из целого ряда синонимичных фразеологических оборотов надо выбрать единственно подходящий фразеологизм. Так, богатство фразеологии иногда может стать своего рода "ловушкой" для переводчика. Неточности, допущенные при передаче фразеологического оборота, снижают художественный уровень перевода, его ценность.

Рассмотрим некоторые конкретные примеры.

"...სიქვა რაღაც ნიშნის მოგებით ელისაბეგმა და უნებლიეთ შეჰხედა ლუარსაბსა, რომელიც ბოლოასა სცემდა და რომელსაც ფეხებზედ კვიდა მოსავალიც და მამულიცა".

("კაცია-ადამიანი?!", თ. IV)

В этом отрывке три фразеологизма. В переводе А. Неймана все три фразеологизма исчезли.

Нейман: "... многозначительно сказала Елисабеди и невольно взглянула на Луарсаба, который продолжал расхаживать взад и вперёд и которому *были решительно нипочём и урожай, и имение*".

("Кациа-адамиани", гл. IV, изд. 1936 г.)

Это повторилось и в издании 1937 г.

Гогоберидзе: "... сказала Елисабед не без колкости и невольно взглянула на Луарсаба, который продолжал слоняться без толку и которому *плевать было* и на имение и на урожай".

("И это человек? (Кациа-Адамиани?"), гл. IV, изд. 1937 г.)

Рассматриваемое выражение аналогично переводится Е. Гогоберидзе и в издании 1947 г.:

Гогоберидзе: "...не без колкости заметила Елисабед и невольно взглянула на Луарсаба, который продолжал слоняться без толку и которому *наплевать было* и на имение и на урожай".

("Человек ли он", гл. IV, изд. 1955 г.)

"*Не без колкости*" близко к "*ბოძბობ ძოჯბობ*", но "*ბოჯბობსა სჯებდა*" и "*слоняться без толку*" совершенно разные обороты по смыслу и стилистически. Это так очевидно, но почему-то не заметили. Зато удачно "*ფეხებზე ჯიდა*" и "*наплевать было*".

Бирюкова: "...со значительной ужимкой проговорила Елисабед и покосилась в сторону Луарсаба, прогуливавшегoся по двору и, видимо, и *помнить не помнившего* ни об поле, ни об урожае".

("Человек ли он?!..", гл. IV, М, изд. 1978 г.)

Переводы М. Бирюковой произведения "*კაცია-ადამიანი?!"* 1978 и 1987 гг. одинаковы.

ბოძბობ ძოჯბობ не есть "значительная ужимка" (!?). *ბოჯბობს ცემა* не есть "прогуливаться по двору". Что угодно, но не это. И *მამულო* не есть "поле". Переводчица не разобралась. А редактор?

Согласно Грузинско-русскому фразеологическому словарю, выражение "*ფეხებზე ჯიდა*", "*ფეხებზეც არ ჯიდა*" вульгарное и означает "совершенно не

беспокоит, равнодушен, безразличен по отношению к кому-чему-либо" (გამბრეკელი... 1966 : 442).

Переводы Е. Гогоберидзе "плевать было и на имение и на урожай" и "наплевать было и на имение и на урожай" по стилю более соответствуют грузинскому обороту. Выражения "плевать на всё", "наплевать на всё" относятся к просторечной фразеологии и имеют грубовато-экспрессивный характер. Следует отметить, что, по сравнению с глаголом "плевать", глагол "наплевать" отличается оттенком интенсивности действия, он как бы "насыщен содержанием", более полно и сильнее передаёт эмоционально-экспрессивный оттенок выражения, в данном случае - оттенок безразличия, что объясняется наличием префикса на-, совершенным видом глагола. Думается, что использование глагола "наплевать" в обороте более оправдано и соотносится по смыслу с контекстом. В последующих изданиях Е. Гогоберидзе переводит этот фразеологический оборот глаголом "наплевать".

Однако и выражение "наплевать на всё" неполностью передаёт нюансы грубого грузинского оборота. Фразеологизм *გვბებზე ჰგოდოს* экспрессивнее, выразительнее, характеризуется более сниженной стилистической окраской, более грубым и резким звучанием, чем русский фразеологизм. Грузинский оборот ёмок, выражает резко отрицательное отношение к кому-чему-либо, в рассматриваемом примере - отношение князя Луарсаба к имению и урожаю.

Итак, как отмечалось выше, фразеологизм *გვბებზე ჰგოდოს* - образная метафора, стилистически окрашен, имеет национальный колорит и выразительнее, чем все предложенные переводы.

Исследователь Т. Сахокия предлагает следующее объяснение выражения *გვბებზე ჰგოდოს*: "как что-либо лёгкое, подвешенное к ноге, не тяжелит ногу, не мешает при ходьбе, не беспокоит человека, оно безразлично ему, так и тот человек, о ком идёт речь, безразличен кому-либо, не стоит внимания кого-либо" (სახოკია 1957 : 193).

Однако Т. Сахокия проанализировал вышеуказанный фразеологизм только в первой его части, которая семантизации не поддается. Если же взять данный фразеологический оборот в полном виде: *გვბებზე ჰგოდოს ორი და ათი შებერი*, то

его возникновение можно связать с одной бытовой реалией, которая встречалась в старину.

Раньше в селе состоятельные люди на голенищах лёгких грузинских сапог (წაღებო) носили украшения в виде пяти серебряных пятидесятикопеечных монет, в которых пробивали отверстие и прикрепляли к тесьмам, вертикально висящим на ремешке, обтягивающем голенище. Подобное украшение указывало как на состоятельность человека, так и на его независимость, пренебрежительное отношение к другим и чувство безнаказанности. Складывалось мнение: "что с ним сделаешь, он настолько богат, что у него на ногах висят такие деньги". Со временем смысловая нагрузка выражения сместилась, изменилась и стала обозначать небрежность, наплевательское отношение к кому-то, к чему-то. А с выходом из жизни самой реалии (перестали носить сапоги с такими украшениями, и реалия исчезла) фразеологический оборот редуцировался, потеряв вторую часть - *თბო ღებთ თბო მებო*. Оставшаяся же часть - *გებებზე ჰგობ*, что буквально означает "висит на ногах", смысловому анализу уже не поддаётся и существует в языке как идиома. Итак, в связи с утратой своей конкретности фразеологизм *გებებზე ჰგობ* стал употребляться в переносном смысле и превратился в очень грубое, вульгарное выражение.

Подобные факты встречаем и в других языках. Например: русский оборот "*задеть за живое*" восходит к фразеологизму "*задеть за живое мясо*", в котором последнее слово в настоящее время уже не употребляется и т.д.

Таким образом, проблема перевода фразеологизмов остаётся одной из актуальных. Анализ русских переводов произведений И.Г. Чавчавадзе показывает, что в них ещё много нерешённых или не совсем удачно решённых переводческих задач, среди которых и проблема эквивалентности разноязычных фразеологических оборотов.

Ответ же на поставленный выше вопрос, возможен ли вообще перевод фразеологизмов? - Разумеется, ответ должен быть положительным - возможен и должен быть возможным. Это совершенно необходимо и, как показывает переводческая практика, это возможно. Только нужно, чтобы переводчики знали не только трудности, но и пути их преодоления.

Итак, наиболее вынужденной формой перевода фразеологизмов является свободный пересказ его смысла.

Фразеологический и нефразеологический переводы (свободный пересказ фразеологического оборота) занимают полярные положения. Свободный пересказ фразеологического оборота - это воспроизведение семантической нагрузки фразеологизма свободным словосочетанием языка перевода. Свободный пересказ фразеологического оборота, хотя и лишает текст образной и эмоциональной окраски, в ряде случаев выступает как единственно возможный способ передачи смыслового содержания тех или иных фразеологизмов. К этому методу перевода переводчик обращается в нескольких случаях:

1) когда в языке перевода нет соответствующего фразеологического эквивалента, фразеологического аналога;

2) когда эквивалент, аналог может и есть, но переводчику не известно о существовании эквивалента, аналога и он не может найти замену;

3) когда смысловой эквивалент есть, но он слишком перегружен специфическими для исходного языка деталями, что не даёт возможности использовать его для перевода в качестве эквивалента;

4) когда невозможно удачное калькирование с целью сохранить колорит. Рассматриваемый приём перевода не бывает полноценным: всегда есть определённые потери (образность, стилистическое соответствие, оттенки значений, коннотация, метафоричность, экспрессивность, национальный колорит, афористичность и др.), что и заставляет переводчиков обращаться к нему лишь в исключительно редких случаях.

Свободный пересказ фразеологического оборота может быть передан в языке перевода:

а) словом или свободным словосочетанием (если фразеологизм исходного языка семантически эквивалентен слову или словосочетанию в языке перевода). Например, английские: *make a god of somebody* - "боготворить" кого-либо, *set* или *put on fire* - "зажечь" и т. д.,

б) переменным словосочетанием. Например, французское: *marcher sur sa longe* - "запутаться в своих делах, речах" и т. д.

Однако и при этом виде "перевода" фразеологизма нужно всегда стремиться приблизиться к фразеологическому переводу, т.е. максимально передать важные показатели исходного фразеологического оборота: смысловое содержание, стилистический оттенок, по возможности образность.

Посмотрим, какое место занимает свободный пересказ фразеологического оборота в русских переводах произведений И.Г. Чавчавадзе "ოთარაანთ ქვრივი", в частности в переводах Е. Гогоберидзе издания 1937, 1947, 1955 гг., Г. Хуцишвили - 1987 г. и "გლეხთა განთავისუფლების პირველდროების სცენები" - переводы Е. Гогоберидзе издания 1947, 1978 гг.

Рассмотрим некоторые конкретные примеры.

"-თორემ... მე ვიცი, *ყურებზედ ხახვი არ დამაჭრა*. ადემეთქი, ამ პირუტყვების ცოდვაში ნუ სდგები, თორემ ამ ჭიგოს ხომ ჰხედავ?" ("ოთარაანთ ქვრივი", თ. VI)

Гогоберидзе: "- А то что? *Испугал, подумаешь!* Вставай, говорю, пожалей хоть скотину, - не то - видишь палку?"

("Вдова из дома Отарова", гл. VI, изд. 1937 г.)

Рассматриваемое выражение аналогично переводится Е. Гогоберидзе и в издании 1947 г.

Гогоберидзе: "Что "а то"? *Подумаешь! Испугал!* Вставай, говорю, пожалей скотину..."

("Вдова Отараант", гл. VI, изд. 1955 г.)

Хуцишвили: "-Ого! *Испугал, видали мы таких*. Вставай, говорю, присмотри за буйволами, а то все колья об тебя обломаю!"

("Отарова вдова", гл. VI, изд. 1987 г.)

Е. Гогоберидзе свободным пересказом передаёт грузинское идиоматическое выражение *ყურებზე ხახვი არ დამაჭრა*. В переводе издания 1955 г. больше экспрессии, что достигается употреблением сначала глагола "подумаешь", а потом - глагола "испугал". Такой порядок слов в предложении более естественен для русской речи, помогает резче выразить мысль и сохранить эмоциональность, так как глагол "подумаешь" в данном контексте является производным междометием и соответственно

выполняет функцию междометия, выступает в качестве самостоятельного междометного предложения и выражает игнорирование угрозы, возмущение. Здесь же возникает вопрос об интонационном разграничении этих глаголов. После первого глагола - "подумаешь" желательна интонационная пауза, выраженная восклицательным знаком, возможно, и многоточием, нежели только запятой, что усиливает экспрессивность высказывания.

Грузинская идиома *ყურებზე ხახვი არ დამატრა* и рассматриваемые переводы Е. Гогоберидзе относятся к разговорному стилю речи, однако эта идиома в грузинском языке имеет грубый оттенок.

Переводчик Г. Хуцишвили более выпукло и образно передаёт свободным пересказом: " - Ого! Испугал..." и фразеологическим оборотом "видали таких". Выражение "*видали таких*" придаёт всему высказыванию выразительность, образность и соответствует по стилю речи грузинской идиоме.

Проследим, как в зависимости от контекста в разных произведениях Е. Гогоберидзе переводит фразеологизм *ყურებზე ხახვი არ დამატრა*.

"შენ იცი, მე ვიცი *ყურებზედ ხახვს დამატრი*. ბაიყუშის ბაიყუშო!"
("გლეხთა განთავისუფლების პირველდროების სცენები")

Гогоберидзе: "Я тебе"?! *Не больно испугалась*, сова ты совиная!"
("Сцены из времён освобождения крестьян", изд. 1947)

Таким же образом передан оборот Е. Гогоберидзе в издании 1978 года. Стало быть, этот перевод она считает вполне приемлемым.

Все эти переводы "*Испугал, подумаешь!*", "*Подумаешь! Испугал!*", " - Ого! *Испугал, видали мы таких*" отражают тон спора между Георгием и нерадивым работником, но речь спорящих лишилась образности и меткости, что обедняет текст.

Перевод "*Не больно испугалась*" сравнительно мягкое игнорирование угрозы, что не соответствует тону возмущения чванливой вдовы перед угрозой деверя.

Интересно объяснение возникновения *выражения* *ყურებზე ხახვი არ დამატრა*. По мнению известного исследователя Т. Сахокиа, раньше, в старину, побежденным воинам, которых брали в плен и превращали в рабов, отрезали уши, а затем для остановки кровотечения, дезинфекции и заживления раны тонко нарезали на рану лук.

Отрезали уши и купленным пленным, которых должны были обратить в рабов. Такой раб не мог убежать от своего господина, а если убегал, другой господин не принимал его (სახეობა 1955 : 43-45).

Такие формы наказания человека применялись к беглому крепостному, а также крепостному крестьянину в случае сопротивления своему господину. Но важно, что в наше время эта идиома используется в переносном значении: "мне твоя угроза нипочём".

Отсюда также пошло выражение *ყურმოჭროლი ყმა*, то есть крепостной, которому отрезали ухо (სახეობა 1955 : 49). В наши дни и этот фразеологизм используется в переносном смысле: "очень послушный человек; человек, лишённый собственного мнения и действующий по указанию другого; безгранично преданный, верный" и т. д.

В "Отаровой вдове" мы встречаем выражение *ყურმოჭროლი ყმა*.

"თუმცა ასეთი იყო გიორგი, მაგრამ თავისი დედის *ყურმოჭროლი ყმა* იყო თითქმის. ამის უნებურს თავის დღეში არ იხდომებდა".
("ოთარაანთ ქვრივი", თ. V)

Гогоберидзе: "При всём этом Георгий почти *слепо повиновался* матери. Никогда не добивался он того, на что не было её воли".

("Вдова из дома Отарова", гл. V, изд. 1947 г.)

Гогоберидзе: "При всём этом Георгий почти *беспрекословно повиновался* матери, никогда не добивался того, на что не было её воли".

("Вдова Отараант", гл. V, изд. 1955 г.)

Хуцишвили: "Впрочем, Георгий всегда *был почтителен* к матери, *никогда не прекословил* и не выходил из-под её воли".

("Отарова вдова", гл. V, изд. 1987 г.)

Переводчики свободным пересказом передают идиому *ყურმოჭროლი ყმა*. В пересказе Е. Гогоберидзе издания 1947 года больше экспрессии, категоричности, чем в переводе издания 1955 года. По сравнению с переводом Г. Хуцишвили, пересказ Е. Гогоберидзе более ёмкий и лаконичный.

В другом случае Е. Гогоберидзе этот же фразеологизм переводит иначе:

"ქვრივი. (შეტკეოთ)... აბა იქა სწერისხარ, რომ შენ შენის შესავლითა და გასავლითა ჩემი *ყურმოჭრილი ყმა* ხარ. თუნდა რომ აქავ შუაზედ გასქდე, ეგრეს".

("გლეხთა განთავისუფლების პირველდროების სცენები")

Гогоберидзе: "Вдова (напускаясь на крестьянина)... В ней-то и сказано, что ты, со всеми твоими чадами и домочадцами, *отдан мне в полное рабство*. Хотя на месте тресни, а это так!"

("Сцены из времён освобождения крестьян", изд. 1947 г.)

В издании 1978 г. повторяется этот же вариант перевода.

Этот разноречивый следует объяснить самым методом перевода - пересказом .

Да, в этих переводах образность потеряна, но смысл и эмоции сохранены. Это лучше, чем бессмысленная калька.

При свободном пересказе фразеологического оборота следует в сжатой форме передать его содержание, стилистическую окраску, по возможности образность, экспрессивность, коннотации, национальный колорит, афористичность, метафоричность и др., учесть контекстуальное содержание текста и вплести данный пересказ в общую ткань повествования так, чтобы замена была максимально приближена к оригиналу.

Таким образом, при свободном пересказе фразеологизма нужно стремиться, чтобы в контексте любое соответствие, по возможности, приобрело "фразеологический вид", было облечено в "фразеологическую форму". Переводчикам, судя по разобранным примерам, это удалось.

Один из нерешённых вопросов перевода - это передача средствами другого языка т.н. непереводаемых элементов текста - слов и словосочетаний. Гёте говорил, что "При переводе следует добираться до непереводаемого. Только тогда можно по-настоящему понять чужой народ, чужой язык".

Разумеется, Гёте имеет в виду не только и не столько действительно непереводаемые слова вроде грузинского *გებაცვალებ*, русского *закудыкать* или французского *мадам*. Речь идёт о национальных явлениях, которых нет у другого народа и, стало быть, нет и слова.

Как свидетельствуют факты, фразеологические обороты имеют все языки независимо от их развитости или ограниченности. Уникальность фразеологизмов мотивируется тем, что они тесно связаны с историей и миропониманием данного народа.

Действительно, когда мы изучаем фразеологическое богатство того или иного языка, встречаем и такие обороты, смысл которых дословно непонятен. Но историческая память народа хранит те события, которые в своё время легли в основу появления оборота. Например, в живом русском языке и сейчас бытует такое выражение: "*Митькой звали*". Теперь для многих, особенно для нерусских, совершенно неясно: что за Митька и почему этот оборот выражает мысль о том, что "что-то бесследно исчезло". А возник оборот после того, как Лже-Дмитрия II убили, поместили его труп в большую пушку, насыпали порошу и выстрелили в Западном направлении, то есть откуда он пришёл в Москву. При этом священники отказались отпеть убитого человека и Лже-Дмитрия II даже именем не упомянули и назвали просто Митькой (Ашукины М.и В. 1948 : 52). Русскому человеку никакого объяснения не требуется, он может не знать происхождения этого оборота, но смысл знает. А вот при переводе на другой язык иноязычный читатель ничего не поймёт без соответствующих комментариев. Это снижает эмоциональный эффект художественного текста. Другой пример: на Руси говорили и сейчас говорят "*язык до Киева доведёт*" и этот оборот для русскоговорящего не требует никакого пояснения, так как все знают, что этот оборот означает: "спроси, уточни, прислушайся к чужому слову". Но почему именно до Киева? Да потому, что когда-то на протяжении веков Киев считался центром славянской культуры, экономики, торговли и религии. И выходцы из северных, восточных русских земель часто наугад, не зная дороги, шли или ехали в Киев (Ашукины М.и В. 1948 : 107). Этот русский оборот по своей функции очень близок к известному обороту из латинского языка: "*Все дороги ведут в Рим*". Рим был средоточием и центром огромной Римской империи и дороги из завоёванных земель все шли в Рим. На русском Дальнем Востоке живёт немногочисленная народность – нивхи. У них в языке есть такой оборот: когда хотят сказать, что этот человек живёт очень долго, говорят, что "он родился, когда медведица умирала". В этом обороте отразилось представление древних нивхов, что, если рождение кого-то совпадёт с моментом смерти медведицы, то он, этот кто-то, будет жить очень долго. Почему нивхи именно медведицу считали таким примечательным зверем? Да потому, что, согласно их верованию, медведица – праматерь нивхов. Нивхи свободно понимают смысл этого выражения, чего не скажешь о людях, выросших на другом языке.

В грузинском языке до сих пор активно употребительны фразеологические обороты, которые содержат такие национальные элементы миропонимания, которые непонятны представителям других языков. Например: *ბადგურობს წყაღო ღაღლიძ* в значении

"потерян навсегда", *ყურებზე ხახვი არ დამაჭრა* в значении "ты не сможешь сделать мне что-то плохое", *ხურგზე ბოლი აადინა* – "кого-то кто-то сильно избил палкой".

Особенно много подобных оборотов с участием слова "გული": "გული მოუვიდა" (равно "рассердился"), "გული წაუვიდა" (равно "упал в обморок"), "გული გაუწყაღდა" (равно "терпеть уже нет сил").

В русских оборотах также часто употребляется слово душа: *душа вон, вытряхнуть душу, душа ушла в пятки, душа нараспашку*.

Особенно трудно поддаются переводу такие фразеологизмы, в которых участвуют национальные реалии быта: например, *ცემდაღზე ხის ჭურში ხის* ("не понимает, что происходит вокруг"). *ვგებზე ჰკიდია ორი და ათი შაური* – ("ему всё нипочём", "ему на всё наплевать"), "ქედზე კაცო" ("мобилизовать всё мужское население"), *შენი ხმალი, ჩემი კისერი* ("твой меч, моя шея"), *რა მჭადივით იშლება* ("что-то не клеится", "не получается").

В произведениях И. Чавчавадзе, как известно, мы встречаем немало фразеологических оборотов, перевод которых иногда просто невозможен. А переводить надо, иначе текст сильно обедняется (Бархударов 1975 : 219).

Но прежде несколько слов о понятии "национальный колорит", о котором так много говорят, когда речь идёт о качестве перевода.

В корне термина "колорит" лежит латинское *color* – цвет. От него образовано итальянское *colorito*, которое и распространилось как термин, указывающий на сочетание цветов по определённой закономерности (Петров 1988 : 237). Термин возник в сфере живописи, где речь шла именно о красках, о цветовом спектре, но постепенно его значение расширилось, перешло в другие области культуры и стало обозначать совокупность своеобразных, специфических признаков чего-нибудь – пения, архитектуры, одежды, танца. Это примерно такой же процесс, какой прошёл термин "стиль", возникший в Древней Греции и первоначально обозначающий только характер письма, почерка, манеры выводить буквы на письме. Теперь же термин "стиль" применяется к любому явлению, в котором проявляется своеобразие мышления, вкуса, поведения человека – в музыке, литературе, театре, живописи, одеянии, разговоре и т.д., и т.д.

В художественной литературе термин "национальный колорит" указывает на наличие в произведении признаков, присущих народу, на историю, быт, культуру, обычаи, характер, а иногда и на черты, которые фиксирует художественный текст и без которых данное произведение становится бесцветным, невыразительным, аморфным, безадресным

и потому неинтересным. Именно такая опасность грозит переводу, в котором переводчик не смог сохранить элементы национального колорита.

В художественном тексте национальный колорит обычно реализуется вербально, то есть словами именуется или описываются реалии быта, обычаи, праздники, отношения между людьми, исторические события, личности, которые чем-то остались в памяти народа, памятники, исторические места, а то и просто отдельными словами и выражениями, которые понятны для носителей данного языка, но не имеют точных соответствий в других языках (Влахов... 1986 : 115-116). К национальному колориту следует отнести и определённую манеру речи, часто связанную с так называемым акцентом. Этот признак речи обычно придаёт диалогу неповторимое очарование и прелесть, надолго запоминающиеся слушателям. Например, русская речь грузинского крестьянина – главного героя фильма "Отец солдата". Этот же приём с большим успехом использовал выдающийся театральный режиссёр Георгий Товстоногов в своей нашумевшей постановке в Ленинградском драматическом театре известной грузинской комедии "Ханума".

Национальный языковой колорит часто становится главным выразительным средством для создания шуток с инонациональной начинкой. Такие шутки иногда безобидны, а иной раз – злые, оскорбительные.

Национальный колорит устойчиво присутствует и в таком своеобразном компоненте языка, какими являются фразеологические обороты.

Фразеологизмы – уникальное богатство каждого языка. Это не просто лексика, это сокровищница, в которой веками хранятся история, традиции, менталитет народа, его представления о добре и зле, о прекрасном и уродливом, о правде и лжи – о жизни в целом и её понимании. Это источник жизнеспособности фразеологизмов даже тогда, когда отдельные их компоненты так устарели, что в качестве самостоятельных слов уже не употребляются или употребляются очень редко. Подобные компоненты фразеологизмов не поддаются переводу, так как в другом языке не имеют не только постоянных, но и контекстуальных эквивалентов. Конечно, легче всего такие обороты вообще выкинуть из переводимого текста – читатель ведь этого не заметит, если незнаком с оригиналом. Но при таком "облегчении" перевода художественный текст теряет очень много, предстаёт перед иноязычным читателем в обеднённом, примитивном виде, чем наносится невосполнимый урон произведению, его автору и в целом национальной литературе. И чем образнее и выразительнее художественное произведение, чем больше оно содержит частиц живой, народной, энергичной и образной речи, тем чувствительнее

будет ущерб от потери фразеологических оборотов. И чем больше в таких оборотах признаков национального колорита, тем труднее и проблемнее их перевод. Возьмём, к примеру, оборот *взять быка за рога*. Откуда пришёл он в русский язык – спорно. Одни этимологи связывают его с испанской корридой, другие же считают, что испанские тореадоры с быками боролись, не прикасаясь руками, а оборот восходит к развлечению американских ковбоев, когда соревновались, кто свалит быка, свернув ему шею, для чего животное надо было схватить за рога. Но так или иначе русскоговорящий человек без труда понимает смысл данного оборота – "сразу и энергично взяться за дело". А вот в грузинском языке оборот не закрепился. Причин может быть несколько. Но одной из них мы считаем чисто лексический мотив: по-русски бык и рабочая скотина, и бык – самец, буйный по нраву и опасный. Этот бык, видимо, и подразумевается в фразеологическом обороте. В грузинском ხარო – это рабочий скот, традиционно уважаемое животное и, как правило, спокойное, послушное человеку и брать его за рога не представляет никакого труда. А понятие бык – самец по-грузински обозначается давно заимствованным из восточных языков словом ბუღა. И в Грузии не было и нет традиции состязаться в силе с животными. Вот почему в грузинском языке не сложился оборот с быком и его рогами. Но как быть с переводом такого текста, как: "Паниковский не стал ждать и решил сразу взять быка за рога"? Ильф и Петров наполнили эту фразу ядовитым юмором – хилый и тщедушный Паниковский ничего не мог сделать со здоровым как бык Корейко. Два перевода мы знаем: "პანიკოვსკიმ მოცდა არ ისურვა და სცადა ხარისთვის პირდაპირ რქებში ეტაცა ხელი". Второй перевод: "პანიკოვსკი აღარ დაელოდა და გადაწყვიტა უცბადვე სწვდომოდა ხარს რქებში". Нужно ли доказывать, что оба перевода слабые. Но почему этот нерусский по происхождению оборот стал почти родным русскоговорящим? Тут, видимо, не обошлось без сильного влияния переводной художественной литературы и французского языка, который был в большом почёте в России XIX века, и также имеет этот оборот.

А вот совсем русский по духу и лексическому наполнению оборот – *У чёрта на куличках*. Смысл: "далеко, неясно, где". По смыслу и стилю ему точно соответствует ხადღაც ვადაკარგულში. Но это не фразеологизм и потому нет образности мышления, хотя само "ვადაკარგულში" и содержит какой-то намёк на образность. Как быть? Удовлетвориться смысловой эквивалентностью или искать что-то другое, более образное, но менее точное? Такой вопрос каждый раз решается по вкусу и эрудиции переводчика. Русские лингвисты-этимологи спорят, что такое "кулички" и почему "на куличках"

означает "далеко", да ещё "у чёрта". Наиболее предположительно, что кулички - небольшие кочки на болотах, где, по мнению суеверных, живут черти, то есть нечистая сила. Так что этот оборот не просто означает "далеко", но ещё насыщен отрицательной суеверной боязнью (Фасмер 1986 : 410-412).

Эффект непереводаемости создаётся и тогда, когда в тексте фигурирует слово или словосочетание, для которого переводящий язык не имеет однозначного эквивалента. Это обычно происходит, когда в художественном тексте синонимы используются как средство усиления стилистического и эмоционального воздействия. Так, А. Фадеев в романе "Молодая гвардия", описывая красоту и выразительность глаз Ульяны Громовой, говорит, что "Это были не глаза, а очи". В грузинском переводе это сравнение потерялось, так как грузинское "ოვალის" синонима типа очи не имеет, да ещё такого поэтического. То же самое случилось в переводе пьесы Льва Толстого "Живой труп". Цыганский хор поёт разудалую песню и герой пьесы восхищённо говорит: "Послушайте только. Степь. Лунная ночь и эта песня. Это свобода – полная свобода души. Вернее не свобода, а воля, настоящая воля". Для этого человека воля куда больше, чем свобода. У грузинского эквивалента свободы "თავისუფლება" такого синонима не оказалось и сравнение со своей огромной эмоциональной нагрузкой потерялось. Ещё пример, но уже из грузинского языка. Русское "жизнь" в грузинском имеет два эквивалента "სიცოცხლე" и "ცხოვრება". Перевод этих слов на русский язык – дело простое – "жизнь". А вот с русского на грузинский – проблема, так как грузинские слова очень специфичны в контексте и не обо всяких живых существах одинаково применимы, а иногда приходится искать совсем иное соответствие.

В принципе непереводаемого текста нет. Есть только отдельные компоненты текста (слова, словосочетания), которые не поддаются прямому переводу. Это создаёт эффект непереводаемости. Однако многовековая история перевода бесспорно доказывает, что непереводаемого текста нет – всё можно перевести если не прямо, то хотя бы контекстуально (Рецкер 1974 : 151). Но каков будет такой перевод, всё зависит от эрудиции, вкуса и мастерства переводчика – послушного жреца двух жестоких божеств – языка оригинала и языка перевода.

Из фразеологизмов, использованных И. Чавчавадзе в своих произведениях, одни переведены очень удачно, другие - приблизительно, третьи - скалькированы или пересказаны по смыслу, но так или иначе переведены. Подлинно непереводаемыми

остались два оборота и оба - заглавия произведений. Это "კაცია-ადამიანი?!" и "თარეჯანს ეწეობა". Им в переводах явно не повезло.

История перевода знает немало фактов, когда именно заглавия произведений оказывались самым крепким орешком для переводчиков.

Каждый конкретный факт поисков фразеологического эквивалента - это целое лексико-стилистическое исследование, которое должно всё время повторяться и обновляться при переводе фразеологизма, чтобы максимально удовлетворить основные общеизвестные требования: сохранить смысловое содержание оборота, образность мысли и стилистическую ценность выражения. В выборе фразеологического эквивалента важное значение имеет также учёт особенностей контекста, наличия реалий, национального колорита, лексико-грамматических показателей и т. д.

Следует отметить, что воспроизведение при переводе грамматической формы фразеологизма, как таковой, не является целью перевода. Однако отдельные особенности грамматической формы фразеологического оборота в языке оригинала способствуют более точному выражению мысли, играют определённую стилистическую роль, передают ту или иную стилистическую окраску. Поэтому и лексико-грамматические показатели фразеологизма должны быть в центре внимания переводчика. Грамматические категории в языке оригинала и языке перевода могут совпадать или не соответствовать. Использование более употребительной формы фразеологического оборота и сохранением в ряде случаев соответствий грамматических категорий достигается более полная передача нюансов высказываемой мысли, эквивалентность перевода фразеологизма (имеется в виду, что в языке оригинала и языке перевода есть соответствующие грамматические категории). Таким образом, именно из основных требований перевода фразеологизма должно исходить решение лексико-грамматических вопросов передачи фразеологических оборотов.

Рассмотрим конкретный пример.

"დარეჯანს ეწეობა. ამას ეგონა, რომ ელისაბედმა სახრე ლუარსაბისაკენ გადამოქვია".

("კაცია-ადამიანი?!", თ. IV)

Нейман: "Дареджани обиделась. Ей показалось, что Елисабеди *кидает камень в огород Луарсаба*".

("Кაცია-адамиани", гл. IV, изд. 1936 г.)

Данный оборот идентично передан А.Нейманом и в издании 1937 года.

Гогоберидзе: "Дареджан обиделась. Она решила, что Елисабед *кинула камешек в Луарсабов огород*".

("И это человек? (Кациа-Адамиани?"), гл. IV, изд. 1937 г.)

Рассматриваемый фразеологизм аналогично переводится Е. Гогоберидзе в изданиях 1947 и 1955 гг. с той лишь разницей, что в контексте глагол "решила" заменён глаголом "поняла", и в издании 1955 года в обороте используется форма - "камушек":

Гогоберидзе: "Дареджан обиделась, Она поняла, что Елисабед *кинула камушек в Луарсабов огород*".

("Человек ли он?", гл. IV, изд. 1955 г.)

В переводе М. Бирюковой вышеприведённый контекст вообще опущен.

Е. Гогоберидзе и А. Нейман в целом одинаково, образно и соответственно содержанию и стилю передают грузинский фразеологический оборот *ბაბრჯ ჯადმოჯბოჯ* эквивалентным фразеологизмом с другим лексическим наполнением *бросать (кидать) камешки в чей-либо огород*. Эти фразеологизмы как в языке оригинала, так и в языке перевода относятся к разговорно-бытовому стилю; образы в них достаточно яркие и схожие. Данные фразеологизмы в обоих языках употребляются в переносном смысле и означают "намекать на что-либо". Однако, надо отметить, что сам оборот *бросать (кидать) камешки в чей-либо огород* является калькой с французского языка - "Jeter des pierres dans le jardin de qn". Видимо, вначале это выражение употреблялось в прямом смысле, так как существует следующее его пояснение: "Камни бросали в огород человека, к которому были враждебно настроены, с целью сделать землю менее плодородной" (Шанский... 1987 : 194-195).

Что же касается оборота *ბაბრჯ ჯადმოჯბოჯ*, то в нём отражена деталь грузинского крестьянского быта: *ბაბრჯ* - это лёгкий гибкий прут, которым обычно погоняют быков. В наше время фразеологизм *ბაბრობ ჯადოჯბოჯ ჯობდებოჯ* имеет следующий смысл: "высказать иносказательно едкую мысль в чей-то адрес". Раньше, видимо, данное выражение понималось в прямом смысле и было связано с появлением определённой опасности для кого-либо, сидевшего в арбе, если в его сторону якобы

случайно направлялась занесённая аробщиком палка - სახრე. В этом обороте прослеживается постепенное смещение значения от прямого к переносному: "задеть кого-то легко, но чувствительно".

Итак, переводчики предлагают одинаковый эквивалентный оборот, однако, на наш взгляд, перевод Е. Гогоберидзе более точный.

Думается, что грузинский оборот *სახრე ლუარსაბისაკებ ვადმოიქვია* следовало бы передать глаголом прошедшего времени совершенного вида: "*кинула камушек в Луарсабов огород*" (эта форма дана во всех изданиях переводов Е. Гогоберидзе), а не глаголом настоящего времени: "*кидает камень в огород Луарсаба*" (такая форма предложена в переводах А. Неймана).

Глагол "кинул" более соответствует действию грузинского глагола прошедшего времени совершенного вида - "ვადმოიქვია" и, что очень важно, близок по смыслу к контексту, более полно и точно передаёт нюансы смыслового содержания оборота: ибо, когда Елисабед говорит, что хороший хозяин своего имени и урожая в такую пору не сидит дома, она замечает это не без колкости и имеет в виду именно Луарсаба. Высказав своё мнение, она тем самым уже "*бросила (кинула) камушек в Луарсабов огород*". В этом переводе есть и признак одноразовости действия.

В ранних переводах Е. Гогоберидзе (издания 1937, 1947 гг.) употребляет слово "камешек" ("*кинула камешек в Луарсабов огород*"), а в издании 1955 г. - "камушек" ("*кинула камушек в Луарсабов огород*"). Благодаря суффиксам это слово приобретает определённые семантические и стилистические оттенки, которые сопровождаются соответствующей экспрессией. В частности, суффикс-ешек вносит в слово "камешек" оттенок уменьшительности и ласкательности. Однако, по контексту и содержанию самого выражения, в данном обороте оттенок уменьшительности сопровождается не экспрессией ласкательности, а экспрессией иронии.

Думается, что в фразеологизмах, в которых высказывание имеет иронический или саркастический смысл, использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами придаёт больше едкости, иронии выражению и чем ласкательнее оттенок высказывания, тем оно злее, ироничнее. Рассматриваемый оборот имеет неприятные окраску и содержание, отрицательный эмоциональный оттенок: "с неодобрением или

сарказмом намекают на кого-либо в разговоре, не называя этого человека".

В разбираемом контексте Дареджан обиделась: она поняла колкое замечание Елисабед в адрес Луарсаба.

Слово "камушек", кроме вышеуказанного оттенка, имеет ещё дополнительный оттенок разговорности, что определяется суффиксом - ушек. Форма "камешки" ("камешек") в данном выражении более принята и употребительна.

Хотя И.Г. Чавчавадзе пишет: "ღარეჯანს ეწუბა. ამას ევობა, რომ ელისაბედმა ხახრე ლუარსაბისაკენ გადამოქვია", однако автор имеет в виду, что "умная", "сметливая" Дареджан именно "поняла" намёк Елисабед (издание 1955 г. пер. Е. Гогоберидзе), а не "показалось ей", как переводит А.Нейман (издания 1936, 1937 годов).

Что касается выражений "в Луарсабов огород" и "в огород Луарсаба", то следует отметить, что в "Луарсабов огород" (пер. Е. Гогоберидзе) - архаично-книжная форма, в частности, Луарсабов - это лексико-словообразовательный архаизм книжного характера, устаревшим в нём является суффикс - ов; форма, предложенная Нейманом, - "в огород Луарсаба" - более современная и употребительная.

Исследователь Г. Шаламберидзе отмечает, что И.Г. Чавчавадзе в этом обороте использует диалектную форму грузинского глагола с суффиксом "ვ" - "გადმოქვია" (შალამბერიძე 1962 : 42-47).

Итак, Е. Гогоберидзе и А. Нейман в целом образно, соответственно содержанию и стилю передают грузинский фразеологический оборот. Однако, как видим, в данном конкретном фразеологизме сохранение соответствий грамматических категорий и выбор более употребительной формы выражения делает перевод более точным и эквивалентным, способствует передаче нюансов высказывания. Если переводчик не переводит фразеологизм или контекст (М. Бирюкова), то тем самым произведение лишается меткого образного выражения, снижается художественность текста, не передаётся та или иная мысль, информация. Например, вышеуказанный контекст подчёркивает "сметливость" Дареджан, колкость речи Елисабед, отношение Елисабед

к своему деверю, князю Луарсабу и т. д. Думается, что фразеологизм *ბაბაჯ ზღაძლიჯბოჯღ* следует перевести, тем более, что грузинский оборот имеет соответствующее образное выражение на русском языке.

Таким образом, решение грамматических вопросов перевода фразеологизма должно быть подчинено раскрытию смыслового содержания самого оборота, контекста, сохранению созвучия в образности, стилистической ценности выражения и т. д. Грамматический анализ переводимого материала не дело перевода, но иногда и он нужен в деле достижения точности.

ГЛАВА III. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

И. ЧАВЧАВАДЗЕ И ИХ РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ

§ 1. Лексико-стилистический анализ контекстуального перевода

Фразеологизмы как единицы речи настолько жизнеспособны, что они удерживаются в живом языке на протяжении многих веков, если даже их первоначальное значение уже стерлось и носители языка уже не понимают его. Это касается главным образом фразеологических сращений, или идиом. Характерно, что носители языка в своей речевой деятельности вполне удовлетворяются речевой функцией идиом и до их первоначального смысла не доискиваются.

Вопрос о происхождении идиом, как правило, возникает у людей, которые интересуются историей языка. Эти люди производят своеобразные "лингвистические раскопки" и нередко докапываются до причин возникновения какого-нибудь оборота. Например: русские исследователи языка считают бесспорным объяснение таких оборотов, как *перемывать косточки*, *Митькой звали*, *пропал как швед под Полтавой*, *спустя рукава*, *остался с носом* и т. д.

Правда, некоторые объяснения имеют варианты, что свидетельствует об отсутствии окончательного решения. Например: *бить баклуши* объясняется по-разному. Когда-то *бить баклуши* означало делать из бревна заготовки для вытачивания деревянных ложек. Эти заготовки назывались баклушами. Однако характер работы противоречит такому объяснению. *Бить баклуши* - значит бездельничать, но делать заготовки для ложек - это довольно утомительный физический труд. Другое объяснение этого оборота таково: при первых заморозках, когда маленькие лужи покрываются тоненьким прозрачным слоем льда, из-под льда проглядывают маленькие воздушные пузырьки, которые с большим удовольствием бьют дети. На юге России эти пузырьки называют баклушами. Вот это, действительно, безделие и совпадает с современным значением оборота.

Эти разные объяснения разбросаны в разных источниках и каждый автор, разумеется, считает, что его объяснение самое правильное.

Особый интерес представляет вопрос о жизнеспособности фразеологических оборотов (ФО). Почему они выдерживают проверку временем и не отмирают хотя бы те, первоначальный смысл которых уже затемнён. Видимо, в этом деле огромную роль играет их образность и эмоциональная насыщенность. Они, действительно, обогащают живую речь и делают её гибкой и выразительной. Говорящие это понимают и охотно прибегают к фразеологизмам.

Второй источник долголетия фразеологических оборотов - это художественная литература, включая народные сказки. Известные или неизвестные авторы художественных произведений пользуются фразеологизмами как мощным средством для придания своему повествованию образности и эмоциональности. К этому приёму усовершенствования художественного повествования обращались писатели древности всех времён. Стоит внимательно прочесть творения классиков и наблюдательный читатель обязательно обнаружит фразеологические обороты, которыми пользуются или персонажи, или сами авторы.

Наша тема функциональный анализ фразеологизмов в прозаических произведениях великого грузинского писателя И. Чавчавадзе и лексико-стилистическое качество русских переводов этих фразеологизмов. Если учесть роль писательского творчества И. Чавчавадзе в развитии всей грузинской литературы, а также значение иноязычных переводов в деле пропаганды грузинской литературы среди других народов, то легко понять, насколько актуален и важен этот сравнительный анализ. Забегая вперёд скажем, что в русских переводах произведений И. Чавчавадзе далеко не всё благополучно. Но чтобы существующие огрехи и неточности исправить, прежде всего их надо обнаружить, систематизировать и объяснить причины их появления.

Художественный язык И. Чавчавадзе исключительно богат лексически, синтаксически, стилистически и интонационно, богат и фразеологизмами, которые делают текст гибким, эмоциональным, выразительным и оригинальным. При этом грузинские фразеологизмы, очень самобытные по происхождению и по эмоциональной нагрузке, трудно поддаются переводу на русский язык, так как русские и грузинские

языки генетически неродственные и поэтому не имеют исторических точек схождения. Переводчики чувствовали эти затруднения и решали их каждый в меру своих способностей и возможностей.

Известное дело, что перевод фразеологизмов - сложная работа и не только потому, что трудно найти эквивалент в русском языке, но ещё и потому, что зачастую непонятно, что фразеологизм означает в оригинале. Часто причиной неудачи перевода становится именно это непонимание и, к сожалению, таких примеров немало в русских переводах произведений И. Чавчавадзе.

Ещё одно обстоятельство следует иметь в виду, когда говорим о переводе фразеологических единиц. Как известно, семантические и стилистические возможности слова полностью реализуются в контексте, то есть в соседстве и тесной связи с другими словами. То же самое можно сказать и о фразеологизмах, особенно таких, которые в другом языке не имеют однозначных эквивалентов. Исходя из этого, мы отдельно разбираем контекстуальные переводы и в отдельную группу выделили перевод заглавий и т.н. непереводаемых единиц. Абсолютное большинство составляют контекстуальные переводы, что отразилось и в объёме глав работы. Итак, контекстуальные переводы.

"...აი, ეს შენ და ეს ჩემი ობლები, შენ იყავ ამათი დედა!" "ეს რომ ბბანა, - ვუო უბედურების მნახველს! - *კული ამოუჯდა*".

("კაცია-ადამიანი?!", თ. VI)

В переводах же мы имеем:

Нейман: "...Вот мои сироты. Будь им матерью". При этих словах - о, горе мне, видевшей это несчастье! - она *заплакала*."

("Человек ли он?", гл. VI)

Гогоберидзе: "...Вот мои сироты, будь же им матерью." Сказала - горе мне, пережившей такое несчастье! - и *зарыдала*".

("Человек ли он?", гл. VI)

Бирюкова: "...Так вот, будь вместо меня матерью моим сиротам!" Сказавши это, - горе той, кому довелось это услышать! - *отлетела* от неё, бедняжки, *душа!*"

("Человек ли он?!", гл. VI)

Хитрая и ловкая сваха разговаривает с Луарсабом как ближайшая подруга покойной матери жениха: будто мать Луарсаба просила её по-матерински присмотреть за её сыновьями и будто при этой просьбе у матери Луарсаба "გული ამოუჯდა", то есть ею овладел приступ рыдания. Фразеологизм *გული ამოუჯდა* означает именно это: начало тяжёлого плача.

Ближе всего к оригиналу перевод Е. Гогоберидзе. Как видим, разницей в понимании фразеологизма налицо, искажется фактура и смысл оригинала.

Возьмём ещё пример: в оригинале сваха характеризуется как опытная мастерица, ловко опутывающая как молодых людей, так и их родителей. И автор произведения говорит:

"დიდი ენამეტყველობის სახელი ჰქონდა გავარდნილი თავადიშვილებში ამ სუტ-კნებასა."

("კაცია-ადამიანი?!", თ. VI.)

В русских переводах читаем:

Нейман: "В княжеских кругах за "лжекнягиней" (и мы будем называть её так) *шла слава* весьма красноречивой женщины".

("Человек ли он?", гл. VI)

Гогоберидзе: "Лжекнягиня *пользовалась* в княжеских кругах *славой* чрезвычайно красноречивой особы". ("Человек ли он?" гл. VI).

Бирюкова: "Горе-княгиня *пользовалась* между дворянами края *славой* великой мастерицы".

("Человек ли он?!..", гл. VI)

Как видим, русские фразеологизмы *шла слава*, *пользовалась славой* стилистически мягче, слабее грузинского *სახელი ჰქონდა გავარდნილი*, но беда в том, что во всех этих трёх вариантах перевода сут-кнеина представлена очень положительно и совершенно отсутствует убийственный юмор, которым пропитан оригинал.

სუტ-კნობა переводится на русский язык по - разному: лжекнягиня у Е. Гогоберидзе и А. Неймана, *горе-княгиня* - у М. Бирюковой. Это попытка дословного перевода при ослаблении функциональной нагрузки, особенно в переводе М. Бирюковой.

Не повезло и фразеологизму "ზედ ზურგ ზედ ორასი თუმანი თეთრი ნაღდად აკერია". Этот грузинский фразеологизм имеет свою достаточно древнюю историю как в смысле употребления слова თეთრი, так и ზურგ ზედ აკერია. თეთრი - в данном случае не означает серебро, так как в то время, когда происходят описанные события, в Грузии имели хождение русские денежные знаки. Из серебра чеканились только мелкие монеты и набрать из них двести туманов, то есть две тысячи рублей, было почти невозможно.

Туманами в Грузии назывались русские червонцы (десять рублей). "ზედ ზედ აკერია" - это переносное употребление оборота из языка судопроизводства, когда к спине осуждённых пришивали белую крикливо- заметную нашивку. Общий тон данного фразеологизма игривый, просторечный, почти жаргон (сვახო-то баба разбитная) и означает, что за невестой приданое двести туманов, то есть две тысячи рублей чистых денег, при том ნაღდი, то есть наверняка, без сомнения.

"ბოლოს შეიტყო, რომ შორს წასვლა საჭირო არ არის: თავად გქელაძეს, დიად პატიოსან გვარის და კაი ოჯახის შვილს, ერთი მზეთუნახავი ქალი უბის გასათხოვარი და ზედ ზურგ ზედ ორასი თუმანი თეთრი ნაღდად აკერია". ("კაცია-ადამიანი?!", თ. VI)

В переводах читаем:

Нейман: "Он узнал, что у князя Гдзеладзе - очень почтенного и знатного человека - есть единственная незамужняя раскрасавица дочь с приданным в двадцать тысяч рублей чистоганом".

("Человек ли он?", гл. VI)

Гогоберидзе: "В конце концов Луарсаб узнал, что ему незачем ездить так далеко: у князя Гдзеладзе, отпрыска весьма именитого рода, оказалась на выданье дочь, как говорили - девушка невиданной под солнцем красоты да ещё впридачу верные деньги - *точно к спине пришитые двести туманов серебра наличными.*"

("Человек ли он?!..", гл. VI)

Бирюкова: "Потом выяснилось, что и ездить никуда не надобно: тут же, под боком, у князя Гдзеладзе, родовитого и почётной фамилии, сидит на выданье красавица - дочка, а за ней, *прямо к спине пришиты, верных две тысячи беленькими.*"

("Человек ли он?!..", гл. VI)

К этим переводам можно и не придраться, но налицо явные неточности: ორასო ორჯასო почему-то у А. Неймана стало двадцать тысяч рублей, вместо двух тысяч рублей (один туман - один червонец, один червонец - десять рублей, двести туманов - две тысячи рублей). Двадцать тысяч рублей по тем временам было невероятно огромное состояние и такого приданого ждать было невозможно.

В переводе М. Бирюковой ещё больше неясностей: *"прямо к спине пришиты, верных две тысячи беленькими"* и нигде намёка нет, что значит беленькие. В русских денежных купюрах такого знака не было.

Лучшим можно было бы признать перевод А. Неймана: "с приданым в двадцать тысяч рублей чистоганом. Употребление русского просторечного "чистоган" вносит в речь элемент образности и просторечия. Смысл оборота совершенно ясный, но подстановка двадцати тысяч рублей вместо двух тысяч никак не оправдана.

Вот интересный контекст, в котором сразу три фразеологизма: "როგორ თუ სადა, შენ ჭობოძე? ოჯახობაა, სახლია, კარია, თვალყურის ჭერა უნდა, შენ ვენაცვალის ხედი თავი, - მიუგო კნეინამ."

("კაცია-ადამიანო?!", თ. II)

Нейман: "Как где, *генацвале?* Мало ли дела: дом, усадьба...*Нужно за всеми присмотреть, шен генацвале,* - ответила княгиня."

("Человек ли он?", гл. II)

Гогоберидзе: "Как откуда? Хозяйство, дом, двор, *мой милый,* всюду *нужны ухо да глаз,* - сказала княгиня в ответ."

("Человек ли он?", гл. II)

Бирюкова: "*Помилуй, мой друг!* Да как же откуда? Дом ведь, очаг! *Приглядеть за всем надо!* - отвечала княгиня."

("Человек ли он?!..", гл. II)

Во всех трёх переводах самым трудным оказались фразеологизмы *შენ ჭობოძე* и *ვენაცვალე*. Нейман *შენ ჭობოძე* заменяет *ვენაცვალე*. В обоих случаях это слово оставляет без перевода, что вынуждает читателя объяснение этого слова искать где-то или смириться с потерей информации. Бирюкова ограничилась одним обращением "*Помилуй,*

мой друг". Это ничего, но плохо то, что обращение жены к мужу на "*мой друг*" слишком русское и напоминает речь старосветских помещиков, то есть в тексте появляется чуждый для оригинала национальный колорит. Гогоберидзевское "*мой милый*" стилистически чуть ближе к оригиналу, но всё равно "русским духом пахнет", то есть эмоционально чуждо грузинскому речевому этикету той эпохи, того общества. Это потеря. Ещё одна деталь: *შენ გენაცვალის ჩემი თავი* интонационно другое, чем *გენაცვალე*. Этот оборот очень «домашний» по своему стилю, тогда как сфера употребления *გენაცვალე* намного шире.

თვალყურის ჭერა უბდა переведено по-разному, однако все варианты приемлемы. Только одно маленькое замечание: в русском языке чаще употребляется "*нужен глаз да глаз*", а не "*ухо да глаз*."

Нам кажется, что фразеологический оборот "*თვალყურის ჭერა უბდა*" переводчик Е. Гогоберидзе точнее переводит, хотя, как уже сказали лучше *нужен глаз да глаз*. М. Бирюкова и А. Нейман в данном случае прибегают к приёму свободного пересказа фразеологического оборота. Безусловно, при сопоставлении этих вариантов перевода стилистическое преимущество за переводом Е. Гогоберидзе:

- 1) соблюдена смысловая точность;
- 2) сохраняется образность мысли и стилистическая ценность оборота.

Да и, как отмечалось выше, этот вид перевода наиболее предпочтительный, так как отвечает требованиям, предъявляемым к переводу фразеологизмов.

Следует отметить, что в оригинале автор не без иронии вкладывает в уста недалёкой Дареджан эти характерные для хорошей, заботливой и чистоплотной хозяйки слова: "*всюду нужны ухо да глаз*". На этом фоне ярче выделяются автором плоды "неустанной заботы" Дареджан о своём доме и усадьбе. Вот - живописная картина ею хорошо налаженного хозяйства, безупречной чистоты и порядка в доме: "Дом грязный, как душа старого чиновника, добраться до хозяина, не испачкавшись или не прихватив с собою ароматов некоей амбры, было великой удачей... В оконные рамы кто-то, чересчур смекалистый, догадался вместо стекол вставить просаленную бумагу... Войлок и ковёр, прикрывавшие тахты, столь опрятны, что при каждом сиятельном движении сиятельной ноги их сиятельств вздымаются столбы пыли..." В переводе эта скрытая ирония не чувствуется или очень мало чувствуется.

Автор с большой обличающей силой показывает духовную пустоту помещиков - бездельников и дармоедов.

Хотя и строга Дареджан к своей дворне: "Нельзя с людьми без строгости... Иной раз и разбранить надо, даже если не за что. Случается, проберёшь как следует - и это не вредно", но тщетны все её усилия, потому, что они бессмысленны и беспредметны, всюду царит бесхозяйственность. Да и суета княгини проявляется лишь в том, что кого-нибудь из дворовых она подтолкнет локтем, там наградит кого-то тумачом и проклянет - и так: весь день. В переводе этой сатиричности нет. Мы читаем описание чего-то. как нейтральные свидетели. Это досадно.

Использование метких выражений делает язык автора убийственно выразительным и вместе с тем придаёт сказанному большую убедительность. Если меткие выражения используются в тексте со скрытой насмешкой, как в данном разбираемом случае, то тем сильнее и ярче выглядит контраст между формой и содержанием мысли, между фактическим, настоящим и скрытой формой, чем при свободном пересказе меткого выражения. Поэтому, всякая, даже незначительная потеря, болезненно отдаётся в тексте, произведение теряет пафос повествования и, стало быть, весомость. Этим урон наносится не только данному произведению и данному автору, но и всей грузинской литературе.

"... მაგრამ გოგოს ჩოთქრდობის თავზედ შემოკვრა კი სწორედ თავღაგობის დასხმაა, კუმ ფეხი გამოჰყო, მუც ბახობ-ბახობო."

("კაცია-ადამიანი?!", თ. IV)

Нейман: "Но повязать себе голову платком дворовой девки - вот где *стыд и срам!*"

("Человек ли он?!..", гл. IV)

Гогоберидзе: "Но повязать голову платком дворовой девки - да *это просто срам!* Вот поистине: *куда конь с копытом, туда и рак с клешней!*"

("Человек ли он?", гл. IV)

Бирюкова: "А вот что носит на голове девчонкин платок - это, я тебе скажу, *ни в какие ворота не лезет. Всякое, как поглядишь, лыко норovit в строку...*"

("Человек ли он?!..", гл. IV)

Тут фразеологизм თავღაგობის დასხმა и народная пословица კუმ ფეხი გამოჰყო, მუც ბახობ-ბახობო. Фразеологизм თავღაგობის დასხმა, что означает: "втоптать себя в грязь", то-есть опозорить себя, а не просто допустить ошибку" Гогоберидзе перевела: "*это просто срам!*", Бирюкова - "*ни в какие ворота не лезет!*", Нейман - "*вот где стыд и срам!*".

Фразеологизм фразеологизмом перевёл только Нейман. Перевод Гогоберидзе - свободный пересказ, а Бирюкова, по нашему мнению, слишком отделилась от смысла оригинала. "Ни в какие ворота не лезет" не содержит элемента позорности, о чём говорится в оригинале. Этот русский оборот означает, что что-то слишком не соответствует чему-то, но без намёка на неприличие. В русском обороте нет главного оттенка - позорности поступка, а в оригинале именно это подчёркивается. Вот один такой пример: Да ты в избе-читальне был хоть раз?.. Всего два раза заходил. Ну, милый мой, это ни в какие ворота не лезет" (Шолохов).

Так что Бирюкова как переводчик допустила очень примитивную ошибку, видимо, из-за непонимания оригинала.

Совершенно не повезло в этом переводе и пословице *კუდ ვეზო ვადეჯო, ძუც ბებობ-ბებობ*. По смыслу это означает, что "кто-то тянется и чему-то для него совершенно недостижимому, хочет сравниться с тем, кто стоит намного выше". Дареджан и её соседка-кума сплетничают о Элисабед, которая, по их мнению, не имеет княжеских достоинств, а корчит из себя княгиню. "*Куда конь с копытом, туда и рак с клешней*" намного ближе к оригиналу, чем "*всякое лыко норовит в строку*".

Грузинскую пословицу Гогоберидзе удачно заменяет в тексте русской пословицей: "*Куда конь с копытом, туда и рак с клешней*".

Бирюкова передаёт грузинскую пословицу выражением "*Всякое лыко норовит в строку*". Оборот носит просторечный характер и означает: "Любая, каждая ошибка вменяется в вину, ставится в упрёк." Первоначально было: "*не всякое лыко в строку*" - не всякое лыко годится для плетения лаптей. Строка - каждая полоса лыка в лапте. Ставить (поставить) всякое лыко в строку (кому?) - "Вменять в вину любую, каждую ошибку". Ставить (поставить) в строку (кому? что?) - устарелое, означает: "Вменять в вину" (Молотков 1967 : 234, 450-451).

Нейман не переводит грузинскую пословицу, тем самым контекст обедняется, теряется художественность, образность и меткость высказанной мысли.

"... ძაგრამ *ბოგრთბოღეხ თავი არ ასჯკოვღებო, ნათქვამია*."

("კაცია-ადამიანი?!", თ. IV)

Нейман: "Но, говорят: "*Береженого и бог бережёт*"

("Человек ли он?", гл. IV)

Гогоберидзе: "Но, как говорится, *"береженого бог бережёт."*

("Человек ли он?", гл. IV)

Бирюкова: "... а *береженого*, говорится, *бог бережёт!"*.

("Человек ли он?!..", гл. IV)

Переводчики одинаково передают грузинскую поговорку. Но, думается, что перевод Неймана имеет более правильную форму, что объясняется наличием в ней усилительной частицы "и", которая подразумевает, что человека, бережёного какими-то силами, бог тоже бережёт, так сказать, бережёный и так бережёный, но его ещё и бог бережёт.

მაგრამ... მაგარი ეს არის, რომ *"ქრთამი ჯოჯობეთს ანათებსო"*, ერთი ოცოოდ თუმანი მოგინდება, რომ იმისი მახლობლები შემოვიხიოდოთ.

("კაცია-ადამიანი?!", თ. VI)

Нейман: "Но, как говорит пословица: - *"Взятка освещает преисподнюю"*. Понадобится рублей двести, чтобы подкупить близких ему людей".

("Человек ли он?", гл. VI)

Гогоберидзе: "Но... сила в том, что *"взятка даже в аду светит"*. Тебе придется потратить не меньше двадцати туманов, чтобы подкупить её близких".

("Человек ли он?", гл. VI)

Бирюкова: "Только вот... сказывают: *"Взятка и ад освещает"*. Червонцев двадцать понадобится, чтоб приятелей отца умаслить".

("Человек ли он?!..", гл. VI)

Как видим, все три перевода фразеологизма - кальки с грузинского и вроде смысл прозрачный - подкупом всего можно достичь. Но, по нашему мнению, это не совсем так. Суть этой грузинской пословицы состоит не в том, чтобы путем взятки в аду становится светло, а в том, что, по представлению древних, в загробном мире тьма кромешная и там легко заблудиться, а взятка дорогу освещает даже в аду, где всегда темно. Об этом свидетельствуют многие религиозные ритуалы (свечи, зажигаемые для умерших, речевые штампы *ანათებში ამყოფებს*, *ღმერთმა გაანათებს* и т. д.). Переводы же подчёркивают именно освещение ада. Так что, может быть, примечание

Неймана "Денежка дорожку прокладывает" точнее соответствует грузинскому выражению. К тому же и оно - фразеологизм. Нейман, видимо, чувствовал смысловую недостаточность калькированного перевода и для уточнения смысла напомнил читателю прозрачный русский оборот.

"არა, გეთყვა, მე მაგ საქმეში *ბელო ღამობანო*, მე მაგას არა ვიქ, ეხლავ ვეუბნები."

("კაცია-ღამიანი?!", თ. VII)

Нейман: "Нет, дорогой, я в этом деле *умываю руки*. Заявляю тебе наперед".

("Человек ли он?", гл. VII)

Гогоберидзе: "Нет, дорогой, заранее тебе говорю: *умываю руки*, в таком деле участвовать не буду".

("Человек ли он?", гл. VII)

Бирюкова: "Нет, любезный! *Я такому делу не пособница!* На такое не пойду, голубчик, ей-богу, не пойду!"

("Человек ли он?!", гл. VII)

Фразеологический оборот: "*ბელო ღამობანო*", как известно, имеет библейское происхождение и он дословно переведён на все христианские языки, поэтому для переводчика он не является проблемой. Это тот случай, когда фразеологизм переводится фразеологизмом с тем же лексическим наполнением. Поэтому непонятно, почему Бирюкова предпочла предложить какой-то описательный перевод. Так любой образный оборот можно передать описательно, необразной речью. Но это же явный ущерб для текста.

В данном контексте обращает внимание перевод грузинского обращения *გეთყვა*. Предложенный переводчиками "дорогой" и "любезный" нам представляется стилистически не совсем точным. Дело в том, что сводница, хотя и очень опытная, но всё же не понимает с кем разговаривает и вряд ли посмела бы так панибратски, по-домашнему говорить с князем. *გეთყვა* не столько обращение, сколько междометное слово и выражает определённое извинение за то, что смеет спорить с князем. Скажем, мой господин, господин или что-то контекстуально подходящее, но сохранившее такт речи.

Однако следует отметить, что в произведении чуть ниже в контексте И. Чавчавадзе опять употребляет оборот "*ბეღო ღაბობაბოა*", который М. Бирюкова уже передаёт фразеологизмом "*умываю руки*".

"არა გეთყუანე, მე მაგ ცოდვაში არ ჩავდგები. აი შენი ბეღ მოცემული ხუთი თუმანი, მე კი *ბეღო ღაბობაბოა*."

("კაცია-ადამიანი?!", თ. VII)

Нейман: "Нет, голубчик, не впутывай меня в этот грех. Вот, возьми назад свои пятьдесят рублей задатку. *Я умываю руки.*"

("Человек ли он?", гл. VII)

Гогоберидзе: "Нет, дорогой, этого греха я на себя не возьму. Вот тебе твои пять туманов задатку, *я умываю руки.*"

("Человек ли он?", гл. VII)

Бирюкова: "Нет и нет, любезнейший, сохрани господи! Ввязываться в этакий грех! Вот тебе твои пять червонцев задатку, а *я умываю руки*. Ей-богу, *умываю!*"

("Человек ли он?!", гл. VII)

Употребление слов *любезнейший* (Бирюкова) и *голубчик* (Нейман) опять-таки нам кажется нарушением норм речевого этикета между людьми разных сословий, о чём говорили выше.

В данном контексте все три переводчика переводят фразеологизм "*ბეღო ღაბობაბოა*" фразеологизмом "*умываю руки*", имеющих одно происхождение (Библия).

Выражение "умывать руки" употребляется в значении: "устраняться от ответственности за что-либо".

Оборот "*умывать руки*", вначале, видимо, употреблявшийся в прямом смысле, встречается ещё в "Ветхом завете", в пятой книге Моисея, именуемой Второзаконием (Библия. 1988. Пятая книга Моисея. Второзаконие, гл. 21, 1-9). Здесь рассказывается о ритуальном умывании рук, служившем свидетельством непричастности умывавшего к неизвестно кем убитому человеку, найденному на его земле.

Согласно "Новому завету" (Евангелие от Матфея, гл. 27, 24), Пилат умыл руки перед толпой, отдав ей Иисуса Христа для казни, и сказал: "Не виновен я в крови праведника сего." Как видим, и здесь это выражение употреблено в прямом смысле. По

всей вероятности, уже после этот оборот стал употребляться в переносном смысле: "устраняться от ответственности за что-либо".

"უბრალო კაცის შვილები ხომ არ არიან, ათ-ათ თუმანში *ბელო გაისვარობ*, თავადიშვილები არიან, სახელგანთქმულები, იმათი შესყიდვა ადვილი არ არის." ("კაცია-ადამიანი?!", თ. VI)

Нейман: "Как можно? Это же не какие-нибудь простые люди, чтоб *пачкать руки* из-за твоих ста рублей. Это - князья, с известными именами. Их подкупить не так просто." ("Человек ли он?", гл. VI)

Гогоберидзе: "Это же не простые люди, не станут *марать руки* десятком туманов; все это князья, знатные господа, не так-то просто их подкупить." ("Человек ли он?" гл. VI).

Бирюкова: "Господи, спаси и помилуй! Не простое ведь они мужичьё, чтоб об десять червонцев *пачкаться!*"

("Человек ли он?!", гл. VI)

Оба эквивалентных оборота: "*марать руки*" и "*пачкать руки*" (переводы соответственно Е. Гогоберидзе и А. Неймана) относятся к разговорному стилю и соответствуют грузинскому фразеологизму "*ბელო გაისვარობ*" как по смыслу, так и по стилю.

Данный фразеологический оборот М. Бирюкова переводит свободным пересказом - пачкаться.

უბრალო კაცის შვილები два переводчика перевели почти калькой - простые люди, а Бирюкова - не простое ведь они мужичьё. Однако опустили детали: что они княжеского рода, знатные. Сваха этим хочет усилить воздействие и не думает, что ещё больше унижает их.

Согласно Фразеологическому словарю русского языка, "*марать (пачкать) руки*" об кого, обо что означает: "Связываться с кем-либо; быть причастным к чему-либо низкому, недостойному; ввязываться в предосудительную историю, нестоящее дело" (Молотков 1967 : 237).

"აბა, ჩემო ღვიძელ დაზედ უფრო უკეთესო დაო! *ქალოა თუ ვაჟი?* ჰკითხა მოხე გძელადემ."

("კაცია-ადამიანი?!", თ. VII)

Нейман: "Ну, дражайшая сестрица, что скажешь? Как дела? - спросил Мосе Гдзеладзе."

("Человек ли он?", гл. VII)

Гогоберидзе: "Ну, как же, сестра моя, более драгоценная, чем родная сестра, - *орёл или решка?* - спросил Мосе Гдзеладзе."

("Человек ли он?", гл. VII)

Бирюкова: "Ты, сестрица, знаешь ведь, для меня дороже родни будешь! Ну, так как же там? *Девочка или мальчик?* - в нетерпении спросил Мосэ Гдзеладзе."

("Человек ли он?!", гл. VII)

В целом удачнее переводы Е. Гогоберидзе и М. Бирюковой, так как в них сохранена образность мысли, но перевод М. Бирюковой - "*Девочка или мальчик ?*" - ближе к подлиннику.

А. Нейман даёт свободный пересказ, в результате чего теряется художественность текста.

"ღარეჯანმა შემოჰხედა, დაინახა, რომ ლუარსაბი ისევ ის ლუარსაბია, არც გიჟი, არც ჭკვიანი, არც ფლავი, არც ჩლავი; მაგრამ მაინც კიდევ ჯერ ეჭვში იყო." ("კაცია-ადამიანი?!", თ. X)

Нейман: "Дареджани взглянула на него и увидела, что это - Луарсаб, её Луарсаб, однако всё ещё колебалась: "временами у сумасшедших бывает просветление," - подумала она."

("Человек ли он?", гл. X)

Гогоберидзе: "Дареджан кинула на него взгляд и увидела, что Луарсаб - всё тот же Луарсаб: ни безумный, ни умный, *ни то ни сё*. Однако у неё всё ещё оставались сомнения."

("Человек ли он?", гл. X)

Бирюкова: "Дареджан, поднявши глаза, узрела, что перед нею и впрямь точь-в-точь всегдашний её Луарсаб - не то, чтобы ума палата, но и не скажешь, что совсем уж глупец. *Ни то*, как, бывало, всегда, *ни се*. Однако же увериться ещё не вполне уверилась..."

("Человек ли он?!", гл. X)

Грузинский фразеологизм: "არც ფლავი, არც ჩლავი" в переносном смысле означает: "არც ისა, არც ესა".

Е. Гогоберидзе русским "ни то ни сё" передаёт именно переносное значение этого оборота. Можно было бы данный фразеологизм перевести очень распространённым выражением: *ни рыба ни мясо*.

«Частица *ни - ни* встречается в отдельных устойчивых выражениях и пословицах для обозначения неопределённости, например: в конкретном рассматриваемом случае - ни то ни сё» (Земский... 1986 : 296).

В переводе Бирюковой фразеологизм *ни то ни сё* разрывается: ни то, как, бывало, всегда, ни сё, в результате чего теряется целостность восприятия оборота.

А. Нейман вообще не переводит этот грузинский фразеологизм, тем самым, как отмечалось и раньше, текст теряет художественность и образность, русский читатель лишён возможности воспринять в полноте стилевое мастерство И. Чавчавадзе, особенности его языка, его умение ярко и образно вести повествование. Одно тут можно добавить: *ფლავი* в переносном употреблении означает: "что-то неудачное, неуютное". Ни то ни сё - менее язвительно.

"სულ რისთვის? იმისთვის, რომ შიში და კრძალვა ჰქონდეს, თორემ შენ მტერი!"

("კაცია-ადამიანი?!", თ. II)

Нейман: " ... а всё зачем? Затем, чтобы внушить страх и уважение, иначе - *не дай, бог!*."

("Человек ли он?", гл. II)

Гогоберидзе: " ... а для чего? Для того, чтобы боялись и уважали, а не то - *врагу твоему не пожелаю*". ("Человек ли он?", гл. II)

Бирюкова: " ... а всё для чего? Чтобы страх был, смирение! Не то *не дай бог и врагу!*"

("Человек ли он?!", гл. II)

Перевод А. Неймана лучше, так как он сумел найти весьма подходящее и по смыслу и по стилю грузинскому обороту: "*შენ მტერი*" - русское: "*не дай, бог!*"

Перевод М. Бирюковой тоже удачный - "не дай бог и врагу!"

Е. Гогоберидзе передаёт оборот с помощью калькирования. Выражение "врагу твоему не пожелаю", часто употреблённое во время беседы, создаёт неприятное впечатление.

Небольшое уточнение. Грузинское ჩემი მტერი - сокращённый вариант ჩემი მტერი იყოლ ასე (ამ დღემი). Тут нет жалости к врагу. Русское "врагу не пожелаю" содержит какую-то жалость к врагу. Вот эта разница потеряна в переводе.

И. Чавчавадзе прекрасно понимает выразительную силу пословиц и охотно пользуется ими в художественном тексте. Естественно, что их надо перевести.

Рассмотрим несколько примеров.

"*ხარი ხართან დააბოლ, - ან ფერს იცვლის, ან ზნესაო*", ნათქვამია."

("კაცია-ადამიანი?!", თ. II)

Нейман: "Запряги быка с быком, он перенимёт либо масть, либо нрав", - гласит пословица."

("Человек ли он?", гл. II)

Гогоберидзе: "Сказано: "В паре бык у быка если не масть, так нрав переймёт."

("Человек ли он?", гл. II)

Бирюкова: "Говорят: "Припряги одного быка к другому, тотчас же или стать переймёт, или нрав."

("Человек ли он?!.", гл. II)

Ясно, что все переводы - кальки. Но в какой-то мере сохранён национальный колорит и смысл понятен, однако явно не хватает переводу сжатости и крылатости оригинала. В русском языке есть эквивалентные обороты. Например: *два сапога пара*; С кем поведёшься, от того и наберёшься; С кем поживёшь, у того и переймёшь.

Пословица "С кем поживёшь, у того и переймёшь" могла быть использована в данном контексте.

"*დარეჯანი კი არ იყო ეგრე ზანტი, როგორც ლუარსაბი, - ამაში კი, ღვთის წინაშე, ისინი ერთმანეთს არა ჰგვანდნენ; გამოვიდა, რომ ფერი ერთი ჰქონდათ და ზნე კი არა.*"

("კაცია-ადამიანი?!", თ. II)

Нейман: "Дареджани не была так ленива, как Луарсаб. В этом отношении, надо отдать справедливость, супруги не походили друг на друга, хотя и были *одного поля ягоды*."
("Человек ли он?", гл. II)

Гогоберидзе: "Дареджан не была так ленива, как Луарсаб. В этом, скажу как перед богом, они не походили друг на друга. Выходит, *масти-то они одной, но нрава разного*."
("Человек ли он?", гл. II)

Бирюкова: "Дареджан была не такая любительница нежиться, как Луарсаб, - в этом они, как перед богом, не были похожи, так, что получалось было, что *цветом они были едины, нравом же несхожи*."
("Человек ли он?!", гл. II)

Если в ранее рассмотренном случае для перевода пословицы: "*ბარო ბარობა ღაბობა, აბ ვერს იკვლის აბ ხეხაო*" переводчики используют калькирование, то во втором случае, в отличие от Е. Гогоберидзе и М. Бирюковой, А. Нейман передаёт русской поговоркой: "*одного поля ягоды*."

Тут же следует отметить, что фразеологизм "*ღვთობა წობაჲ*" в данном контексте Е. Гогоберидзе и М. Бирюкова правильно переводят: "*как перед богом*".

Надо сказать, что если фразеологический оборот встречается в тексте дважды или более, то А. Нейман в отличие от Е. Гогоберидзе и М. Бирюковой, старается каждый раз по-новому его переводить.

Проследим эту особенность перевода А. Неймана и на другом примере:

"*ამით ვიბუკებებ, რომ "ცუდად ჯდომას ცუდად შრომა სჯობია*."

("კაცობა-ადამიანბო?!", თ. II)

Нейман: "Утешу себя пословицей: "*лучше впустую работать, чем впустую бездельничать*."

("Человек ли он?", гл. II)

Гогоберидзе: "Утешусь хотя бы тем, что *худая работа лучше худого безделья*."

("Человек ли он?", гл. II)

Бирюкова: "Утешусь тем, что "*лучше худо работать, нежели худо сидеть*."

("Человек ли он?!", гл. II)

Все переводы - кальки. Но, нам кажется, что вторая часть пословицы - ცუდად შრომა понята не совсем верно. Это не плохо, худо работать - "хоть что-то делать, чем-то заниматься", а общий смысл оборота таков: "лучше чем-то быть занятым, чем сидеть без дела". Правда, в русской пословице говорится, что "худой мир лучше доброй ссоры", но здесь первое определение *худой* употреблено почти в прямом смысле - мир без взаимного уважения, без любви, а "добрый" - только метафорически, так как ссора никогда не может быть доброй. В разобранных переводах чувствуется явное влияние указанной русской пословицы, только не учтены стилистические нюансы.

"ეს საქმე ყოფილად და საქმე გაუხეხია ამ ანდების ძალით: "ცუდად ჯდომას ცუდად შრომა სჯობიაო."

("კაცობა-ადამიანი?!", თ. I)

Нейман: Сидя без дела, нашла для себя "*маленькое дело*", которое по пословице "*лучше большого безделья*."

("Человек ли он?", гл. I)

Гогоберидзе: "Не было дела и вот нашлось-таки во славу пословицы: "*Худая работа лучше худого безделья*."

("Человек ли он?", гл. I)

Бирюкова: "Сидела без дела, а тут нашлось оно. Сказано ведь: "*Лучше худо работать, чем худо сидеть*."

("Человек ли он?!", гл. I)

В первом случае все три переводчика передают грузинскую пословицу в скалькированном виде, во втором контексте - Нейман находит русское просторечное выражение и, по нашему мнению, получилось лучше, образно и понятно. Что же касается кальки "*худо сидеть*" или "*худое безделие*", то вряд ли это будет понятно русскому читателю без специального осмысления. Тут дело в том, что переводчики (а может и авторы подстрочника) одинаково поняли грузинское ცუდად, тогда как в одном предложении повторное употребление слова ცუდად не означает простого повторения. ცუდად ჯდომას значит бездельничать, ничего не делать, а ცუდად შრომა не худо работать, а что-то всё-таки делать, хоть незначительную, но всё-таки полезную работу выполнять. В этом смысле данная пословица употреблена в оригинале в обоих случаях.

Пословица "ცუდად ჯდომას ცუდად შრომა სჯობიან" во втором контексте характеризует бесцельную, бессодержательную жизнь помещиков: чтобы как-нибудь скоротать однообразный день и занять ум, помещики (скорее помещицы) предаются "плодотворному" занятию: выводят иглой на просаленной оконной бумаге или крест, или сердце, или же надпись вроде такой: "Как медведю взобраться на дерево, - иавнанина!"

Грузинская пословица "ცუდად ჯდომას ცუდად შრომა სჯობიან" в данном контексте полна сатирического содержания не только в адрес бездельников, но и в адрес тех, кто занимается бессмысленной возней.

"ამაზედ არის ნათქვამი: "ბედი მომეცო და სახსვეზედ გადამაგდო!"

("კაცობა-ადამიანი?!", თ. VI)

Нейман: "Недаром говорится: *"Дай мне счастье, а там хоть выбрось меня в навозную кучу."*

("Человек ли он?", гл. VI)

Гогоберидзе: "Недаром, видно, говорится: *"Дай мне счастье, а там хоть в навозную кучу кинь!"*

("Человек ли он?", гл. VI)

Бирюкова: "Сказано: *"Привалила удача, хоть за ворота выбрасывай!"*

("Человек ли он?!", гл. VI)

С сожалением следует отметить, что данная грузинская пословица переводчиками понята совершенно неправильно. Во-первых, სახსვე ვовсе не навозная куча, а смотрины, где молодые люди присматривались друг к другу с целью выбрать себе жениха и (особенно) невесту. Во -вторых, ბედი მომეცო - дай мне не счастье, а судьбу. Ведь, по представлению людей, судьба каждого человека predetermined и что человеку написано на роду, то и сбудется. Общее значение, смысл: чтобы на смотринах выпала удача, нужна судьба, без чего счастья не будет. Именно об этом говорится в контексте: Луарсаб рад, что привалила такая удача - в жены достаётся девушка - красавица да ещё с огромным приданым. В переводе же читаем какую-то несуразицу. Не выдерживает критики и отсылка Неймана на пословицу, приводимую В. Далем: "Со счастьем на клад набредешь, а без счастья и гриба не найдёшь" (Даль 1969 : 73). В ней

есть что-то общее с грузинской пословицей, но всё-таки это очень разные сентенции. Следует сказать, что слово სანახვე понято как სანებვე, тогда как სანებვე - навозная куча, а სანახვე - место смотрин, знакомства молодых людей.

Следует отметить, что грузинская пословица "ბედი მომეცი და სანახვეზედ გადამაგდეო" дана в тексте в ироническом плане.

"შენს პირს შატრო, ჩემო ლამაზისეულო, შენს პირს შატრო, - წამოიძახა გახარებულმა დარეჯანმა, - წადი და ეხლავ აქ მოიყვანე, ფულს გაჩუქებენ-თქო". ("კაცია-ადამიანი?!", თ. XI)

Нейман: "Сахар тебе на уста, моя Ламазисэули! - вскричала обрадованная Дареджани. - Беги сейчас же и приведи её сюда. Скажи, мол, подарят тебе денег."

("Человек ли он?", гл. XI)

Гогоберидзе: "Золотые твои уста, моя Ламазисеули, золотые! - обрадовалась Дареджан. - Ступай приведи ее сейчас же! Скажи: денег подарят".

("Человек ли он?", гл. XI)

Бирюкова: "Сахар твоим устам! - взлетела навстречу ей с тахты княгиня. - Утешила! Ну, так ступай тотчас же! Зови! Денег, скажи, подарят! Денег посули!"

("Человек ли он?!", гл. XI)

Из этих трёх переводов наиболее естественным кажется перевод Е. Гогоберидзе - фраза построена свободно, без принуждения, как действительно выскажется русский человек в такой ситуации. "Сахар твоим устам" - чистая калька, "Сахар тебе на уста" тоже почти калька, а "на уста" - с точки зрения стиля кажется несколько неудачным. Думаем, что не совсем удачно и сочетание "денег подарят". Естественнее прозвучало бы "деньги дадут". так как в данном контексте грузинское "გაჩუქებენ" подразумевает именно "дать, дадут". Стало быть, не "денег подарят", а "деньги дадут". Это чисто стилистический вопрос.

А. Нейман предлагает сравнить данное выражение с поговоркой "Твоими бы устами да мёд пить". В художественном переводе подобные отсылки нецелесообразны - они нарушают целостность восприятия текста.

Е. Гогоберидзе переводит грузинский оборот *"შენს პირს შაქარი"* фразеологизмом с другим лексическим наполнением - *"золотые твои уста"*, но суть и стилистическое звучание сохраняются. Это хорошо и по-русски.

Согласно Грузинско-русскому фразеологическому словарю, *შენს პირს შაქარი* говорят человеку, сообщившему что-либо хорошее (გამრეკელი... 1966 : 492). Данный контекст именно такой.

"მოყვარეს პირში უძრახე, მტერს - პირს უკანაო".

("კაცია-ადამიანი?!")

По своему смыслу и эмоциональной окраске эта грузинская пословица очень своеобразна. В ней прежде всего интересно слово *უძრახე*, которого уже нет в активном словаре современного грузинского языка. Его корневое значение - сказать. Однако разные приставки привносят в слово разные смысловые оттенки и стилистическую окраску. И это прежде всего - осуждающий оттенок. Это хорошо поняли переводчики и нашли эквиваленты с соответствующей окраской. Однако осуждающих синонимов в русском языке много. Что же выбрали переводчики?

Нейман: *"Порицай друга в глаза, Недруга - за глаза"*.

("Человек ли он?")

Гогоберидзе: *"Друга осуждай в глаза, врага - за глаза"*.

("Человек ли он?")

Бирюкова: *"Друга брани в лицо, недруга за спиной"*

("Человек ли он?!")

Как видим, переводчики способом калькирования почти одинаково передают грузинскую пословицу. Перевод этот близок в смысловом отношении к подлиннику. Однако, думается, что форма, представленная А. Нейманом, лучше. Нам кажется, что наиболее подходящим тут было бы слово «упрекай», так как осуждать и бранить слишком резко, порицать - тоже. Друга лучше упрекнуть, а недруга - бог с ним, пусть живёт, как хочет - говорящего интересует реакция только друга.

"ერთი კაცია იქ, იმისი სიტყვა გქელადიანთ მოსესათვის ბეჭედია, ფორმანია სწორედ. იმას უნდა ხახა დავუღებოთ."

("კაცია-ადამიანი?!", თ. VI)

Нейман: "Есть тут такой человек, одно его слово для Мосе Гдзеладзе крепче печати, крепче фирмана. Надо будет ублажить его."

("Человек ли он?", гл. VI)

Гогоберидзе: "Есть там один человек, слово которого для Мосе Гдзеладзе - закон. Поистине - фирман. Надо его подмазать."

("Человек ли он?", гл. VI)

Бирюкова: "Есть такой человек - его слово для Мосэ Гдзеладзе что твоя печать, да что там печать - грамота, фирман, - вот ему бы глотку смягчить - подсахарить..."

("Человек ли он?!", гл. VI)

Фразеологический оборот "*ბაბა ღავეულებოთ*" (что означает – «подкупить, дать в лапу») А. Нейман передаёт свободным пересказом, в результате чего теряется образность высказывания, выразительность языка писателя.

Оборот "*ბაბა ღავეულებოთ*" и соответствующие ему переводы Гогоберидзе, Бирюковой и Неймана относятся к разговорному стилю речи.

Е. Гогоберидзе и М. Бирюкова переводят фразеологизмом с другим лексическим наполнением. В этих переводах больше экспрессии, выразительности.

Однако в этих переводах упущена одна деталь - *ბაბა ღავეულებოთ* - грубое просторечие, чему по стилистической ценности больше соответствует такое же грубое и просторечное "*заткнуть глотку*". Видимо, все-таки лучше Неймановское «ублажить». Однако потерян намёк угощения (= намочить кому-то горло).

"გამოცდილი სუბ-ქნება მიხვდა, რასაც მოასწავებდა ეს ამბავი, მაგრამ თავი მიოკატუნდა, მითამ-და არაფერი იცის".

("კაცია-ადამიანი?!", თ. VII)

Нейман: "Пронырливая сваха смекнула, что это значит, но сделала вид, будто ничего не понимает".

("Человек ли он?", гл. VII)

Гогоберидзе: "Многоопытная лжекнягиня не заблуждалась насчет того, что сие означает, но все же притворилась, будто ничего не поняла." ("Человек ли он?", гл. VII)

Бирюкова: "Княгиня" - бестия тотчас же смекнула, к чему клонит плут Мосэ, однако же приняла такой вид, будто бы никак не может взять в толк, для чего приводилась девчонка".

("Человек ли он?!", гл. VII)

Е. Гогоберидзе прибегает в переводе к свободному пересказу, М. Бирюкова и А. Нейман переводят грузинский оборот фразеологизмом с другим лексическим наполнением. Перевод А. Неймана более лаконичный и в языковом отношении естественный.

Согласно Грузинско-русскому фразеологическому словарю, *თავს (მო)იკატუნებს* означает: "принимать вид ничего не знающего (о происшедшем), прикидываться несчастным" (გამრეკელი... 1966 : 227).

Разговорные обороты, встречающиеся большей частью в речи персонажей, встречаются и в языке И. Чавчавадзе. Например:

"ბოლოს, ფერისცვალობის დღეს, რადაც ეშმაკად ნათლიამამ ნახევარ ლიტრა კალმასი მოართვა. ჯავრისაგან იმ კალმასს ლაზათიანად მიიძღა, მოუვიდა (ლუარსაბს) კუჭის ანთება და ჩაჰბარდა პატრონსა".

("კაცია-ადამიანი?!", თ. XIV)

Нейман: "Наконец в день преобразования, *как на беду*, кум прислал ему фунтов пять форели. Луарсаб с горя жадно накинулся на неё, заболел воспалением желудка и *отправился к праотцам*".

("Человек ли он?", гл. XIV)

Гогоберидзе: "Наконец, в день преобразования господня кум, *как на грех*, преподнёс ему фунтов пять форели. Луарсаб с горя основательно приналёг на неё, заболел воспалением желудка и *отправился к праотцам*".

("Человек ли он?", гл. XIV)

Бирюкова: "Наконец раз как-то, в день господня преобразования, *какой-то чёрт дернул* крестника его поднести крестному полсадка форелей. Луарсаб с горя так налёг на них, что в желудке его сделалось воспаление и бедняга *отдал-таки создателю сиротливую душу*."

("Человек ли он?!", гл. XIV)

Переводчики Е. Гогоберидзе и А. Нейман одинаково переводят фразеологический оборот "ჩაჰბარდა პატრონსა" фразеологизмом с другим лексическим наполнением - "отправиться к праотцам". М. Бирюкова также передаёт

данный фразеологизм фразеологизмом с другим лексическим наполнением "отдал-таки создателю сиротливую душу". По стилю ближе к тексту "отдать богу душу". Выражения "отправиться к праотцам" и "отдать создателю душу", как и грузинский оборот *ჩაბდავრდა პატივებს*, относятся к разговорному стилю речи. Переводы Е. Гогоберидзе и А. Неймана более лаконичны.

"Отправляться к праотцам" (*отправится к праотцам*) означает: «умирать» («умереть»). Сравните: *отправляться на тот свет*. Синонимами являются: *испускать (испустить) последний вздох, ложиться (лечь) в гроб, отдавать (отдать) богу душу, отдавать (отдать) концы, сходить (сойти) в могилу, уходить (уйти) в лучший мир (уходить (уйти) из жизни)* (Молотков 1967 : 305).

Думается, что *отдать богу душу* в данном контексте более соответствует грузинскому *ჩაბდავრდა პატივებს*.

Выражение *ჩაღვაც ეშმაკად* Е. Гогоберидзе передаёт фразеологизмом с другим лексическим наполнением - *как на грех*, что означает: «как нарочно, как назло; к несчастью» (Молотков 1967 : 120). . А. Нейман переводит *как на беду*. М. Бирюкова передаёт *какой-то чёрт дёрнул*. Фразеологизм *чёрт дернул* - просторечное выражение и означает: "Неизвестно зачем, по какой надобности нужно было мне, тебе и т.д. (сделать что-либо). Выражение крайнего неудовольствия, сожаления и т.п. по поводу чего-либо сделанного, совершённого" (Молотков 1967 : 520).

Думается, более приемлемы переводы: *как на грех, на беду*, так как угощая рыбой, кум оказывал уважение, а не *чёрт дёрнул*.

Неправильно переведено у М. Бирюковой *ბათლობდა* – крестник. Согласно Словарю русского языка Ожегова С.И., крестник означает: «крёстный сын»; крестница – «крёстная дочь». Крёстный означает: "У верующих: участвовавший в обряде крещения кого-н. в роли так наз. духовного отца или матери (крёстный отец, крёстная мать), а также окрещённый при участии таких лиц (крёстный сын, крёстная дочь)".

Кум означает: "Крёстный отец по отношению к родителям крестника и к крёстной матери" (Ожегов 1968 : 297,304). Так что правильно именно кум.

" - შებ უთხარო, რომ თითონ პატივებს თავის პირით მიბდებნა-თქო, მაშინაც არ დაიჯერებენ? - უბდებნა ლუარსაბმა.

- მაშინ კი რაღა ეთქმით, შენი ჭირიმე!
- ეგრე, ჩემო დათო! ყველას უთხარი.
- *ბატონი ხარ*. მაშ გიახლოთ?
- *წადი*."

("კაცია-ადამიანი?!", თ. XIV)

Нейман: А ты скажи, что, мол, барин сам, своими устами говорил тебе. И тогда не поверят? - сказал Луарсаб.

- Тогда, конечно, что им остается? Должны поверить!
- Ну, и хорошо, Дато! Всем так и передай.
- *Слушаюсь, батонო!* Прикажете итти?
- Иди."

("Человек ли он?", гл. IV)

Гогоберидзе: "- Ты скажи: «Князь сам, собственными устами сказать изволили»

Неужели и тогда не поверят? - обеспокоился Луарсаб.

- Поверят, ваша милость, как же иначе!
- Так всем и передай, мой Дато.
- *Воля ваша!* Прикажете идти?
- Ступай!"

("Человек ли он?", гл. IV)

Бирюкова: " - А ты скажи, что сам барин своими устами говорил, - приказал Луарсаб.

- Неужто не поверят?
- Тогда нечего им будет сказать, барин!
- Ну так, мой Дато, поди и скажи всем!
- *Воля ваша, барин!*
- Ну ступай!"

("Человек ли он?!", гл. IV)

Грузинское выражение *ბატონი ხარ* в данном контексте употребляется в смысле: «как вам угодно, как прикажете, воля ваша». Поэтому переводы Е. Гогоберидзе и М. Бирюковой следует считать более удачными.

Перевод А. Неймана неточный.

"რადღა გავაგრძელო, მოსება და კნეინამ ესე დააწყეს საქმე და სწორედ ეგრედაც ბოლო მოუღეს. კაი ბადე დაუგეს ლუარსაბსა და კარგადაც გააბეს."

("კაცია-ადამიანი?!", თ. XVII)

Нейман: "Как порешили, так и сделали. *Расставили Луарсабу сети* и поймали его".

("Человек ли он?", гл. VII)

Гогоберидзе: "Что долго рассказывать! Мосе и лжекнягиня как порешили, так и сделали. *Надежную сеть раскинули* они вокруг Луарсаба, опутали его крепко-накрепко".

("Человек ли он?", гл. VII)

Бирюкова: "Чего там тянуть, читатель! Надобно тебе сказать, что Мосэ с "княгиней", как задумали, так и повели дело, да так и свели его с концом - *расставили сети для нашего Луарсаба*, да и затащили его в них."

("Человек ли он?!", гл. VII)

Оба оборота: *раскинуть сети* и *расставить сети* - синонимы в русском языке и соответствуют грузинскому: *ბადე დაუგეს*.

"არა, თავზედ ლაფს არავის არ დავასხმევინებ! ან უნდა ჯვარი დაიწეროს, ან არა და აქედამ ცოცხლები ვეღარ წახვალთ!"

("კაცია-ადამიანი?!", თ. VIII)

Нейман: "Нет! *Не позволю* никому *позорить меня!* Или он сейчас же обвенчается или вам не уйти отсюда живыми!"

("Человек ли он?", гл. III)

Гогоберидзе: "Нет, я никому *не позволю себя позорить!* Или он обвенчается, или никто из вас не уйдёт отсюда живым!"

("Человек ли он?", гл. VIII)

Бирюкова: "Нет, я не допущу! *Не позволю обливать себя грязью!* Или он обвенчается, или вы не уйдёте отсюда живыми!"

("Человек ли он?", гл. VIII)

Как отмечалось выше, фразеологизм *თავს, (თავზე) ლაფს დაასხამს* означает: «публично опорочить; закидать грязью» (გამრეკელი... 1966 : 226).

М. Бирюкова переводит грузинский фразеологизм фразеологизмом с тем же лексическим наполнением: *не позволю обливать себя грязью*. Думается, что перевод М. Бирюковой лучше.

Переводы Е. Гогоберидзе и А. Неймана соответствуют по смыслу грузинскому обороту, но фразеологизм передан свободным пересказом.

В рассмотренных переводах повести И. Чавчавадзе "Человек ли он?" идиоматические выражения *შეზოგობოძე*, *შეზგებაცვალე* и т. д. переводятся по-разному: в ранних изданиях переводов передаются способом транслитерации, в более поздних - калькой, сходными по смыслу словами и словосочетаниями, в отдельных контекстах и вовсе не переводятся.

И. Чавчавадзе на русском языке печатался часто и в каждом издании что-то менялось, подправлялось. Это свидетельство того, что переводчики всё время работали на совершенствовании русского текста. Заметно и то, что московские и тбилисские издатели несколько по-разному подходили к редактированию текста. И трудно сказать, что московские издатели всегда лучше редактировали переводы.

Оборот *შეზოგობოძე* употребляется часто в повести "Человек ли он?!" и в зависимости от контекста с разными смысловыми оттенками: 1) как ласкательная фраза, которой супруги Таткаридзе обмениваются между собой; 2) как подобострастная форма обращения слуги Дато с его сиятельством - князем Таткаридзе. В контексте обращения слуги Дато с князем Таткаридзе рассматриваемый оборот уже принимает социальную окраску, - он указывает на пропасть, которая лежит между князем и слугой. Ведь эта фраза имеет одностороннюю направленность: её произносит только слуга Дато в диалоге с князем. Таким способом автором подчеркивается подобострастный, почтительный тон лукавого слуги.

Думается, что транслитерационный способ передачи фразеологизмов в художественных произведениях сам по себе неудачный, поскольку не даёт русскому читателю никакой информации, не вносит ясность в художественный текст, не передаёт образность живой речи.

Транслитерационный способ передачи оборота *შენი ჭირიძე* без учёта контекста, без анализа тех смысловых оттенков этого выражения, которые возникают в беседе между говорящими, в результате чего получается нивелировка этих важных оттенков, приводит к однозначному пониманию данного выражения русским читателем. Речь идёт о переводах А. Неймана повести "კაცია-ადამიანი?" (1936, 1937 гг.) и ранних переводах Е. Гогоберидзе (1937, 1947 гг.).

Одинаковая передача "*შენი ჭირიძე*" - "шени чириме" в разных контекстах: как ласкательного обращения супругов Таткаридзе друг к другу и такая же передача - "шени чириме" в контексте обращения лукавого Дато с князем Таткаридзе стирает те оттенки значения данного оборота, которыми И. Чавчавадзе насыщает это выражение.

Вот примеры. Первый контекст:

" - სად იყავ, *შენი ჭირიძე*, - ჰკითხა მერე კნეინასა, - რომ ეგრე დაიდალე?
- როგორ თუ სადა, *შენი ჭირიძე*? ოჯახობაა, სახლია, კარია, თვალყურის ჭერა უნდა, *შენ კენაცვალის ხედი თავი*, - მიუგო კნეინამ".

("კაცია-ადამიანი?", თ. II)

Нейман: " - Где ты была, что так устала, *шени чириме*? - спросил он княгиню.

- Как где, *генацвале*? Мало ли дела: дом, усадьба... Нужно за всеми присмотреть, *шენ генацвале*, - ответила княгиня".

("Человек ли он?", гл. II)

Гогоберидзе: " - Ты откуда, *шени чиримე*? Почему так устала? - немного погодя спросил он княгиню.

- Как откуда, *шени чиримე*? Хозяйство, дом, двор, всюду глаз нужен, всюду ухо нужно, - сказала княгиня в ответ".

("Человек ли он?", гл. II)

Бирюкова: «- Ты откуда, *душа моя*, - спросил он княгиню, - что так уходилась?

- Помилуй, *мой друг*! Да как же откуда? Дом ведь, очаг! Приглядеть за всем надо! - отвечала княгиня».

("Человек ли он ?!.", гл. II)

Как видим, один и тот же оборот - *შენი ჭირიძე* повторяющийся в аналогичных контекстах, А. Нейман передаёт в одном случае прямой транслитерацией - *шени*

чириме, в другом случае - *შეზო ჭობოძე* заменяет *გენაცვალე* и передаёт транслитерацией ласкательного оборота - *генацвале*. Как отмечалось выше, переводчик тут же в сносках поясняет: *შენი ჩირიმე* – «буквально: "Твой недуг мне", часто употребляемая в обиходе фраза». «Генацвале» - непереводаемая фраза, выражающая ласку" (Чавчавадзе 1937 : 24). Оборот *შენ გენაცვალებს ჩემი თავი* А. Нейман передаёт фразеологизмом *შენ გენაცვალე*. Сфера употребления "*გენაცვალე*" намного шире.

А. Нейман часто прибегает к следующему приёму: передаче в контексте одного и того же оборота разными выражениями. На эту особенность перевода Нейманом фразеологических оборотов было указано выше. Это, видимо, делалось, чтобы вносить некоторое разнообразие в контекст, сохраняя при этом общий тон повествования. В данном случае переводчик передаёт любезно-ласкательное обращение супругов друг к другу.

Е. Гогоберидзе в изданиях 1952, 1955, 1957, 1960 годов оборот *შეზო ჭობოძე* в данном контексте переводит выражениями: "*мой милый*", "*моя милая*", "*дорогой мой*", что стилистически чуть ближе к оригиналу, но всё-таки эмоционально чуждо грузинскому речевому этикету той эпохи, того общества.

М. Бирюкова оборот *შეზო ჭობოძე* (изд. 1978, 1987 гг.) передаёт через "*душа моя*", "*мой друг*". Обращение супругов Таткаридзе "*на мой друг*", "*душа моя*" "*слишком русское*", в тексте появляется чуждый для оригинала национальный колорит.

Да и в русском языке оборот «душа моя» как форма обращения появился под влиянием французского языка и употреблялся в речи так называемого просвещённого общества. В речи простых людей это выражение не встречаем ни у Пушкина, ни у Гоголя, ни у Тургенева.

Эти ласкательные обороты - ещё один из штрихов в карикатурном изображении супругов. Этот приём помогает автору сгустить карикатурные краски портретов своих героев, поэтому, думается, что обороты: *შეზო ჭობოძე*, *შენ გენაცვალე*, *შენ გეთყუანე* и др. должны быть переведены так, чтобы сохранить их стилистическое звучание.

Второй контекст:

" - შენი მტერი ყოფილა, ჩვენ ვიქნებით, შენი ჭობოძე!

- რაც უნდა იყოს, მამასავით გპატრონობთ.

- დიად, *შენი ჭირიმე!* სწორედ მამა ბრძანდებით და ჩვენ შვილები ვართ. თუ ხანდისხან გაგვიწყობით, აგვიკლებთ, წაგვართმევთ, - ეგ რა? - სულ ჩვენის სიკეთისათვის არის ხოლმე. განა მამა შვილს არ გაუწყობა?"

(“კაცია-ადამიანი?!” , თ. IV)

Эта, на первый взгляд, безобидная беседа барина и холопа на самом деле пропитана ядовитым сарказмом со стороны слуги и тупым самомнением со стороны барина. Слуга буквально издевается над своим "отцом" - господином, но не забывает своего холопского положения и во избежание худшего льстит своему барину. Сохранилась ли в переводе эта беспощадная словесная борьба?

Нейман: " - Не дай, бог, *шени чириме!* Что за жизньё будет нам без вас?

- Что бы там ни было, а все же мы печёмся о вас, как родители.

- Да, *шени чириме!* Вы - родной отец, а мы - ваши дети. Если и случается, что разгневайтесь на нас, накажете или захватите что у нас - так что ж из этого? Ведь это все - ради нашего же блага! Разве отец не сердится на своих детей?"

(“Человек ли он?”, гл. IV)

Гогоберидзе: " - Дай бог врагу твоему такое жизньё, *шени чириме!*

- Как-никак, а мы, словно отцы родные, о вас печёмся.

- Поистине, *шени чириме*, вы - наш отец, мы - дети ваши! Если и случится поругаете иной раз или отберёте что-нибудь, хотя бы и силком, так что же? Всё нам же на благо! Разве не гневается отец на своих детей?"

(“Человек ли он ?”, гл. IV)

Бирюкова: «- Пусть наш враг останется без вас, *барин!*

- Что там ни говори, мы как отцы ваши!

- Да, *господин!* Вы наш отец родной, а мы ваши дети. Ежели и посерчаете когда, оберёте, прибъёте, что тут такого обидного? Всё ведь для нашего же добра, для нашей пользы делается. Разве отец не сердится на сына?»

(“Человек ли он?!.” , гл. IV)

Лукавый слуга Дато, конечно, посмеивался в душе на князя, но внешне с князем он держался почтительно и покорно, зная своё место. Общий тон вроде и сохранён, но

в переводе не хватает скрытого, затаённого гнева человека, которого обижают, грабят, а он обязан не только молчать, но ещё и благодарить.

Е. Гогоберидзе оборот *შენი ჭირიძე* в рассматриваемом контексте в разных изданиях передаёт по-разному: "господин" (изд. 1952 г.), "ваша милость", "сударь", "да падут на меня ваши беды" (изд. 1955, 1957, 1960 гг.) или переводчик вовсе не переводит это выражение.

М. Бирюкова фразеологизм *შენი ჭირიძე* (изд. 1978, 1987 гг.) в данном контексте передаёт через «барин», «господин». Перевод М. Бирюковой через *барин* ближе русскому читателю.

Рассмотрим ещё несколько примеров перевода оборота "*შენი ჭირიძე*":

"- როდისა გხვებიან ნაკლული, შენი ჭირიძე, რომ ეხლა იყოს?.."

("კაცია-ადამიანი?!", თ. III)

Нейман: "У вас и не было никогда недостатка. Слава тебе, господи, дом - полная чаша."

("Человек ли он?", гл. III)

Гогоберидзе: "А разве когда-нибудь у вас бывала недостача, *да падут на меня ваши беды?!*"

("Человек ли он?", гл. III)

Бирюкова: "Когда ж он бывал не полон, чтоб теперь ему быть пусту?!"

("Человек ли он?!.", гл. III)

А. Нейман и М. Бирюкова вообще не переводят выражение "*შენი ჭირიძე*". Е. Гогоберидзе калькой, т.е. дословно передаёт смысловое содержание этого оборота - "*да падут на меня ваши беды*". Опустить что-то из оригинала, значит обеднить текст, что не желательно, калькирование оборота всё-таки сохраняет какую-то информацию, хотя и затрудняет понимание текста. Но это лучше, чем совсем потерять информацию.

"- გავისტუმრე, *შენი ჭირიძე!* ეხლა თუნდ ორღობეებს იქნებიან გაცილებულნი."

("კაცია-ადამიანი?!", თ. III)

Нейман: "Отправил, *шени чириме*. Вероятно, они уже выезжают за село."

("Человек ли он?", гл. III)

Гогоберидзе: "Отправил. Они, верно, уже за околицей."

("Человек ли он?", гл. III)

Бирюкова: "Отправил! Теперь уж, верно, за околицу свернули."

("Человек ли он?!", гл. III)

И тут то же самое - в одном случае оборот передаётся транслитерацией, в другом - совсем опускается.

Околиц в грузинской деревне не было. Однако контекстуально ორღობეები и околица эквиваленты. Поэтому перевод считаем удачным.

"- დათო! ხორცი ხომ ჩამოიტანე ბაზრიდამ? (იმ სოფელში ბაზარიც გახლდათ).

- დიად, შენი ჭირიმე.

- რა ნაჭერია?

- ჩაღაღაჯი.

- სამწვადედ?

- სუკი ვიშოვე, შენი ჭირიმე.

ძვირფასი კაცია, - გაიფიქრებდა ხოლმე მადლიერი მეზობონე..."

("კაცია-ადამიანი?!", თ. III)

Этот занимательный диалог переведён так:

Нейман: "- Дато! Ну, что, принёс с базара мясо? (В этом селе имелся и базар.)

- Да, шени чириме!

- На шашлык?

- Да, шени чириме, раздобыл вырезку!

"Золотой человек!" - с удовлетворением думал благодарный помещик..."

("Человек ли он?", гл. III)

Гогоберидзе: "- Дато! Мясо с базара привёз?

(Был в той деревне и базар.)

- Да, судარь, привёз.

- Какой кусок?

- Лопатка, верхняя часть...

- А на шашлык?

- Вырезку добыл.

"Золотой человек," - подумает, бывало, благодарный помещик..."

(“Человек ли он?”, гл. III)

Бирюкова: " - Дато! Мяса с базара привёз? - В деревне был и базар.

- Привез, *барин!*
- От какого куска?
- Оковалок!
- А для шашлыка?
- Филею раздобыл, *барин!*

"Золотой человек!" - умилялся Луарсаб..."

(“Человек ли он?!", гл. III)

А. Нейман, транслитерацией передавая значение оборота "*შენი ჭირიმე*" - "*шени чириме*", теряет в тексте подобострастный тон слуги. Такой перевод остаётся непонятным русскому читателю.

Е. Гогоберидзе идиоматическое выражение "*შენი ჭირიმე*" передаёт в одном случае через "*сударь*", в другом - опускает совсем.

М. Бирюкова "*შენი ჭირიმე*" в обоих случаях передаёт через "*барин*".

Русскому читателю ближе и понятнее будет перевод Бирюковой "*барин*", нежели гогоберидзевский аристократический "*сударь*" или неймановское иноязычное выражение "*шени чириме*".

" - დიაღ, *შენი ჭირიმე!* სულ ტყუილია. მე ბევრისათვის მითქომს, რომ ტყუილია, და როდი მიჯერებენ.

- შენ უთხარი, რომ თითონ ბატონმა თავის პირით მიბძანა-თქო, მაშინაც არ დაიჯერებენ? - უბძანა ლუარსაბმა.

- მაშინ კი რაღა ეთქმით, *შენი ჭირიმე!*

- ეგრე, ჩემო დათო! ყველას უთხარი. "

(“კაცია-ადამიანი?!", თ. IV)

Нейман: " - Да, *шени чириме!* Всё враньё; я многим говорил, что это враки, только кто мне верит!

- А ты скажи, что, мол, барин сам, своими устами говорил тебе. И тогда не поверят? - сказал Луарсаб.

- Тогда, конечно, что им остаётся? Должны поверить!

- Ну, и хорошо, Дато! Всем так и передай."

("Человек ли он?!", гл. IV)

Гогоберидзе: " - Воистину! Враньё всё. Я многим говорил, что враньё, да что-то не верят.

- Ты скажи: "Князь сам, собственными устами сказать изволили." Неужели и тогда не поверят? - беспокоился Луарсаб.

- Поверят, *ваша милость*, как же иначе!

- Так всем и передай, мой Дато."

("Человек ли он?", гл. IV)

Бирюкова: " - Так, *барин!* Все враки. Я многим говорил, что враки, да разве они верят?

- А ты скажи, что сам барин своими устами говорил, - приказал Луарсаб. - Неужто не поверят?

- Тогда нечего им будет сказать, *барин!*

- Ну, так, мой Дато, поди и скажи всем!"

("Человек ли он?!", гл. IV)

В рассматриваемом контексте лукавый слуга Дато внешне с почтением относится к князю Таткаридзе, но в душе посмеивается над князем.

А. Нейман оборот "*ჭებო ჯობობჯ*" в одном случае в контексте передаёт транслитерационным способом - "*шени чириме*", в другом - вовсе опускает.

Е. Гогоберидзе в начале контекста опускает оборот, в другом случае переводит через "*ваша милость*", что стилистически и контекстуально близко к оригиналу, хотя это «слишком русский оборот».

М. Бирюкова в обоих случаях передаёт через "*барин*", то есть в стиле классической русской литературы XIX века. С учётом мира читателя звучит.

"*ახდგნო ცოცხო კარგად ჯგობს!..*"

("*ოთარაანთ ქვრივი*", თ. XIII)

Гогоберидзе: "*Новая метла чисто метёт.*"

("Вдова Отараант", гл. XIII)

Хуцишвили: "*Новая метла чисто метёт.*"

("Отарова вдова", гл. XIII)

Переводчики удачно перевели пословицу "ახალი ცოცხი კარგად ჰგვის" соответствующей пословицей из русского языка: "Новая метла чисто метёт." Следует отметить, что эта пословица в русском языке встречается в нескольких вариантах - Даль: "Новая метла хлёстко метёт"; Снегирёв: "Новый веник чисто метёт"; Д. Ушаков: "Новая метла чисто метёт" (Жуков 1966 : 311).

Известно, что русский и грузинский языки неродственные. И если в этих языках встречаются выражения, идентичные по своему лексическому составу, то, очевидно, эти выражения заимствованы из какого-то общего источника. Так и эти пословицы, видимо, заимствованы из общего источника.

Оборот "ახალი ცოცხი კარგად ჰგვის" идёт из притчи, в которой свекровь старшей невестке в качестве примера указывает на молодую невестку, старательно подметавшую новой метлой двор. Старшая невестка, понимая суть упрёка, иронически говорит, что "новая метла хорошо метёт", не уточняя, что она подразумевает: новую метлу или молодую невестку. Перевод совершенно точный, так как в обоих языках этот фразеологический оборот давно существует.

"Новая метла чисто метёт", согласно Словарю русских пословиц и поговорок Жукова В.П., означает: "Человек в новой должности, на новом месте более придирчив, более требователен" (Жуков 1966 : 311). Но в тексте эта пословица носит несколько иронический оттенок. "Новая метла чисто метёт," - так отзывались о Георгии другие работники. Однако автор проводит мысль, что Георгий поступает так, а не иначе не потому, что он новый работник, а потому, что, во-первых, Георгий сам по натуре такой: не терпит несправедливости, халатного, равнодушного отношения к работе, к своим обязанностям; во-вторых, он воспитан так (вспомним, как мать одобрила поступок Георгия, когда он вступился за маленького мальчика, у которого здоровенный парнишка выманил металлические пуговицы от пояса. Хотя Георгий и пострадал основательно: "из разбитого носа текла кровь, ворот красной рубашки висел клочьями", мать обрадовалась за сына, возгордилась его поступком: зло было наказано); в-третьих, Георгий был сыном Отаровой вдовы, женщины, которую все уважали и боялись, которая не терпела несправедливости и не давала попусту себя в обиду. В её лице Георгий имел живой пример человека твёрдого, волевого и, в сущности, доброго, хотя и "благодеение своё Отарова вдова присыпала перцем." Поэтому, естественно, что

Георгий иначе и не мог бы поступить, и пословица эта не про Георгия должна быть сказана.

"ჰა, აფრად არ აუშვა შენებურად, - უთხრა დიმილით ქალმა..."

("ოთარაანთ ქვრივი", თ. X)

Гогоберидзе: " - Ну - ну! *Не распускай паруса*, по своему обыкновению, - улыбаясь, ответила Кесо..."

("Вдова Отараант", гл. X)

Хуцишвили: " - Будет тебе лишнее говорить, ох, и мастерица ты *закусывать удила*, - с лёгким упрёком сказала Кесо..."

("Отарова вдова ", гл. X)

Выражение "*აფრად აუშვა*" в прямом смысле означает: "поднять, распустить паруса." Переносное значение этого оборота: "обрести свободу действий." Это выражение может иметь иронический оттенок: "ничего не стесняться." Именно в ироническом значении употребляется этот оборот в "Отаровой вдове".

Фразеологизм "*не распускай паруса*" во всех этих значениях употребляется и в русском языке. Поэтому следует считать, что Е Гогоберидзе весьма удачно нашла эквивалент грузинскому выражению "*აფრად არ აუშვა*".

Перевод Е. Гогоберидзе данного контекста, по сравнению с переводом Г. Хуцишвили, более лаконичен и точен.

Г. Хуцишвили грузинский оборот "*აფრად აუშვა*" переводит фразеологизмом "*закусывать удила*". Согласно Фразеологическому словарю русского языка, "*закусывать удила*", "*закусить удила*" - просторечное и означает: "Действовать не зная удержу, идя напролом, не считаясь с обстоятельствами, со здравым смыслом, распалившись" (Молотков 1967 : 166).

Следует отметить, что в переводе Г. Хуцишвили в рассматриваемом контексте нет лаконичности оригинала, в словах Кесо больше строгости, упрёка, грубоватого оттенка. В подлиннике Кесо говорит с Отаровой вдовой, подбирая слова, улыбаясь, стараясь не обидеть Отарову вдову и в то же время приостановить её, предостеречь от обычной резкости.

"მართალი უთქვამთ: წუთისოველი ზოვისათვის მამა,

ზოგისათვის - მამინაცვალისა."

("ოთარაანთ ქვრივი" თ. XXI)

Гогоберидзе: "Недаром сказано: *для кого жизнь - мать, а для кого - мачеха!*"

("Вдова Отараант", гл. XXI)

Хуцишвили: "Не зря говорят: *иному жизнь - мать, а иному - мачеха.*"

("Отарова вдова ", гл. XXI)

Эквивалент найден точный. Но две детали: 1. *წუთისოფელი* переведён как жизнь. 2. В оригинале – отец и отчим, в переводе – мать и мачеха, что и в грузинском закрепилось, видимо, не без влияния русского языка.

" - მერე შენ რა? *ვინც ცოცხალი-ცოცხალი ხარ. შენი მოჯამბორე ხომ არა ვარ?*"
("ოთარაანთ ქვრივი", თ. VI)

Гогоберидзе: " - Тебе-то что? *Чего лезешь не в своё дело?* Не у тебя ведь служу!"

("Вдова Отараант", гл. VI)

Хуцишвили: " - Слушай, *какая муха тебя укусила*, откуда ты такой взялся? Не у тебя ведь служу! - вскипел батрак."

("Отарова вдова ", гл. VI)

Перевод Е. Гогоберидзе лаконичен.оборот "лезть не в своё дело" относится к разговорному стилю и передаёт содержание всего контекста, но не фразеологизма "*ვინც ცოცხალი-ცოცხალი ხარ*".

Перевод Г. Хуцишвили многословен и чуть-чуть сдвинут в стилистическом плане. "*Какая муха тебя укусила*" намного мягче, чем "*ვინც ცოცხალი-ცოცხალი ხარ*". Не совсем к месту и "откуда ты такой взялся?", означающий удивление по поводу чего-то неожиданного. А тут другое – озлобление батрака: кто-то лезет не в своё дело.

"კაცობა და ვუხუცობა"

("ოთარაანთ ქვრივი", თ. XV)

Гогоберидзе: "*У всякого свой нрав*"

("Вдова Отараант", гл. XV)

Хуцишвили: "*Своя судьба - свой нрав*"

("Отарова вдова ", гл. XV)

Этот оборот – оправдание немотивированного поступка, порой не без скрытой иронии. Общее значение: кому-то так хочется и всё, объяснять нет надобности.

Перевод Е. Гогоберидзе в смысловом отношении близок к подлиннику.

" - ეგ რა სთქვი, შვილო? მამისშენის შვილი და ბოგანა - მოჯამაგირობა? საიღამ საღაო? ხომ საფლავში გადატრიალდა მამაშენი სირცხვილისაგან..." ("ოთარაანთ ქვრივი", თ. VIII)

Гогоберидзе: " - Что ты сказал? Сыну твоего отца идти в батраки? Ты что задумал? Да отец твой от стыда *в могиле перевернётся!*"

("Вдова Отараант", гл. VIII)

Хуцишвили: " - Это надо же, ишь что придумал! Унизиться до положения батрака? Да отец твой от стыда *в гробу перевернётся!*"

("Отарова вдова ", гл. VIII)

В обоих переводах потеряны важные нюансы: ბოგანა – მოჯამაგირეობა (нищее батрачество) сильнее и острее, чем "идти в батраки" или "унизиться". საიღამ საღაო - это подчёркивание разницы между происхождением Георгия и его желанием наняться в батраки. Это оскорбление гордости матери. Этот нюанс утерян, к сожалению. А так перевод точный в части "перевернётся в могиле (в гробу)". Грузинский язык предпочитает "საფლავში", русский - "в гробу".

" - წაშალე ნატყვი, ტყუილად გარჯილხარ. რა ამბავი იქნებოდა?! დავიღალე და ხელ-ფეხს ქარი ამოვადებინე, - უთხრა შვილმა".

("ოთარაანთ ქვრივი", თ. VII)

Гогоберидзе: " - Не нужно, мама, зарубки, попусту тревожишься. Что могло быть? Устал, *передохнуть* захотелось, - ответил сын."

("Вдова Отараант", гл. VII)

Хуцишвили: " - Разве можно так, мама? Ну, устал, *передохнул* малость, - постарался успокоить её Георгий. - Зря только мучаешь себя".

("Отарова вдова ", гл. VII)

Идиома "ხელ-ფეხს ქარი ამოვადებინე" означает: "ხელ-ფეხი დავასვენე", "ცოცა შევისვენე", т.е. "чуть передохнул", "дух перевёл". Данный контекст Е. Гогоберидзе переводит близко к оригиналу.

Г. Хуцишвили тоже переводит свободным пересказом: через глагол "передохнул". Перевод рассматриваемого контекста менее близок к подлиннику.

Оба переводчика "ушли" от фразеологизма, хотя можно было бы предложить "дух перевёл".

"თურმე ურემი გამოუტანებიათ შეშისათვის და ის კი ჩრდილში წამოწოლილიყო და ლაზათიანად ჰხვრიბავდა".

("ოთარაანთ ქვრივი", თ. VI)

Гогоберидзе: "Работника, как видно, послали с арбою за дровами, а он улёгся в тени и храпел что есть мочи."

("Вдова Отараант", гл. VI)

Хуцишвили: "Хозяин, оказывается, отправил батрака с арбой за дровами, а тот разлёгся в тени и сладко похрапывал."

("Вдова Отараант", гл. VI)

В словосочетании *ლაზათიანად ჰხვრიბავდა* вся эмоционально-оценочная нагрузка приходится на слово *ლაზათიანად*. Оно очень смыслообъёмно и нюансы колеблются от однозначно положительного до саркастически отрицательного. Это хорошо видно даже из тех примеров, которые приведены Толковым словарём грузинского языка из произведений И. Чавчавадзе: *ლაზათიანად სილა გაუშავდა, იმას კი ერთი ლაზათიანად მივჯობავდი, ერთი კაი ლაზათიანი ჩხუბი მოუვიდათ, კარვა ლაზათიანად დავნაყრდით*. В смысловом отношении все эти употребления объединяет одна мысль – полнота совершённого действия, в эмоциональном плане все они чем-то отличаются друг от друга – или лёгкой иронией, или издевкой, или чувством удовольствия, что действие совершилось. В нужном нам словосочетании *ლაზათიანად ჰხვრიბავდა* и полнота действия, и негативное к нему отношение и осуждение действующего лица. Переводчики, видимо, это почувствовали и потому в поисках эквивалентов предложили такие разные варианты, из которых некоторые явно неудачны, например, "храпел, что есть мочи". оборот употреблен без учёта лексических возможностей фразеологизма "что есть мочи". Исчез иронический налёт (ср. *ლაზათიანად დავნაყრდით* и *ლაზათიანად მივჯობავდი*). Словом, надо было как-то сохранить иронию.

"– შენ რა ჩემი ვეხები გინდა? – დაუყვირა მოჯამაგირემ, როცა თვალები წამოაჭყიტა."

("ოთარაანთ ქვრივი", თ. VI)

Гогоберидзе: "– *Чего лезешь? Не морочь мне голову!* – грубо крикнул работник, протирая глаза."

("Вдова Отараант", гл. VI)

Хуцишвили: "– *Какого рожна тебе от меня надо?* – обозленно бросил батрак, протерев глаза. – *Ишь, репъём прицепился.*"

("Отарова вдова", гл. VI)

В лексике грузинской фразеологии среди иных соматизмов *ვეხი* занимает видное место и, кстати, всегда с пейоративной оценкой: *ვეხებზე მკიდილად, რა ვეხები აქვს, ვეხები არ მომჭადობს, რა ვეხები უნდა, ეს რა ჩემი ვეხებია, ვეხებზე დაიკიდა, ვეხის მტვრად არა ღირს* и другие. Слова батрака *შენ რა ჩემი ვეხები გინდა* – это выражение крайнего пренебрежения к желанию собеседника и одновременно это попытка очень грубо, на грани неприличия, отмести все попытки диктовать свою волю. В русской фразеологии "нога" не фигурирует в этом смысле, поэтому и эквивалента для грузинского фразеологизма нет. Значит, при переводе текста с этим фразеологизмом надо искать другие возможности. Калькирование ничего не даёт, кроме недоразумения. Либо нужно отыскать русский фразеологизм с приблизительным или контекстуальным соответствием, или сделать смысловой перевод. Перевод Гогоберидзе: "Чего лезешь? Не морочь мне голову!" Ситуативно и эмоционально это совсем другое и по тону очень мягко – не предвещает свирепой драки. Хуцишвили: "– *Какого рожна тебе от меня надо? Ишь, репъём прицепился.*" И этот перевод слаб и многословен. И главное, тон не тот, что контекст подразумевает. Этот тон какой-то мягкий, добрый, без озлобления, без обидной интонации, которая предшествует драке. Острее и динамичнее звучало бы, скажем, "Какого чёрта (шута, дьявола, хрена) тебе надо?"

"– *ის მეპრობნება, რომ არამია შენთვის ჯამაგირი. ვთქვათ, პატრონს ატყუებ და ატყუებ, ე პირუტყვი მაინც არ გენანება, ქრისტობანი არა ხარ, მაგათი ცოდლო მაინც არა გწევას!..*"

("ოთარაანთ ქვრივი", თ. VI)

Гогоберидзе: "– А то, что зря тебе деньги платят! Пускай обманываешь хозяина, но ты бы хоть скотину пожалел. Скотину мучить грешно! *Нехристь ты, что ли?* Неужели не жалко?"

("Вдова Отараант", гл. VI)

Хуцишвили: " – При том, приятель, что деньги зазря получаешь. Хозяина обманываешь – шут с ним, но разве можно живую тварь мучить, *нехристь ты*, разве гнева не боишься?"

("Отарова вдова", гл. VI)

В этой реплике привлекает внимание три словосочетания *ოვ ძეპრობეძე...*, *არადის ძებთვობ ჯადავობო...* и *ქრობციობი არა ხარ?* Для последнего вопросительного предложения оба переводчика нашли хороший эквивалент – нехристь, но интонация вопроса разная – Гогоберидзе сохраняет вопрос нехристь ты, что ли? А Хуцишвили категорически утверждает, что батрак нехристь. В оригинале вопрос, при этом этот вопрос больше напоминание о том, что христианин должен быть не жестоким, а милосердным. Утерян и нюанс *მაგათი ცოდვა მაინც არა გწევს!* Заменить эту эмоцию просто жалостью к скотине, значит проигнорировать то обстоятельство, что слова эти произносит очень верующий человек. *პატრონს ატყუებ და ატყუებ* не есть "Хозяина обманываешь–шут с ним". Выходит, что Георгий с этим обманом согласен. Но нет, и с этим проступком батрака тоже не согласен, но считает, что это менее грешно, чем жестокое обращение с бессловесной тварью. В переводе Хуцишвили говорится "разве гнева не боишься?" Чьего гнева? –хозяина или Бога? Это ведь так естественно для русскоговорящего: Бойся Бога, Бога не боишься, побойся Бога. В переводе явно опущено слово "бог".

"– მამ არა-და თავზედ დავობხადო".

("ოთარაანთ ქვრივი", თ. VI)

Гогоберидзе: " – На голову их себе посадить, что ли?"

("Вдова Отараант", гл. VI)

Хуцишвили: " – Может, нянчиться с ними ещё, на голову себе сажать?"

("Отарова вдова", гл. VI).

Посадить на голову (сесть на голову) содержит идею абсолютного и унижительного подчинения кому-нибудь. Выражение всегда употребляется в негативной оценке. Так в обоих языках – грузинском и русском. Не исключена возможность заимствования из общего источника. В оригинале зарвавшийся батрак дерзко, вызывающе говорит, что не собирался сделать что-то подобное. В обоих переводах звучит вопрос – не посадить же себе на голову. Переводы приемлемые-это естественный русский тон, только не к чему ”Может, нянчиться с ними ещё?” Это лишнее распространение.

“– დაძვსსებ... შენ შენს წერას ხომ არ აუტანობარ, რატომ ეგრე არახუნებ. თუ ხურგო არა გქავა, შენ შენს გზახედ წადი-მეთქი, თორემ...”
 (“ოთარაანთ ქვრივი”, თ. VI)

Гогоберидзе: ” – Отстань... *Жизнь, что ли, надоела?* Чего расшумелся? Иди своей дорогой, если спина не зудит, а то...”

(”Вдова Отараант”, гл. VI)

Хуцишвили: ” – Отстань!.. Тоже мне, расшумелся. Может, у тебя *бока зачесались?* Катись, пока цел, *не лезь на рожон*”.

(”Отарова вдова”, гл. VI)

Оба перевода эмоционально и по смыслу вроде идентичны и эквивалентны оригиналу. “*წერას ხომ არ აუტანობარ*” – идиома непереводаемая. Видимо, всю реплику нужно переводить как одну единицу перевода. Мы предложили бы такой вариант: ”- Отстань, не лезь на рожон, или бока у тебя зачесались? А то...” Думается, что в этом варианте слова подобраны и употреблены экономнее и точнее.

“– წადი, ხაცა შენი ხეჭვა, იქ ხედიც ნუ დავავიწყდებარ, – უთხრა გიორგიმ, – და ღმერთს კი არხად წახედალ ამ პირუტყვების ცოდვითარ.”
 (“ოთარაანთ ქვრივი”, თ. VI)

Гогоберидзе: ” – Ступай! *Станешь о себе рассказывать, и обо мне не забудь!* – сказал Георгий. – *От бога никуда не уйдёшь: грех какой,* замучил скотину!”
 (“Вдова Отараант”, гл. VI)

Хуцишвили: ” – Теперь ступай, *будешь впредь бахвалиться, не забудь и обо мне пару слов рассказать,* – едко произнёс Георгий. – *Бог тебе судья, грешному*”.

(”Отарова вдова”, гл. VI)

Первую часть реплики, по нашему мнению, лучше перевела Гогоберидзе – фраза сжатая, энергичная, эмоция вызывающая. У Хуцишвили многословно, менее эмоционально, положения не спасает и слово едко, чего в оригинале нет. Вторая часть высказывания в обоих переводах нам кажется менее удачной. У Гогоберидзе многословно, но суть сохранена, у Хуцишвили ”Бог тебе судья, грешному” тон обобщённый, не контекстуальный, не экономный, как бывает в такой речевой ситуации.

– ბიჭო-და, ეს კაცი ან გიჟია, ან ღვთისაგან მოვზავნილი, – ეუბნებოდა გიორგიზედ ერთი იქ დამსწრეთაგანი მეორეს, როცა სასამართლოდამ ხალხი დაიშალა და შინისაკენ წავიდ-წამოვიდა: – რომ არ ვაგონილა!..

– მე და ჩემმა ღმერთმა, მაგის გულში ან ღვთის მადლი ჰტრიალებს, ან ერთი რაღაც უბედურებაა მაგის თავს, – დაჰკრა კვერი მეორემ." ("ოთარაანთ ქვრივი", თ. VI)

Гогоберидзе: ” – Никак не поймёшь, то ли он сумасшедший, то ли *человек, отмеченный богом*, – сказал один из присутствующих на суде крестьян, когда народ повалил по домам. – Неслыханное всё-таки дело!

– Да, клянусь, то ли благодать на нём, то ли судьба толкает его на погибель! – поддакнул другой.”

(”Вдова Отараант”, гл. VI)

Хуцишвили: ” – В толк не возьму. *Не от мира сего*, что ли, этот парень? Слыханное ли дело!..

– Воистину, *божья благодать лежит на нём*, а может, и *злой рок, перст судьбы*, – поддакнул собеседник.”

(”Отарова вдова”, гл. VI)

Смысл разговора крестьян о страшном и непонятном для них поведении своего собрата в целом передан в переводе правильно. Только стилистически это не простая крестьянская речь. Обороты ”*злой рок*”, ”*перст судьбы*” или причастный оборот ”*человек, отмеченный Богом*” из другого стиля здесь звучат несколько искусственно. Можно было всё это выразить проще, но точнее.

"– აი, ამხედ არის ნათქვამი: *დედა ჰნახე, მამა ჰნახე, შვილი ისე გამოჰნახეო*. მაგათში ან დიდი ცოდო ჰტრიალებს, ან დიდი მადლი. აქ სხვა ნიშანწყალია".

("ოთარაანთ ქვრივი", თ. VI)

Гогоберидзе: " – Недаром говорится: *взгляни на отца, взгляни на мать – узнаешь сына*. Не то грешники они великие, не то праведники... Меченые, ни на кого не похожи!.."

("Вдова Отараант", гл. VI)

Хуციшвили: " – Не зря говорится: *яблоко от яблони недалеко падает*. Ни на кого не похожи, вроде меченых – или сатаной, или всевышним."

("Отарова вдова", гл. VI)

Грузинскую пословицу "*დედა ნახე, მამა ნახე, შვილი ისე გამონახე*" Хуციшвили перевёл русской же пословицей этого содержания. Гогоберидзе сделала дословную кальку. Эти приёмы хорошо известны в переводческой практике, только суть в том, насколько удачна калька или насколько удачно найдено соответствие. Мы думаем, что калька должна быть сжатой, образной, афористичной. В данном случае этого не скажешь.

"– რა ვუყო?.. – ჰფიქრობდა ხოლმე, – *ცოლქმრობის საქმე ცაში პრიგდებაო*."

("ოთარაანთ ქვრივი", თ. VII)

Гогоберидзе: " Что мне с ним делать? – думала она. – *Браки, говорят, на небесах решаются*."

("Вдова Отараант", гл. VII)

Хуციшвили: " – Недаром говорят, что жениха и невесту сама *судьба сводит*."

("Отарова вдова", гл. VII)

Трудно понять, почему переводчик Хуციшвили пренебрёг русским вариантом известного церковного изречения о том, что браки совершаются в небесах, то есть люди соединяют свои судьбы по воле Бога и человек не вправе противостоять этой воле. Перевод Гогоберидзе более удачный.

"– შვილო, შინ შემოდი, ნამუშავარი ხარ, *დედამიწამ არ დაგცადოს*, – უთხრა ერთხელ დედამა."

("ოთარაანთ ქვრივი", თ. VII)

Гогоберидзе: " – Сынок, иди-ка в дом, наработался; *не лежи на голой земле, как бы не повредило*, – сказала однажды мать."

("Вдова Отараант", гл. VII)

Хуцишвили: " – Нарботался, сынок, иди в дом, там отдохни. Так и *простыть можно*, – не выдержав, обратилась она однажды к Георгию."

("Отарова вдова", гл. VII)

"*ნამუშავარი ხარ, დედამიწამ არ დავცადოს*". Тут очень интересно грузинское словосочетание *დედამიწამ დავცადა (არ დავცადოს)*. Это процесс быстрого остуживания (лёжа на сырой земле) сразу после напряженной (до пота) физической работы. В русском просторечии есть глагол "прихватить" – "земля прихватила". Переводчики перевели это выражение описательно, но правильно.

"– *პაჭიჭის კი, მგონი, წვერი შემოერღვა*, - სთქვა თავისთავად ბოლოს, - მგონი, მიკვლიე: დროც ერჩის და ხანიც უწერს. რატომღა არ მეუბნება, ვინ არის?"

("ოთარაანთ ქვრივი", თ. VII)

Гогоберидзе: " *Кажется, нашла конец нити*, - думала она. – Кажется, нашла на след. И время пришло, так судила судьба. Но почему же он мне не скажет, кто она?"

("Вдова Отараант", гл. VII)

Хуцишвили: " *Ну, кажется, теперь нашла: конец нити в руке до клубка доведёт*, а там он развернётся, завертится... Время, самое время ему жениться, хоть бы не мучил меня, назвал имя своей избранницы."

("Отарова вдова", гл. VII)

Оба перевода по смыслу правильны, но оба многословны. Это, вероятно, объясняется наличием в тексте образного метафорического высказывания *პაჭიჭის წვერი შემოერღვა*. Сравнение очень национальное и указывает на процесс разрушения вязи, если где-то оборвалась нить. В русском быту *პაჭიჭი* в грузинском понимании отсутствует, нет и однословного именованного предмета быта. Выход – передать оборот свободным пересказом, но не так многословно.

"არ მეუბნება ჩემი გიორგი და არა... თუ გული შეგარდნია ვისზედმე, რად უნდა მიმაღავდეს! რა დასამაღავია ჩემთან!.." ("ოთარაანთ ქვრივი," თ. VII).

Гогоберидзе: " Молчит мой Георгий, молчит... *Если кого полюбил*, зачем скрывать? Что ему скрывать от меня!"

("Вдова Отараант", гл. VII)

Хуციшвили: " Георгий будто *воды в рот набрал*, молчит, слова не промолвит. *Ну, допустим, полюбил*. Однако тогда не пойму, к чему скрываться, отчего не поделиться с матерью?"

("Отарова вдова", гл. VII)

გულის შეგარდნა означает влюбиться. Это хорошее фигуральное выражение и в русском языке подобного выражения нет (так же, как в грузинском нет эквивалента для русского озорного насмешливого втюриться). Переводчики перевели глаголом влюбиться и это правильно. Только русские предложения построены многословно и несколько неряшливо, особенно у Хуцишвили. В оригинале фраза очень впечатляет, в переводе – нет. Может потому, что русское предложение своим содержанием не соответствует просторечному стилю.

"მას აქვთ დააწვა რაღაც ღოღი გულზედ და ვეღარ აუხსნია..." ("ოთარაანთ ქვრივი", თ. VII)

Гогоберидзе: " С тех пор что-то *камнем навалилось на его сердце*, и он не в силах избавиться от этой тяжести."

("Вдова Отараант", гл. VII)

Хуციшвили: " Именно с той отлучки он печалится и тоскует так, будто *камень ворочается у него в груди*, мешая вздохнуть."

("Отарова вдова", гл. VII)

Многословно и поэтому неточно, особенно у Хуцишвили, который легко идёт на разные дополнения и "пояснения" вроде "камень ворочается у него в груди, мешая вздохнуть". Чего стоит в этом контексте "отлучка", слово из совершенно другого стиля.

"შენც რომ ჩემი დღეები გამოგველო, ჩემს ტავაში დამწვარიყავ, შენც ეგრე ილაპარაკებდი".

("ოთარაანთ ქვრივი", თ. X)

Гогоберидзе: " Если бы ты прожила такую жизнь, *пожарилась бы, как я, на сковородке*, запела бы так же."

("Вдова Отараант", гл. X)

Хуციшвили: " А ты, прелестная барышня, поживи с моё, *побудь хоть немножко в моей шкуре*, ещё не так запоёшь!"

("Отарова вдова", гл. X)

ჩემს ცაფაში დამწვარიყავ – образ намекающий, что говорящий прошёл очень тяжёлую жизнь, а собеседник этого или не знает, или не хочет считаться с этим. Смысл оборота переводчики поняли правильно, но перевели по - разному - Гогоберидзе скалькировала и не совсем удачно, а Хуцишвили использовал русский фразеологизм "побывать в чьей-то шкуре". Нам кажется, что перевод Хуцишвили многословен, особенно обращение – издевательское "прелестная барышня" и грубовато. Тон и слова вдовы не так грубы. Они колкие, но в рамках приличия.

"ბძანე: შენი ხმალი და ჩემი კისერი."

("ოთარაანთ ქვრივი", თ. X)

Гогоберидзе: " Прикажи: *твоя шашка – моя шея.*"

("Вдова Отараант", гл. X)

Хуციшвили: " Но ты, сдаётся, не за этим пришла. Верно, дело есть какое?"

("Отарова вдова", гл. X)

Твоя шашка – моя шея – слабая калька. В русских народных фразеологизмах фигурирует не шашка, а меч. Это естественнее для русской народной речи.

"როგორღაც ესამუშა, ეუცხოვა ამისთანა ტოლამხანაგური ქცევა ახალგაზდა ქალისაგან: მე ვინა და ეს *გუშინდელი ძუძუთა ვინაო*, იფიქრა".

("ოთარაანთ ქვრივი", თ. X)

Гогоберидзе: " Вдова чуть нахмурилась. Ей было неприятно и непривычно такое обращение со стороны молодой девушки: не ровня же ей Кесо!

" *У неё молоко ещё на губах не обсохло,*" - подумала вдова."

("Вдова Отараант", гл. X)

Хуцишвили: ” Гостья едва заметно нахмурилась. Сначала её покорило столь вольное обращение, да ещё со стороны молодой девушки, которой она *в матери годилась*.”

(”Отарова вдова”, гл. X)

Этот пассаж явно лучше переведён у Хуцишвили. У Гогоберидзе очень многословно и, главное, перевод не перевод.

”– *ენამ გულისა უნდა სთქვას, ფერ-უმარილი რა საჭიროა, – უთხრა ქალს ოთარაანთ ქვრივმა, ცოტა არ იყოს მწყრალად*”.

(”ოთარაანთ ქვრივი”, თ. X)

Гогоберидзе: ” - *Что на сердце, то на языке, стоит ли правду поддумывать!* – не без досады сказала вдова Отараант.”

(”Вдова Отараант”, гл. X)

Хуцишвили: ” – Твой слух оскорбляют мои вольные речи? Прости, барышня, но я привыкла выражаться прямо, без обиняков, *поддумывать правду не в моих правилах*, – достаточно сердито произнесла вдова.”

(”Отарова вдова”, гл. X)

В смысловом отношении переводы терпимы и особенных претензий можно не предъявлять. Однако нельзя не обратить внимание, что стиль перевода совершенно не соответствует стилю оригинала. В оригинале данная мысль высказана крестьянкой своей простонародной речью. В переводах появились такие высокопарные слова, как ”барышня”, ”слух оскорбляют мои вольные речи?” и т.д. Это речь просвящённой интеллигентки, а не крестьянки. ”*ენამ გულისა უნდა სთქვას*” – значит в речи не фальшивить, а в переводах почему-то подчёркивается поддуманная правда.

”*აქ ჩემთან რომ ამოხვალ, მაშინ სხვა არისო. აღუღებულ კუპრის ზღვაზედ ბეწვის ხიდს გაგიდებ, თუ კარგი ხარ-გაივლიო; მადლი მხრებში შავიჯდება და გაგატარებსო; კაი კაცს არ ჩაუწყდებაო*”.

(”ოთარაანთ ქვრივი”, თ. VIII)

Гогоберидзе: ” Когда же вознесёшься ко мне – дело другое: над морем кипящей смолы перекину мостик-волосок, и если ты чист, то пройдёшь, *благодать подхватит тебя, поддержит* и проведёт. Не подломится, говорит, мост под хорошим человеком.”

(”Вдова Отараант”, гл. VIII)

Хуციшвили: ” А вот когда станешь подыматься ко мне, я тогда перекину мосточек-волосочек над морем кипящей смолы, и коли ты чист душой, благополучно минуешь его: *великая благодать подхватит тебя, поддержит* и проведёт. Под хорошим человеком мостик никогда не провалится.”

(”Отарова вдова”, гл. VIII)

Оба перевода нам кажутся удачными, только благодать вряд ли полностью выражает весь объём грузинского *მადლი*, что, по нашему мнению, в данном контексте обозначает всю сумму сотворённых человеком благих, добрых дел.

”– *ცხრა მთას იქით ხომ არ მისტუმრებ, რომ მაგოდენა ბარგ-ბარხანას თან მატან*”.

(”ოთარაანთ ქვრივი”, თ. XI)

Гогоберидзе: ” Ведь не *за девять же гор* провожаешь ты меня? Зачем столько вещей.”

(”Вдова Отараант”, гл. XI)

Хуციшвили: ” – Ведь не *за тридевять земель* ты меня провожаешь? Для чего весь этот скарб?”

(”Отарова вдова”, гл. XI)

”*ცხრა მთას იქით*” лучше переведено у Хуციшвили – звучит куда естественнее для русского языка. У Гогоберидзе просто калька.

” *მკვდარს რაღა მომეკითხება? მკვდარი ყველა თანაბარია!..*”
(”ოთარაანთ ქვრივი”, თ. XVIII)

Гогоберидзе: ” *Что взыщется с мёртвого? Мёртвые равны.*”

(”Вдова Отараант”, гл. XVIII)

Хуციшвили: ” *Что взыщется с мёртвого? Перед смертью все мы равны.*”

(”Отарова вдова”, гл. XVIII)

Переводы удачные, но стилистически лучше ”Что с мёртвого взыщется”, так как подчёркивается не ”что взыщется”, а ”с мёртвого что взыщется”. ”*მკვდარი ყველა თანაბარია*” лучше ”*смерть всех уравниет*”.

”*არამკითხე მიაძებო, მიტყვიპე და მიავდეო, მითხრა არხეინად და ყალიონი ძალზედ გამობოლა. – ვერც მიმტყვიპავ და ვერც მიმაგდებ-მეთქი*”.

(”ოთარაანთ ქვრივი”, თ. XIII)

Гогоберидзе: ” А он, как ни в чём не бывало, потягивает трубку и отвечает: «Знаешь поговорку: *сунешься зря – костей не соберёшь?*” – ”Не суюсь, говорю, да и цел останусь.”

(”Вдова Отараант”, гл. XIII)

Хуцишвили: ” А он дымит себе трубкой и ещё грозитя: ” *Не суйся не в своё дело – по шее схлопочешь!*” Смотри, говорю, чтоб сам не схлопотал.” (”Отарова вдова” гл. XIII).

Чуть заметные нюансы: конюх пригрозил Георгию, но встречной угрозы со стороны Георгия в оригинале нет – он просто говорит, что конюх ничего с ним не может сделать. И вообще, напрасно переводчики не использовали очень подходящий оборот ” *Не суйся без спросу, останешься без носу.*” И по смыслу, и в стилистическом плане подходит к контексту.

”– აი, ძმობილო, ეს-და გერგება. ალალო იყოლ შენზედ და მე ჩემს სახლში კი ვვლარ დაგაყენებ...”

(”ოთარაანთ ქვრივი”, თ. XIII)

Гогоберидзе: ” - Получи, братец, всё, что причитается, и *ступай себе с миром.* Держать тебя в доме не стану.”

(”Вдова Отараант”, гл. XIII)

Хуцишвили: ” - Вот, любезный, получай и *ступай себе с богом.* Мне ты больше не нужен, ищи себе другое место.”

(”Отарова вдова”, гл. XIII)

В переводе Гогоберидзе опущен один нюанс - ვვლარ - больше, оборот Хуцишвили перевёл лучше – ступай себе с богом. Это более по русски. Однако переводчик добавил: ищи себе другое место. Этот совет может и подразумевается, но в тексте его нет.

”– მითამ ახალი ცოცხია და კარვად პვეიხი! – ამბობდნენ დაცინვით ზოგიერთნი ახალს მოჯამაგირეზედ.

– დასძველდები და შენც მოატან ქვიშასაო, – იძახოდნენ მეორენი.”

(”ოთარაანთ ქვრივი”, თ. XIII)

Гогоберидзе: ” – Ну да... *новая метла чисто метёт!* – говорили насмешливо о новом работнике.

– А состарится – *сору не оберёшься*, – отзывались другие.”

(“Вдова Отараант”, гл. XIII)

Хуцишвили: ”– *Новая метла всегда чисто метёт*, – насмешливо ухмылялся кое-кто из слуг.

– *Со временем изнашивается – сору не оберёшься*, – говорили другие.”

(“Отарова вдова”, гл. XIII)

Сентенция про новую метлу существует во многих языках, так что её перевод не составляет проблемы, только в грузинском языке имеется своеобразное продолжение – *დაძველდება და ისაც მოატანს ქვიშახალ*, то есть когда состарится кроме мусора будет скрести и песок. С учётом этого нюанса ”сору не оберёшься” нельзя считать очень точным переводом, хотя и не противоречит сути суждения (спора) людей.

”– *ჩემს კიბურზედ იყოფს*, ჩემო გიორგი! არ დაგეკარგება. სხვა არა იყოფს-რა, მამიშენის ხნის კაცო ვარ. ეჰ, შვილო და ძმაო, კაცი რომ დაჰბერდება, *შვილდო უნდა ძირს დახდობს*”.

(“ოთარაანთ ქვრივი”, თ. XVI)

Гогоберидзе: ” – *За мною*, Георгий, *не пропадёт!* Кроме всего прочего – я отцу твоему ровесник. Э, сын и брат мой, состарится человек, и приходится сложить свой лук на землю.”

(“Вдова Отараант”, гл. XVI)

Хуцишвили: ” – *За мной не пропадёт*, вовек не забуду! Как-никак, а я по возрасту твоему отцу ровня. Э-эх, сынок, старость проклятая одолевает...”

(“Отарова вдова”, гл. XVI)

Странно, что оба переводчика упустили из виду очень распространённые образные выражения ”*старость не радость*” и ”*молодость показывает, а старость наказывает*”.

”– *მამ აბა! – უთხრა არჩილმა, – ეს ბურთო და ეს მოედანი*”.

(“ოთარაანთ ქვრივი”, თ. XVI)

Гогоберидзе: ” – Если так, – сказал Арчил, – *делай, как знаешь!*”

(“Вдова Отараант”, гл. XVI)

Хуцишвили: ” – В таком случае, – сказал князь, – *тебе и карты в руки*.”

(“Отарова вдова”, гл. XVI)

Оба перевода удачны, хотя и отличаются друг от друга – Хуцишвили использует фразеологизм, правда, из другой области жизни. Гогоберидзе пользуется очень активным и эмоциональным оборотом *”делай, как знаешь.”*

Приведённые факты свидетельствуют, что перевод фразеологических оборотов – дело чрезвычайно сложное и тонкое, особенно, когда языки не имеют общих генетических корней и традиции народов существенно отличаются друг от друга. Это всегда чувствуют опытные переводчики и постоянно ищут более точные соответствия. И в этих поисках добивается успеха тот, у кого больше фоновой информации и отточеннее языковой вкус, кто лучше слышит звучание слова и замечает семантические оттенки. О таланте и опыте нечего уже говорить. Одно бесспорно – в русских переводах прозы И. Чавчавадзе все ещё много погрешностей, что наносит вред авторитету как автора, так и литературе в целом.

§.2. О РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ ЗАГЛАВИЙ И ПОДЗАГОЛОВКОВ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

И. ЧАВЧАВАДЗЕ

Устойчиво бытует мнение, что перевод названий художественных произведений - проблема переводоведения. Оно, конечно, так - кому ещё интересоваться этим, как не специалистам этого интересного дела - переводчикам, которые много раз успешно решали сложнейшие вопросы приобщения иноязычных читателей к тайнам, заложенным гениями в заглавия своих творений (Блисковский 1981 : 5-111).

Однако многолетняя практика общения со студентами в процессе их обучения русскому языку и литературе, без сомнения, подтвердила, что молодёжь живо интересуется вопросами перевода как с неродного на родной язык, так и, наоборот, - с родного на неродной. Этот обратный процесс имеет свои параметры - интересно, как звучит и как понимается на другом языке то, что ему, студенту, известно и понятно с малых лет: скажем, знаменитые афоризмы Руставели, как они звучат на другом языке и насколько точно переданы смысл и эмоции афоризма.

Живой интерес вызывают и переводы народных пословиц. Нередко студенты специально записывают и запоминают как переводы, так и иноязычные эквиваленты знакомых им пословиц, шуток, афоризмов и других малых форм фольклора.

Мы считаем, что этот интерес молодёжи заслуживает внимания и удовлетворения как один из действенных факторов в языковом образовании студентов. С этой целью нами задумана серия разработок, из которых первая посвящается переводу на русский язык заглавий ряда выдающихся произведений грузинской классики, имеющих подтекстовые значения.

Прежде всего о природе заглавий художественных произведений. Их можно анализировать по разным параметрам - по языковой структуре (слово, словосочетание, предложение), по семантической нагрузке (простое именование чего-то, намёк на главную идею произведения), по эмоциональной наполненности (намёк на отношение автора к тому, о чём говорится) и, наконец, обозначение стиля повествования (Блисковский 1981 : 50-65).

Заглавия, просто именующие предмет или лицо (“Евгений Онегин”, “Тарас Бульба”, “Дата Туташхиа”, “Фауст”, “Анна Каренина”, “Собор Парижской Богоматери” и др.), за редким исключением легко переводятся на другой язык, если, конечно, в языке перевода найдётся соответствующий лексический (а иногда и фонетический) эквивалент.

Куда труднее перевести такие заглавия, смысл которых кроется в так называемом подтексте, иначе говоря, для понимания его смыслового объёма в полной мере

необходима ещё какая-то информация, которой в произведении нет. Первую такую загадку в русской литературе предложил Н.В. Гоголь своими “Мёртвыми душами”. Первоначально думалось, что главным героем поэмы является проходимец и жулик Чичиков, а его коронным номером в обмане общества - купля мёртвых душ, то есть списка крестьян как живых, хотя их давно уже нет в живых. Однако мыслящие читатели быстро смекнули, что на самом деле подразумеваются ходячие, живые “мёртвые” души, которые паразитируют на живом теле общества. Встревожились и те, кто себя узрел среди “мёртвых душ”. Потому поспешно предпослали “Мёртвым душам” “Приключения Чичикова, или Мёртвые души”. Этим самым как бы намекая на то, что глубина смысла заглавия не идёт дальше ухищрений проходимца Чичикова. Однако произведение все называли “Мёртвые души”. Так и переведено на другие языки, в том числе на грузинский, “მკვდარი სულები“ без углубления в подтекст.

История перевода знает немало примеров, когда переводчик не находит в языке перевода точного эквивалента заглавия произведения. В таких случаях переводчик выбирает один из двух приёмов. Первый: название произведения переносит без перевода, то есть транслитерирует его (Гачечиладзе 1972 : 74-95). И второй приём: переводчик находит какое-то соответствие, по его мнению, близкое к оригиналу по смыслу. В этом отношении показателен перевод названия романа В. Гюго “NOTRE-DAME DE PARIS”. По-русски это название передано так: “Собор Парижской Богоматери”. Так поступают и грузинские переводчики - “პარიზის ღვთისმშობლის ტაძარი”, хотя данное французское словосочетание дословно будет означать: “Наша Парижская Госпожа”. Здесь сложная связь между словами и их цельным содержанием. Для французов “NOTRE-DAME” не наша Госпожа, а Богородица. В целом “NOTRE-DAME DE PARIS” звучит так: Парижская Богородица, но подразумевается именно Собор Парижской Богородицы. Как видим, это не столько перевод, сколько контекстуальный эквивалент (Федоров 1983 : 135-142).

Часто переводчики предпочитают приблизительный перевод, но содержащий какую-то информацию, “переводу”, не дающему читателю никакой информации. Так произошло и в новейшей литературе. Роман Ч. Амирэджиби “დათა თუთაშხია” в русском переводе называется так же. А вот фильм “Дата Туташхиа” в русском дубляже назван “Берега”. И это правильно, так как заглавие “Дата Туташхиа” для русского читателя не содержит никакой информации, а “Берега” хоть дают определённый намёк на попытки персонажа пристать к какому-то берегу жизни.

“Войну и мир” Л. Толстого на грузинский язык сначала перевели как “*ომი და ზავი*”. Неточность была очевидна, и при втором переводе появилась формула “*ომი და მშვიდობა*”, то есть вслед за русским эти два слова были поняты как антонимы. Однако в настоящее время серьёзно сомневаются в правильности такого решения. Важно уточнить, как писал Толстой: миръ или мѣръ. Если миръ - то это покой, отсутствие войны, если мѣръ, то это свет, общество. Об этом спорят сами русские, так как в документах не сохранилось авторского написания этого заглавия. Когда вышел в свет первый том романа, он назывался по-другому. В архивных документах есть современное название этого романа, написанное от руки жены Л. Толстого. Известны два таких случая, но оба названия написаны по-разному: миръ и мѣръ. А как быть переводчикам? Ещё пример: “Герой нашего времени”. Что, Лермонтов на самом деле считает своего Печорина героем того времени, или это изящно скрытая ирония? Э. Ниношвили, например, понял это заглавие как иронию и, подражая Лермонтову, свою саркастическую повесть назвал «Рыцарь нашей страны» (“*ჩვენი ქვეყნის რაობელი*”). А ведь от понимания заглавия значительно зависит восприятие произведения в целом как в оригинале, так и в переводе (Федоров 1971 : 142-146). Почти не переводится заглавие, содержащее намёк, иносказание, двусмысленность. Так случилось, например, с известной сатирой Ильфа и Петрова «Золотой телёнок». Как известно, сатирики взяли известное библейское выражение «золотой телец» и, чтобы развенчать, ославить страсть к наживе, серьёзное «телец» заменили близким этимологически, но насмешливым, несерьёзным, игривым «телёнок». Эту замену укрепляет общеизвестное «телячьи восторги». Замена «тельца» «телёнком» сделала заглавие книги осуждающим недостойное человека необузданное стремление к власти через богатство. Книга «Золотой телёнок» переведена на многие языки, но, к сожалению, двуплановость смысла везде утеряна – в переводящих языках так и не нашлось полного эквивалента для «золотого телёнка».

В XX веке почти вся грузинская литература была переведена на русский язык. Это хорошо, но вправе поставить и вопрос - какого качества эти переводы?

Начнём с заглавий некоторых выдающихся произведений. С точки зрения перевода всё ещё проблемой является заглавие известного сборника басен Сулхан-Саба Орбелиани “*ბობობი ბობობი*”. Это название и в оригинале является своеобразной загадкой. На это обратил внимание ещё Илья Чавчавадзе. Тут прежде всего настораживает сочетание, казалось бы, несочетаемых понятий - мудрость и ложь. Однако первый русский перевод этого сборника так и назывался - “Мудрость лжи”. Известный в то время литературный

критик Виктор Гольцев не согласился с таким переводом, заявив, что для русскоязычного человека ложь - понятие резко отрицательное и ни при каких условиях не может содержать элементов правды и тем более – мудрости. Что же касается басенного жанра, где звери и предметы могут вести себя, как люди, то это не ложь, а вымысел, причём для изложения каких-то соображений. Таких вымыслов литературе известно большое множество с древнейших времён. И на самом деле - следующие издания стали выходить под заглавием “Мудрость вымысла”.

Однако у сборника басен С.-С. Орбелиани есть и другое название “*წიგნი სობრბე სიჭრეობს*”. Тут ещё больше вопросов, причём не только в смысловом плане, но и в языковом: в первом варианте - *სობრბე* определение, *სიჭრეობს* - определяемое. Стилистические нормы соблюдены. Спорной остаётся только содержательная сторона. Во втором варианте такой синтаксической ясности нет: не совсем ясно, что определяет *წიგნი* и какова связь между *სობრბე* и *სიჭრეობს*. Эта неясность привела к тому, что эти два слова стали писать через дефис: *სობრბე-სიჭრეობს*. В смысловом плане получилось “Книга мудрости (и) лжи”, то есть книга мудрости, изложенной (предложенной) в форме неправды, байки. И появился новый вариант заглавия книги - “Книга мудрости и вымысла”. Вот так “обезопасили” переводчики и впрямь мудрую книгу от ощущения лжи. Русские же переводы, как тогда водилось, послужили первоисточником для переводов на другие языки, что подразумевало, разумеется, и русскоязычное понимание названия сборника. Так и до сегодняшнего дня.

Немало трудностей встретили переводчики при работе над заглавиями “*თთარაბთ ქვრივი*” и “*კაცობ-ღვაძობი?!*” И. Чавчавадзе. Дело осложняло отсутствие у переводчиков этноинформации, без учёта которой невозможно добиться полной точности.

Для переводчиков творчества И. Чавчавадзе перевод гениальной сатиры “*კაცობ-ღვაძობი?!*” остался нерешённой проблемой.

Это заглавие давно стало легендой как в плане понимания его смысла, так и возникновения самой формулы. Об этом удивительном словосочетании написано много, а сказано ещё больше. Но переводчика интересуют два аспекта: каков смысл заглавия и каков языковой механизм его организации.

Словосочетание, которое восходит к народному парному употреблению синонимов *კაცი*, *ღვაძობი*, со временем стало шаблонным и превратилось в фразеологизм. В этом виде этот фразеологизм встречается уже у Руставели. Заглавие же у Чавчавадзе имеет целую историю.

Существует точка зрения, согласно которой “კაცი” и “ადამიანი” нельзя понимать как абсолютные синонимы. Ставится вопрос: один компонент равен ли второму, то есть равнозначны ли понятия კაცი и ადამიანი. Такое толкование подразумевает, что компонент კაცი выражает понятие шире и глубже, чем ადამიანი. Смысловой и эмоциональный анализ русских заглавий показывает, что в переводах ставится под сомнение “человечность” персонажей, и таким образом они выводятся из понимания “კაცი”, тогда как в оригинале все они “ადამიანი”, но “კაცი” ли? – вот в чём сомнение. Стало быть, в оригинале князь и княгиня, опустившиеся до растительно-животного существования, всё же пока “ადამიანი”, хотя и уже без признаков человеческих достоинств по значению слова “კაცი”, а в переводе им и в этом уже отказано, во всяком случае уже поставлено под вопрос. Перевод затрудняется потому, что грузинская пара კაცი, ადამიანი по-русски передаётся одним словом – человек, в результате чего игра слов нарушается.

Документально доказано, что сочетание კაცი ვაჟ, ადამიანი произносит персонаж в ответ на вопрос: кто ты, что за существо? На обложке первого издания (прижизненного) эти два слова написаны не через дефис, как теперь принято писать, а отдельно, через запятую - “კაცი, ადამიანი”. Известны следующие написания названия данного произведения на языке оригинала: первоначальное - “კაცი, ადამიანი” (издания 1863, 1869 гг., словосочетание выражено в повествовательной форме, синонимы “კაცი” и “ადამიანი” разделяются запятой), в изданиях 1880, 1892 гг. – “კაცი-ადამიანი?!” (заглавие дано в вопросительно-восклицательной форме, синонимы “კაცი” и “ადამიანი” соединяются дефисом, а вопросительно-восклицательная интонация одинаково относится к обоим компонентам оборота). Спорным является и вопрос, когда и каким образом на месте запятой появился дефис. Есть и такое предположение, что типографски неровно поставленную запятую позже приняли за дефис и “исправили”, да не так.

Однако всё это история, а переводчику нужно знать и переводить смысл заглавия. И вот в разных переводах появились разные варианты.

Название произведения И.Г. Чавчавадзе “კაცი-ადამიანი?!” переводилось по-разному:

1. А. Нейманом - “Кация адамиани” (Тифлис, 1936 г.) и “Человек ли он?” (Тбилиси, 1937 г.);

2. Е. Гогоберидзе - “И это человек? (Кациа-Адамиани?)” (М., 1937, 1950 гг., Тбилиси, 1947 г.) и “Человек ли он?” (Тбилиси, 1937, 1952, 1955, 1957 гг., М., 1955, 1960 гг.);

3. М. Бирюковой - “Человек ли он?!..” (Тбилиси, издание 1978 г.). Заглавие предложено в вопросительно-восклицательной форме, после восклицательного знака стоят две точки и “Человек ли он?!. (Тбилиси, издание 1987 г.). Заглавие предложено в вопросительно-восклицательной форме, после восклицательного знака стоит одна точка.

Рассмотрим перевод каждого заглавия в отдельности.

Русская форма “Кациа адамиани” (Тифлис, 1936 г., переводчик А. Нейман) является транслитерацией грузинского заглавия. Передача буквенного облика заглавия (тем более без соответствующего пояснения) остаётся непонятной русскому читателю, так как не раскрывает его значения.

Перевод “Кациа адамиани” предложен переводчиком без знаков препинания оригинала, что создаёт дополнительные трудности для понимания. В частности, без знаков препинания между словами “Каци” и “адамиани” мы лишаемся возможности подчеркнуть синонимичность грузинских слов: “Каци” и “адамиани”.

Исследователь Розенталь Д.Э. отмечает, что “парные сочетания синонимического характера не разделяются запятой, а соединяются дефисом” (Розенталь 1985 : 95-97). Отсюда, синонимы “Каци” и “адамиани” могут быть соединены дефисом.

Академик Ш. Дзидзигури придерживается первоначального написания заглавия: “კაცი, ადამიანი”. Между синонимами “კაცი” и “ადამიანი” ставится запятая, форма выражения - повествовательная.

Написание названия через дефис учёный объясняет тем, что в рассматриваемом примере “дефис равнозначен запятой” (ძობა 1967 : 2). А по Розенталю Д.Э. “абсолютных пунктуационных синонимов не бывает” (Розенталь 1985 : 95-97). Дефис и запятая в данном случае имеют свои нюансы в силу разделительной функции запятой в обороте и соединительной - дефиса), а вопросительно-восклицательная форма возникла из осмысления содержания заглавия: разве Луарсаб человек?!

К тому же, согласно статье академика Ш. Дзидзигури, историк Д. Бакрадзе на русском языке именно в вопросительно-восклицательной форме интерпретирует академику М. Броссе заглавие этого произведения (ძობა 1967 : 2).

В последних (1978 и 1987 гг.) изданиях переводов произведений И.Г. Чавчавадзе на русский язык переводчик М. Бирюкова в передаче заглавия придерживается вопросительно-восклицательной формы: “Человек ли он?!”

Итак, транслитерация грузинского заглавия “კაცობა-ადამიანი?!” не раскрывает его значения и остаётся непонятной русскому читателю. Наиболее принятыми и близкими по смыслу к подлиннику являются переводы - “Человек ли он?” (вопросительная форма) и “Человек ли он?!” (вопросительно-восклицательная форма).

Из всех вышерассмотренных переводов данного заглавия наиболее близким к оригиналу, на наш взгляд, является перевод “Человек ли он?!”, выраженный в вопросительно-восклицательной форме.

Известно, что частица “ли” ставится после слова, являющегося логическим центром вопроса (сообщения). В рассматриваемом примере логическим центром вопроса является слово человек. Оно выделяется в предложении, что, по всей вероятности, соответствует замыслу И.Г. Чавчавадзе - концентрации внимания в заглавии именно на этом значении словосочетания “კაცობა-ადამიანი?!” Слова “კაცობა” и “ადამიანი” в данной повести, исходя из смыслового содержания подлинника, абсолютные синонимы. Синонимы, пишет академик Ш. Дзидзигури, были даны плеонастически (ძობაგურო 1967 : 2). В русском же языке нет такой равнозначщей синонимии: обоим грузинским словам соответствует одно - человек. Поэтому любой русский перевод названия указанного произведения является, конечно, условным. Видимо, “კაცობა” переводится как “человек”, “ადამიანი” - личным местоимением 3-его лица ед. ч. Перевод “Человек ли он?!” по сравнению с названием “И это человек?” отличается большей конкретностью, категоричностью, сконцентрированностью содержания, проблемной постановкой вопроса и, как отмечалось выше, ближе к оригиналу по смыслу. Однако и эта форма не передаёт и не может передать полностью все нюансы грузинского заглавия.

Название “И это человек? (Кациа-Адамиани?)” (М., 1937, 1950 гг., Тбилиси, 1947г.) – экспрессивное, встречается только в ранних переводах Е. Гогоберидзе. Оно не совсем точно отражает смысловое содержание оригинала.

Название (“Кациа-Адамиани?”), в отличие от А. Неймана, Е. Гогоберидзе передаёт через дефис, в вопросительной форме, слово “Адамиани” – с прописной буквы. Как отмечалось выше, употребление знаков препинания: запятой или дефиса (в рассматриваемом примере “дефис равнозначен запятой”, – пишет академик Ш. Дзидзигури) между словами “Каци” и “Адамиани” указывает на синонимичность этих

слов, данных плеонастически. Данный транслитерированный “перевод” ближе к подлиннику, хотя смысловое содержание по данному подзаголовку определить трудно.

Безусловно, слова “კაცი” и “ღაბობა” в разбираемом произведении синонимы и считаем, что плеоназм в этом примере по своей природе является стилистическим, обусловленным экспрессивными целями высказывания автора: для усиления выразительности мысли и тем самым воздействия на читателя, а также для её уточнения и выделения.

Как было указано выше, с 1880 г. почему-то стали писать заглавие в вопросительно-восклицательной форме, а синонимы - через дефис: “კაცი-ღაბობა?!” Такое написание стало традиционным. Впоследствии сам И. Чавчавадзе в автобиографии упоминает данное название в новом написании: “კაცი-ღაბობა?!” Согласно статье Ш. Дзидзигури, известный историк Димитрий Бакрадзе относительно указанного заглавия писал академику М. Броссе, переводившему тогда повесть на французский язык: “Заглавием этим автор хотел выразить следующую мысль: Он есть человек?! კაცი и ღაბობა равнозначщи” (ძობილური 1967 : 2).

Заглавие этого произведения как в переводе, так и в подлиннике, должно отвечать сатирическому изображению автором помещичьей жизни. Думается, что название “Человек ли он?”, предложенное только в вопросительной форме, не выражает полностью эмоциональное восприятие повести.

И.Г. Чавчавадзе, представитель грузинской прогрессивной интеллигенции, не только с вопросом обращается к читателю относительно Луарсаба Таткаридзе – Человек ли он?, но и в то же время возмущается его животным существованием, духовным вырождением. Каждая строка этой повести отдаёт болью и страданием автора за свой народ, за его судьбу. Это произведение, “как колокол на башне вечевой”, трезвонит “о беде народной”. Так сильно бьёт в набат великий патриот, так явственен в повести “крик души” писателя: страшны “Луарсабы”, потерявшие человеческий облик, довольные своим сытным, бессмысленным существованием, в праздном бездельи они только “коптят небо” своим дыханием, “от их бытия ничего не прибавилось миру и от их смерти ничего не убудет”. “Для чего они приходили, зачем ушли?” – спрашивает писатель.

При всём огромном уважении ко всем переводчикам и их большому труду их переводы невозможно признать удовлетворительными. А где искать этот неуловимый удовлетворительный перевод? А может ли быть вообще такой перевод? И ещё один вопрос - а судьи кто? Кто имеет право на истину в последней степени? Обозвать

неполюбившегося “героя” не – человеком проще и легче. Но автор-то не так подходит к делу. У автора они люди, но уже на грани полной потери человеческого лица. Вот что потеряно в переводе. И тут поневоле вспомнишь теорию компенсаций, которая не возбраняет как-то отдалиться, чтобы больше приблизиться к духу и сути оригинала. В русской и грузинской переводческой практике в области литературы такой опыт есть. Этим хорошо пользуются и переводчики экранного текста. Вспомним хотя бы такие примеры. Грузинский фильм “ღათა თუთაშხია” на русском экране шёл под названием “Берега”, фильм “რაც ვინახავს, ვეღარ ნახავ” – “Иные нынче времена”, “ჯაყობ ზოზბუბო” то перевели как “Хизаны Джако”, то “Джако и его хизаны”, а вот ещё одно решение – “Обвал”. Думаем, что престиж великой грузинской литературы стоит того, чтобы искать оптимальные варианты. Чтобы найти лучший вариант, его надо серьёзно искать.

Рассмотрим перевод заглавия “ოთარაბთ ქვრივი”. Дело в том, что именование личности по такой языковой формуле распространено только в той части Грузии, где происходят описанные в повести события, и означает личность (или собственность), представителя той фамилии, первая часть которой (фамилии) является первым компонентом всего словосочетания. Корневая часть слова наращивается распространённым суффиксом принадлежности (собственности) – აბთ и получаем ოთარაბთ რა+აბთ=ოთარაბთ, что в целом следует понимать, как “из фамилии Отарашвили”. В повести так и есть – эту фамилию носил муж женщины – героини повести. До смерти мужа она была ოთარაბთ რძალი – невестка фамилии Отарашвили, а после смерти мужа она уже вдова из этой фамилии. Вот такой объём информации таит это старое словосочетание ოთარაბთ ქვრივი. В нём не только информация, но и большая доза положительной эмоции – уважение к личности.

Переводчики легко и точно перевели ქვრივი – вдова, а вот для определения ოთარაბთ так и не нашли эквивалента. И появились в разные времена разные варианты.

“ოთარაბთ ქვრივი” И.Г. Чавчавадзе переводили Е. Гогоберидзе (30-60-е годы) и Г. Хуцишвили (70-80-е годы). От издания к изданию шлифовались переводы данной повести. Эта работа преследовала цель стилистического совершенствования русского текста, и, в частности, его фразеологического богатства. Трудности перевода начинаются с передачи заглавия произведения. Название “ოთარაბთ ქვრივი” стало в грузинском языке именем-символом, крылатым, образным выражением.

Как звучит это заглавие в русских переводах? Е. Гогоберидзе предложила пять вариантов :

1. “Вдова из дома Отарова”

(“Отараант-квриви”)

(Тбилиси, изд. 1937, 1947 гг., М., - 1937, 1950 гг.);

2. “Отарова вдова”

(Тбилиси, изд. 1952, 1955, 1957 гг.);

3. “Вдова Отараант” (М., изд. 1955 г.);

4. “Отараант-вдова” (М., изд. 1960 г.);

5. “Вдова Отарашвили”

(Тбилиси, изд. 1957 г.).

Г. Хуцишвили предлагает форму “Отарова вдова” (Тбилиси, изд. 1978, 1987 гг.)

Рассмотрим перевод каждого заглавия в отдельности.

Заглавие “Вдова из дома Отарова” (“Отараант-квриви”) (тбилисские издания 1937, 1947 гг., московские – 1937, 1950 гг.), не соответствует названию произведения (получается, что есть дом некоего Отарова и вдова оттуда, что содержит иную информацию). Согласно произведению, вдова носит фамилию своего покойного супруга Тевдоре Отарашвили. Ни на грузинском, ни на русском языках принадлежность к той или иной фамилии или роду не выражается оборотом “из дома такого-то”.

Название “Отараант-квриви” звучит как экзотизм, но для русскоязычного читателя не содержит никакой информации. Это лишь транслитерация грузинского словосочетания. Хотя в тексте дано следующее объяснение: ... “все знали “Отараант-квриви” – вдову из дома Отарова”, однако, думается, что оно недостаточно для полного понимания оригинала.

Заглавие “Отарова вдова” (тбилисские издания 1952, 1955, 1957 гг., перевод Е. Гогоберидзе и 1978, 1987 гг. – Г. Хуцишвили) считается наиболее принятым и верным. В этом названии лёгкость формы выражения, сжатость, лаконичность, налицо также признак родовой принадлежности. Предложенный вариант как-то передаёт смысловое значение оригинала, однако теряется национальный колорит.

Следует отметить, что в отличие от других изданий, в издании 1952 г. (редактор Д. Шенгелая) произведение только озаглавлено как “Отарова вдова”, вдову же в повести именуют “Отараант-квриви”. Переводчик Е. Гогоберидзе считает целесообразным дать

пояснение для русского читателя: ...”все знали “Отараант-квриви” – вдову из дома Отарова”.

Заглавия “Вдова Отараант” (московское издание 1955 г., редактор С. Хитарова) и “Отараант-вдова” (московское издание 1960 г., редактор Э. Франгулова) представляют собой полутранслитерированный перевод, они наполовину русские, наполовину грузинские. Слово Отараант, как отмечалось выше, является транслитерацией грузинского “ოთარანტ-კვრივი”. В издании 1955 г. Е. Гогоберидзе даёт пояснение данному слову, а в издании 1960 г. оно отсутствует, что создаёт трудности для понимания. Оба варианта функционально непонятны. Видимо, предложенной формой названия переводчик старается в какой-то степени передать национальный колорит оригинала. Однако, думается, что на русском языке “не звучат” эти переводы, “режет слух” механическое сочетание русского слова с грузинским, и, самое главное, информативно ничего не даёт. Таким образом, разрушается народное крылатое выражение, целостное по своей структуре, форме и содержанию.

В 1957 году отдельной книгой в Тбилиси выходит в свет повесть И.Г. Чавчавадзе в переводе Е. Гогоберидзе под названием “Вдова Отарашвили” (редактор Д. Шенгелая). Несколькими месяцами раньше в этом же году под редакцией Д. Шенгелая в “Избранных сочинениях” И.Г. Чавчавадзе данное произведение печатается как “Отарова вдова” (переводчик Е. Гогоберидзе).

Заглавие “Вдова Отарашвили” ущемно по смыслу – непонятно, вдова кого или вдова по такой фамилии. Мы считаем, что этот перевод противоречит дальнейшему функционированию в речевом поведении персонажей, которые именуют вдову не так, как называется произведение: поэтому заглавие должно быть переведено так, чтобы не допустить функционального разрыва. В этом суть проблемы.

Итак, исходя из рассмотренных переводов заглавия данного произведения, можно сказать следующее: название “Вдова из дома Отарова” предложено в самых ранних переводах, “Отарова вдова” - как в ранних, так и в изданиях 70-80 годов (последние в переводе Г. Хуцишвили), “Вдова Отараант” и “Отараант-вдова” - в московских изданиях, “Вдова Отарашвили” - в 1957 г. На наш взгляд, наиболее приемлемой является форма “Отарова вдова”, хотя и она не передаёт все нюансы грузинского названия.

Тут же скажем, что, может быть, стоит выйти из этого заколдованного круга и для перевода этого заглавия использовать контекстуальный приём, то есть для определения существительного вдова найти какое-то по смыслу правильное определение - что-то вроде “каменная душа” или “каменный характер”, наперекор жестокостям жизни – “твердыня

правды” или что-то в этом духе. Ведь закрепилось же в русском переводе “Безобразная герцогиня” на месте немецкого “Margarite Maültasch” (“Маргарита Губастая”) или же приведённый выше “Собор Парижской Богоматери”, или же “ოგორის ლაშქრობის აბზავი” на месте “Слово о полку Игореве”. Как видим, в оригинале ლაშქრობა (поход) отсутствует, хотя именно об этом идёт речь, что и использовано переводчиком. Таким же методом переведено на грузинский язык название русской летописи “Повесть временных лет” как “გარდასრულ დროთა აბზავი”. В этом отношении Т. Буачидзе поступил совершенно правильно. Ведь сочетание “временных лет” в смысловом отношении и по-русски довольно туманное.

После данного выше толкования легко понять, что из приведённых пяти переводов заглавия “ოთარაბთ ქვროვი” ни один не является не только полным, но даже контекстуальным эквивалентом. И, к сожалению, возможности русского языка и впредь не обещают ничего обнадёживающего. Так как быть? Смириться с такой серьёзной информационной и образной потерей? В своё время (II половина XX века) была разработана теория компенсаций. Согласно этой теории, при абсолютном отсутствии в языке перевода нужного эквивалента, даже окказионального, нужно либо: 1. Единицу перевода транслитерировать (потерянная информация компенсируется появлением нового элемента заинтересованности читателя – иноязычным, обещающим что-то сообщить в объяснении, компенсация, как говорят, «на безрыбье и рак рыба»). 2. В языке перевода найти такую речевую формулу, которая сохранит образность и суть высказывания, но с совершенно иным языковым материалом. Так описательно и многословно переведено на русский, английский и немецкий языки название поэмы Шота Руставели “ვეფხისტყაოსანი” - “Витязь в тигровой шкуре”, “The Knight in the Panther’s skin”, “Der Mann im Pantherfell” (более сжатый перевод этого названия Н. Марра “Барсова кожа” не был принят обществом). Подобные затруднения возникают и при переводе идиоматических оборотов. Но некоторые очень “ловкие” переводчики ухитряются вообще опускать “строптивые” выражения в надежде на то, что читатель не заметит. Но от заглавия произведения невозможно избавиться – его обязательно надо перевести. Однако теория компенсаций – всё же часть и продолжение теории эквивалентности и подразумевает продолжение поисков эквивалентов уже за пределами словесных соответствий, а итоги поисков во многом зависят не от теоретических суждений, а от таланта, вкуса и эрудиции переводчика. И от чувства слова. И от чувства ответственности.

“ოთარაანთ ქვრივი” уникально не только своим общим заглавием, но и подзаголовками (წიბახაშვილი 2000 : 34-36). Некоторые из этих подзаголовков переводятся достаточно легко и не вызывают возражений. Например: „განბი და ანდერბი” – “Сокровище и завещание”, “ხუთი ქისა” – “Пять кошельков”, “ახალი ცოცხი კარგად ჰგვის!..” – “Новая метла чисто метёт”. Но переводы некоторых подзаголовков вызывают сомнения. Например: “რას მიქვიან ტკბილი სიტყვა?” – “Что мне сладкие речи?”. Переводчики для грузинского “ტკბილი სიტყვა” посчитали эквивалентом “сладкие речи”. Мы бы сказали, что это стилистически не совсем точный перевод. Грузинское “ტკბილი სიტყვა” – это не столько “сладкие речи”, сколько доброе слово, тогда как по-русски “сладкая речь” содержит налёт иронии, несерьёзности сказанного, лстивости. В переводе читаем: “Что мне сладкие речи?” Может быть, лучше было бы: “К чему мне приятные речи?”.

Подзаголовок “პილპილმოყრილი მადლი” имеет два перевода: “Благодаяние с перцем” и “Поперчённая милостыня”. Грузинское сочетание “პილპილმოყრილი მადლი” намного глубже, чем “Поперчённая милостыня”. Дело в том, что “მადლი” исключает “პილპილის მოყრას”. Милостыня и благодаяние не исключают “перца”. Суть, видимо, в том, что “მადლი” не просто милостыня и не просто благодаяние – это какое-то очень высокое понятие, связанное с Богом, – “ღვთის მადლით”. Ближе было бы слово «благодать», так как “პილპილმოყრილი მადლი” содержит какую-то антонимичность смысла. “მადლი” по своей эмоциональной нагрузке исключает горечь. То же самое можно сказать о русском “благодать”. Было бы, может быть, лучше доброта. “Доброта с перцем” всё-таки содержит антонимичность понятий.

Неудачным нам кажется перевод “ღვდაშვილობა” через “Мать и сын”. В переводе представлены две стороны: в оригинале мыслятся отношения между матерью и сыном. К сожалению, в русском языке такого композита с таким содержанием нет и поэтому перевод ущербный.

Замечание вызывает и перевод подзаголовка “გიჟია, თუ რა?”. Мы имеем переводы “Не безумец ли он?” и “В своём ли он уме?”. Из этих двух переводов более удачным нам кажется “В своём ли он уме?”. Слово безумец вряд ли тут подходит, так как по своей резкости и крайности содержания меньше соответствует грузинскому восклицанию “გიჟია”. В описанной повести ситуации русский человек употребил бы

выражения: “С ума что ли сошёл?” или “Сумасшедший, что ли?”. Этот последний вариант мы считаем более удачным.

Подзаголовок восьмой главы “განტეხს ქვასაცა მაგარსა...” – это половина строки из поэмы Ш. Руставели “Витязь в тигровой шкуре” и в оригинале на передний план выдвигается активность деятеля, в переводах же “Дробится и камень твёрдый...”, а также “И камень твёрдый дробится...” страдательная конструкция с глаголом дробится явно снижает эффект того действия, которое описано в оригинале.

Девятый подзаголовок “უცნაური ნაკვი” в одном переводе звучит как “Неразгаданная загадка”, в другом – “Заколдованный клубок”. Оба перевода нам кажутся неудачными. “უცნაური ნაკვი” – не загадка и не неразгаданная, тем более не заколдованный клубок. В оригинале сложившаяся ситуация называется “უცნაური ნაკვი”, то есть странный узел, именно странный. Это ведь оценка матери, она не понимает, как её сын мог подумать стать батраком у кого-то.

“უეცარი წიკურტი” (гл. 12) оба переводчика передают одинаково – “Неожиданный щелчок”. Видимо, перевод можно считать удачным.

“ახალი ცოცხი კარგად ჰგვის!..” (гл. 13) – это известный фразеологизм. В обоих языках он давно уже звучит как пословица и перевод “Новая метла чисто метёт” не вызывает нарекания. В грузинской народной традиции этот оборот получил распространение “დაძველდება და ეგეც მოატანს ქვიშასაო” – это серьёзное народное осуждение всего того, что привлекает внимание только своей новизной.

“განა თვითონ კი იცოდა?” (гл. 14) переведено так: “Да разве Георгий знал?” и “И сам он не знал, не ведал”. Мы думаем, что внесение в подзаголовок имени героя – Георгий, разрушает общий настрой подзаголовка. По-грузински это почти формула для оправдания какого-то произвольного действия, это обобщённое суждение, а в переводе всё сводится к данной конкретной личности. Второй вариант перевода многословный, его можно сжать до формы: “Сам тоже не знал, не ведал”.

Не повезло обороту “კაცია და გუბებო” (гл. 15). Мы имеем переводы Е. Гогоберидзе – “У всякого свой нрав” и Г. Хуцишвили – “Своя судьба – свой нрав”. Грузинский оборот идиоматичный. В переводах этот оттенок исчез. Если уж сохранить слова судьба и нрав, то лучше было бы переставить: “Свой нрав – своя судьба”. Ведь общий смысл таков: человек делает какой-то непонятный шаг, тем самым определяя свою судьбу. Нрав в русском понимании – это что-то другое, скорее физиологическое, чем

духовное начало. Видимо, надо было найти какой-то другой вариант перевода (“каждому своё”).

Самый смыслоёмкий подзаголовок в этом произведении – это девятнадцатый подзаголовок – “ჩატეხილი ხიდი”. После опубликования этой повести данное словосочетание вошло в грузинский язык и в грузинское мышление как символ какого-то трагического разрыва, безвозвратного разделения двух частей одного большого целого, поэтому для грузинского восприятия “ჩატეხილი ხიდი” нечто очень большое и значительное и прежде всего указывает на расслоение общества на противоположные, антагонистические силы. В русском языке нет такого активного оборота с такой нагрузкой. В социальной литературе этот оборот переводится как “сломанный мост”. В разбираемых нами переводах имеем “Рухнувший мост”. Мы считаем, что в этом переводе эмоция подменена. “Рухнувший” подразумевает какое-то неожиданное действие. В оригинале же совершенно недвусмысленно показано, что соединяющий крестьян и дворян мост не рухнул, не обрушился неожиданно и сразу, а прогнивал постепенно и в конце концов разломился. При этом на одной стороне осталась здоровая сила нации, на другой стороне – сила, которая ещё сохраняет блеск, но обречена на гибель. Это наше рассуждение, может быть, формировалось под влиянием популярности грузинского оборота, но факт есть факт. Русский перевод “Рухнувший мост” не несёт такой смысловой и эмоциональной нагрузки, как в оригинале “ჩატეხილი ხიდი”.

Обращает внимание и последний подзаголовок “წყვეპკრუღვიანი საკითხავი”. В обоих переводах мы читаем “Проклятый вопрос”. К сожалению, и этот перевод содержит значительную потерю. В оригинале вопрос не проклятый, а содержит проклятие, которое идёт от несправедливой жизни.

В своё время с французского языка на русский перевели серию исторических романов Дрюона “Проклятые короли”. Романы пользовались большим успехом. Через жизнь королей показывалась кровавая история Франции. Одни читатели произносили это так: прókлятые короли, а другие – проклятые короли. Во втором издании этой серии в предисловии специально было указано, что надо произносить прókлятые, так как совершавшие преступления короли не только осуждались, но их и жалели как людей несчастных.

“წყვეპკრუღვიანი საკითხავი” вряд ли так прост, как “Проклятый вопрос”. Мы считаем, что для сохранения именно смыслового объёма вопроса, можно было бы чуть-чуть отступить от дословного перевода. Было бы лучше в слове проклятый поставить

ударение, так как “прóклятый” и “проклятый” не только относятся к разным частям речи, но имеют разную эмоциональную нагрузку, как грузинские *წყეულო* и *დაწყეულოლი*. *წყეუაკრუღუიბი* же означает содержащий проклятие.

Наш анализ подзаголовков мы не считаем окончательным, - могут быть, конечно, и другие толкования.

“Легко спросить... но тяжело рассказать”, - говорит один из лермонтовских героев (Лермонтов 1988 : 404). Легко критиковать перевод, но повторяется старый вопрос – возможен ли самый точный перевод? Нужно ли так строго требовать от переводчиков? Мировая переводческая практика отрицательно отвечает на этот категорический вопрос. Даже вышерассмотренная теория компенсаций держится на том понимании, что перевод без потерь не бывает и нужно искать пути компенсирования утраченного. Это ведь тоже стремление к совершенству. Видимо, чувство совершенства – один из важнейших факторов достижения совершенства в деле перевода. А всё это восходит к мастерству переводчика. А это слабое звено в деле перевода классической художественной литературы. Дело в том, что многие переводы выполнены и предложены читающему обществу без надлежащей предварительной подготовительной работы. Как иначе объяснить такие казусы, как появление в переводе молотилки (это в эпоху крепостного права, да ещё у такого “хозяина”, как князь Луарсаб Таткаридзе). Часто грешили и редакторы, которые рекомендовали к печати переводы, содержащие элементарные ошибки и неточности.

Вывод может быть только один – переводы классики надо обновить.

§.3. ВЕРОВЫРАЖАЮЩАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ ПРОЗЫ И. ЧАВЧАВАДЗЕ И ПРОБЛЕМЫ ЕЁ ПЕРЕВОДА

Христианство – глубоко и тщательно разработанное учение, в котором предельно ясно представлены мораль добра и человечности, человеколюбия, нравственного совершенства, нормы бытия и деятельности, а также представления о духовной жизни личности. И все эти понятия, даже самые отвлечённые, через переводы предельно ясно и образно выражены средствами многочисленных христианских языков (Виноградов 1982 : 3-529).

Из канонической литературы лексика (слова, словосочетания, целые обороты) проникла в светский язык и стала органической частью живой разговорной речи, а это прямая дорога в художественную литературу.

Казалось бы, идейно-нравственная близость текстов и единство религиозных воззрений должны служить положительным фактором в деле перевода текстов, содержащих веровыражающую лексику (Гачечиладзе 1972 : 14-16, 19-20). Однако это не так. Специфика языка, нравы, традиции народа и свобода повседневной устной речи нередко влияют на книжные по происхождению обороты, в результате чего они меняются в такой мере, что становятся самостоятельными единицами перевода с вытекающими отсюда последствиями (Флорин 1983 : 3-184, Эткин 1973 : 3-248). Вот о таких единицах перевода и пойдёт речь в данной главе.

Библию по праву называют Вечной книгой и считают Священным писанием. Библия - первоисточник и знаний, и нравственности, и организации повседневной деятельности. На протяжении веков Библия активно изучалась устно и письменно, и по её нормам устанавливались главные направления жизни и быта людей. В силу непререкаемости авторитета Библии её требования были объявлены каноническими и изучались без каких-либо серьёзных изменений. Более того, запрещались и считались большим грехом и отступничеством всякие попытки изменения канонических текстов. Это привело к тому, что отдельные слова и обороты из этих текстов проникли в живой народный язык. Они охватили не только духовную жизнь человека, но и весь его быт. На этой же основе появились, притом в большом количестве, такие словосочетания и обороты, которых не было в священных книгах, но которые питались идеями этих книг.

Наиболее популярные термины, имена, названия переходили из языка в язык, адаптировались и становились для всех понятными. Появление подобных межъязыковых эквивалентов вроде облегчает перевод, но и порождает немало проблем, правильное решение которых требует не только труда, но и достаточных знаний.

В данном случае темой главы является лексика, в основе которой лежит христианское вероисповедание. Люди, пользуясь этой лексикой, как бы подтверждают свою приверженность христианству и свою верность данной религии выражают как действиями, так и характером речи.

Единство религий для грузин и русских привело к тому, что в языках этих народов в большом количестве присутствует эквивалентная лексика, связанная с христианским пониманием Бога. Например, грузинские восклицания: *ღმერთო ჩემო; ღმერთო, მიშველე; ღმერთმა იცის*. Русские восклицания: о Боже; Боже упаси; Бог на помощь; Бог знает; ради Бога. *Клятвы: ღმერთს გეჯიჯები*. Русское – *клянусь Богом*.

Естественно, что такое языковое состояние народа отразилось в художественном мышлении этого народа как в его фольклоре (вспомним хотя бы знаменитое начало грузинских сказок: *ოცო და არა იცო რა, ღვთის უკეთესი რა იქნებოდა, იცო შაშვი მკაღლობელი, ღმერთი თქვენი მწყალობელი*), так и в творчестве выдающихся писателей.

Мы изучили прозаические произведения классика грузинской литературы И. Чавчавадзе и, как и ожидалось, нашли немало примеров, подтверждающих нашу мысль. Мы заинтересовались, как переводчики перевели на русский язык эту очень своеобразную и трудную для перевода часть лексического богатства грузинского языка. Анализу количества и качества этих оборотов и посвящается этот параграф. Примеры взяты из повестей “*კაცია-ადამიანი?!*” и “*გლახის ნაამბობი*” (издание 1988 г.).

С точки зрения перевода разбираемая лексика создаёт ряд проблем из-за своего многообразия. Если слова и словосочетания восходят к библейским источникам, то, казалось бы, можно воспользоваться переводами этих источников и эквиваленты найдены. На деле это не так-то просто, так как разноязычные переводы часто содержат такие нюансы, которые противоречат настрою переводимого контекста. Так, грузинское ритуальное “*ნათელში ამყოფე*”, произносимое при отпевании усопших, не имеет эквивалента в русском. Русское «со святыми упокой» имеет эквивалент “*წმიდათა თანა განუხვენე*”, но в грузинской народной речи не употребляется. Примечательно, что ритуал горения свечей у изголовья покойника как-то оправдывает ритуальный оборот (*ნათელში*

ყოფბა), однако нет зримой связи между свечами и “*со святыми упокой*”, нет внешней непосредственной словесной связи. Однако есть общность идеи: «покой святых» - это царство небесное, обитель вечного света. Таких примеров много, что осложняет работу переводчика и требует знания библиистики и библейской символики со стороны переводчика.

Ещё больше проблем при переводе текста возникает тогда, когда персонажи произведения исповедуют иную религию или иное толкование одной религии. Так, всё ещё спорят, соответствует ли русское «батюшка» католическому «падре» или эти совершенно идентичные по смыслу слова нельзя считать эквивалентами из-за их разной эмоциональной окраски. В настоящее время христианство разделено на ряд конфессий и поэтому переводчик должен знать терминологический язык данной конфессии. Обычно батюшкой называют не каждого священнослужителя, а своего духовного отца, близкого человека. «Падре» соответствует “отец”, и оно больше касается чина священника, чем личностных отношений. “*С нами Бог*” и “*ჩვენთან არს ღმერთი*” – полные эквиваленты.

При переводе следует иметь в виду, что нередко религиозные идеи и связанные с ними ритуалы не совпадают между собой и, стало быть, нет и эквивалентов (например, термины из ислама, иудаизма, буддизма и т.д.).

“ამისი ძვირფასი მეუღლე კნებნა დარეჯანი სწორედ თავის ქმრის მეორე გვერდი გახლდათ და იყვნენ “ერთ სულ და ერთ ხორც”, როგორც ბბანებს საღმრთო წერილი”.

(“კაცია – ადამიანი?!” , თ. II)

Нейман: «Его дражайшая супруга княгиня Дареджани *была достойной половиной своего благоверного, составляя вместе с ним, как говорится в священном писании, “едино тело и един дух”*».

(“Человек ли он?”, гл. II)

Гогоберидзе: “Его дражайшая супруга, княгиня Дареджан, *была достойною половиною своего супруга, и поистине они являли собою “един дух и едину плоть”*, согласно реченному в священном писании».

(“Человек ли он?”, гл. II)

Бирюкова: “Дражайшая супруга его, княгиня Дареджан, *была совершенная его половина, единая с ним “духом и плотью”*, как гласит священное писание”.

(“Человек ли он?!” , гл. II)

Во всех этих переводах явны неточности, вроде мелкие, но заметные. 1. В Священном писании нет (и не могло быть) слова “тело”, а должно быть “плоть”. 2. Переводчики доказывают, что Дареджан была едина с мужем “духом и плотью”, а текст утверждает, что муж и жена были едины. Это разные нюансы. 3. Совсем утеряно образное “*ქმრის მეორე გვერდი ვახლდათ*”.оборот *მეორე გვერდი* по смыслу восходит к библейскому сказанию о сотворении женщины из ребра Адама. И объявление Дареджан «половиной мужа» если не искажает, то обедняет текст.

“...*სწორედ მეორედ მოხვლა მოახლოვდა: ვაჟო, ქალს ქალობა აღარ ეტყობა, კაცს-კაცობა*”.

(“კაცია – ადამიანი?!” , თ. IV)

Нейман: “...*Настоящее светопреставление!* Посудите сами: женщина не походит на женщину, мужчина – на мужчину”.

(“Человек ли он?”, гл. IV)

Гогоберидзе: “...*Второе пришествие близится, не иначе! Помилуйте! Женщина ведет себя не по-женски, мужчина – не по-мужски!*»

(“Человек ли он?”, гл. IV)

Бирюкова: “... *Ей-богу, второе пришествие приближается!* Женщина не женщина, мужчина не мужчина!”

(“Человек ли он?!”, гл. IV)

В этом переводе “второе пришествие” точнее “светопреставления”. Совсем слабо “женщина не женщина, мужчина не мужчина”. Очень близкая к этому фраза встречается в “Записках путника”.

“...*ვაჟი ვაჟადის, ქალი ქალადის*”.

(“მგზავრის წერილები”, თ. VII)

Бирюкова: “... муж был мужем, жена женой...”.

(“Записки путника”, гл. VII)

“*ვენაკვალე ღვთის მადლს, იქაც ისე არიანო ბატონი ბატონადა, ყმა ყმადაო, როგორც აქა*”.

(“კაცია-ადამიანი?!” , IV)

Нейман: “Но, *благодарение богу*, и там всё, как у нас: барин остаётся барином, а крепостной – крепостным”.

(“Человек ли он?”, гл. IV)

Гогоберидзе: *“Да будет благословенна милость господня!* Оказывается, что там, как и тут, господа остаются господами, а рабы - рабами”.

(“Человек ли он?”, гл. IV)

Бирюкова: *“Да, слава тебе, господи,* господа как здесь были, так и там остались господами, а мужики мужиками”.

(“Человек ли он?!”, гл. IV)

Уникальное грузинское *კენაცვალე ღვთის მადლს* заменено чисто русскими оборотами. Соответствия точные только по смыслу, но не стилистически. Тут явная потеря национального колорита.

“კენაცვალე ღვთის დიდებასა! – სიქვა დარეჯანმაცა”.

(“კაცია - ადამიანი?!”), თ. IV)

Нейман: *“Велик он своей милостью, хвала и благодарение ему!* – заметила Дареджани”.

(“Человек ли он?”, гл. IV)

Гогоберидзе: *“...да святится имя господне!* – подтвердила Дареджан”.

(“Человек ли он?”, гл. IV)

Бирюкова: *“Пусть будет воля господня!* – с достоинством изрекла Дареджан”.

(“Человек ли он?!”, гл. IV)

И здесь не повезло грузинскому *კენაცვალე*.

“- უფლისა უფალსა და კეისრისა კეისარსაო, სახარებაში სწერია; კეისრები ჩვენა ვართ, - დაუმტა ელისაბედმა”.

(“კაცია - ადამიანი?!”), თ. IV)

Нейман: *“- Воздадите кесарево кесарю, а божье – богу”*, сказано в евангелии. Кесари же - это мы! – прибавила Елисабеди”.

(“Человек ли он?”, гл. IV)

Гогоберидзе: *“В евангелии сказано: кесарево - кесарю, а божье – богу”*. Кесари - это мы, - добавила Елисабед”.

(“Человек ли он?”, гл. IV)

Бирюкова: *“- Богу богово, а кесарю кесарево,* сказано в писании. А мы и есть кесари, - присовокупила Елисабед”.

(“Человек ли он?!”, гл. IV)

Удивительно, что такие переводчики, как Нейман и Гогоберидзе не знали, как по-русски звучит известнейшее выражение “*Богу богово, а кесарю кесарево*”, и подменили его каким-то “*божье-богу*”.

Бирюкова перевела лучше всех.

“ - აბა, რომელი ჭკვიანი კაცი იტყობა მაგას, თუ არ *ოუდას კერძო?*
(“კაცია - ადამიანი?!”), თ. IV)

Нейман: “ - Какой благомыслящий человек мог это сказать, если не *იუდიო*
отродье?”

(“Человек ли он?”, гл. IV)

Гогоберидзе: “ - Разве умный человек такое скажет, если он не *Иуда – предатель?*”.
(“Человек ли он?”, гл. IV)

Бирюкова: “Умные люди такое писать не станут!”

(“Человек ли он?!”, гл. IV)

ოუდას კერძო ближе всего перевёл Нейман – *Иудио отродье*. *Иуда – предатель* – просто тавтология, так как сравнение с Иудой уже подразумевает предательство. Бирюкова просто отошла от решения задачи – опустила эмоциональное сравнение.

“ - მართლა, მართლა! ნუ მიწყენ, აგრემც დიდება შენსა სახელსა, ხატო
თელეთისაო! გიახლები, გიახლები და თაყვანსა ვცემ სახელსა შენსა”.
(“კაცია - ადამიანი?!”), თ. IX)

Нейман: “ - Верно, верно! Прости и не взыщи с меня, святой угодник телетский!
Слава и величие имени твоему! Еду, еду на поклонение тебе”.

(“Человек ли он?”, гл. IX)

Гогоберидзе: “ - Правда, правда! Не взыщи, *да славится имя твое*, о икона
телетская! Приду, приду, поклонюся имени твоему!”.

(“Человек ли он?”, гл. IX)

Бирюкова: “ - Верно, душа моя! *Слава имени твоему*, икона телетская! Не гневайся
на меня, раба твоего! Явлюсь пред тобою и помолюсь, возвеличу имя твое святое!

(“Человек ли он?!”, гл. IX)

თელეთის ხატო не угодник (Нейман), т.к. угодник человек, а тут речь идёт об
иконе.

“ - არ ეტყობა თუ! დიდება შენდა, ღმერთო ჩემო! – გადიწერა ისევ
პირჯვარი და შევიდა ოთახში დარეჯანთან”.

(“კაცია - ადამიანი?!” , თ. XII)

Нейман: “Ясно! По всему видно. *Господи, твоя воля!* – ещё раз перекрестился Луарсаб и вошёл в комнату Дареджани”.

(“Человек ли он?”, гл. XII)

Гогоберидзе: “ - Оно и видно! *Слава тебе, господи!*

Луарсаб снова перекрестился и отправился в комнату к Дареджан”.

(“Человек ли он?”, гл. XII)

Бирюкова: “- Оно и видно! *Слава тебе, господи наши боже!* – возблагодарил всевышнего Луарсаб и пошёл в покои к супруге своей Дареджан ...”.

(“Человек ли он?!.”, гл. XII)

Из этих переводов точнее и ближе мы считаем перевод Гогоберидзе. Бирюкова многословна. У Неймана: *Господи, твоя воля* далеко от *დიდება შენდა*.

“*უპატრონო საყდარსაო ეშმაკები დაეპატრონებიანო, გლეხები იტყვიან ხოლმე, ჩვენც ეგრე მოგვივა*”.

(“კაცია - ადამიანი?!” , თ. IV)

Нейман: “Наша крестьянская поговорка гласит: “*Заброшенной церковью завладеют черти*”. Так и с нами случится”.

(“Человек ли он?”, гл. IV)

Гогоберидзе: “Крестьяне говорят: “*Покинутый храм – чертям добыча*”. Так будет и с нами”.

(“Человек ли он?”, гл. IV)

Бирюкова: “*В покинутую церковь черти лезут*, - среди нас, мужичья, говорится. Так и с нами будет”.

(“Человек ли он?!.”, гл. IV)

Это очень популярная и образная пословица. Видимо, наиболее удачным следует признать перевод Неймана. У Гогоберидзе *საყდარი* передан как храм. В обратном переводе храм будет *ტაძარი*, но не *საყდარი*. Деталь, но со значением.

“*ტყუილად კი არ გვარწმუნებს ჩვენი საღმრთო წერილი, რომ პირველი სისხლი უბოროტო ქვეყანაზედ კაცმა კაცისა დაახთხიას*”.

(“გლახის ნაამბობი”, თ. I)

Давыдов: “В писании сказано: *человек пролил первую кровь*”.

(“Рассказ нищего”, гл. I)

В этом переводе две очень серьезные погрешности – опущены слова უბოროტო и კაცისა. Говорящий уверен, что первоначально мир был უბოროტო, т.е. свободный от зла и первым злом стало убийство человека человеком, да ещё брата братом. Пролилась невинная кровь. Такова вера персонажа, обиженного, оскорблённого, растоптанного современным ему Каином – своим барином. Это одновременно попытка верующего человека не допустить мысли о причастии Бога к тому злу, которое существует в этом мире. Вот каковы недостатки данного перевода.

“...როცა დამიღამდებოდა, ავბრუნდებოდი ერთ პატარა სოფელში, სადაც მყვანდა ერთი პატროსანი გლეხკაცი ნათელ –მირონად”.

(“გლახის ნაამბობი”, თ. II)

Давыдов: “...ночлежничая в крохотной деревушке, у одного доброго земледельца, моего кума”.

(“Рассказ нищего”, гл. II)

Это вообще не перевод, а какой-то сырой пересказ с полным игнорированием стиля повести: “ночлежничая”, “земледелец”.

“...ჩვენს დალოცვილ ქვეყანაში, სადაც, გლეხისა არ იყოს, “ქრისტე-ღმერთს თავისი უხვი კალთა დაუბღერტია”.

(“გლახის ნაამბობი”, თ. II)

Давыдов: “Положим, подобных немало в прекрасной нашей стороне, ибо, по народной присказке, *сам господь бог отряс над нею благодатную ризу свою*”.

(“Рассказ нищего”, гл. II)

Что можно сказать об этом переводе? დალოცვილი гораздо больше, чем прекрасный. Это скорее всего благословенный, კალთა не риза, გლეხისა არ იყოს не народная присказка и вообще присказке тут нечего делать, это отсебятина переводчика, которая дорого обошлась произведению.

“ღმერთს ეგრე უბძანებია: “ოფლითა თქვენითა მოიპოვეთ პური თქვენით”.

(“გლახის ნაამბობი”, თ. IV)

Давыдов: “*От зари до зари лей пот*, как господь заповедал, ради хлеба насущного”.

(“Рассказ нищего”, гл. IV)

Удивительно, откуда переводчик взял этот императивный тон – “от зари до зари лей пот”? Или он, переводчик, совсем не осведомлён, что и как сказано? А в Ветхом

Завете сказано другое и, что очень важно, по-другому – другими словами и в другом тоне:

“В поте лица твоего будешь есть хлеб” (Библия 1988. Бытие, гл.3,19).

Можно только сожалеть, что и переводчик, и редактор так безответственно отнеслись к делу.

“გამოვრობდა ჩემი ნოეს ძვრედი, ძწვანე შტო კი ხელთ დამოვდო”.

(“გლახის ნაამბობი”, თ. VII)

Давыдов: *“...и улетела, как голубь из Ноева ковчега”.*

(“Рассказ нищего”, гл. VII)

Эти слова персонажа очень глубокая и развёрнутая метафора. По Библии, как известно, Ной три раза выпускал голубя, чтобы узнать, сошла или нет потопная вода с земли. Знаменательным является второй выпуск, когда голубь возвращается со свежим масличным листом во рту – знак схода воды с земли и надежды на светлое будущее (Библия 1988. Бытие, гл.8,8-11, კობახიძე 1989 : 24).

Голубь с зелёной веткой в клюве – символ мира, счастья, благополучия. В переводе же голубь улетает, а про зелёную ветку – ничего, выброшено всё, создано новое простое сравнение: девушка улетает, словно голубь из ковчега. Но это же противоречит и Библии, и произведению.

В настоящее время, когда грузинская литература выходит в свет от своего собственного имени, кому как не нам заботиться о качестве переводов, формах и путях ознакомления с ними читателей мира.

Заключение

Фразеологические обороты, как известно, уникальное богатство каждого языка. Они оживляют речь, делают её привлекательной, энергичной и эмоциональной. Этим объясняется то обстоятельство, что мастера художественного слова охотно пользуются ими как в прозе, так и в поэзии. Это явление мы фиксируем и в прозаических произведениях великого грузинского писателя Ильи Чавчавадзе.

Фразеологизмы как единицы речи настолько жизнеспособны, что они удерживаются в живом языке на протяжении многих веков, если даже их первоначальное значение уже стерлось и носители языка уже не понимают его. Это касается главным образом фразеологических сращений, или идиом. Характерно, что носители языка в своей речевой деятельности вполне удовлетворяются речевой функцией идиом и до их первоначального смысла не доискиваются.

Вопрос о происхождении идиом, как правило, возникает у людей, которые интересуются историей языка. Эти люди производят своеобразные "лингвистические раскопки" и нередко докапываются до причин возникновения какого-нибудь оборота. Например: русские исследователи языка считают бесспорным объяснение таких оборотов, как *перемывать косточки*, *Митькой звали*, *пропал как швед под Полтавой*, *спустя рукава*, *остался с носом* и т. д.

Правда, некоторые объяснения имеют варианты, что свидетельствует об отсутствии окончательного решения. Например: *бить баклуши* объясняется по-разному. Когда-то *бить баклуши* означало делать из бревна заготовки для вытачивания деревянных ложек. Эти заготовки назывались баклушами. Однако характер работы противоречит такому объяснению. *Бить баклуши* - значит бездельничать, но делать заготовки для ложек - это довольно утомительный физический труд. Другое объяснение этого оборота таково: при первых заморозках, когда маленькие лужи покрываются тоненьким прозрачным слоем льда, из-под льда проглядывают маленькие воздушные пузырьки, которые с большим удовольствием бьют дети. На юге России эти

пузырьки называют баклушами. Вот это, действительно, безделие и совпадает с современным значением оборота.

Эти разные объяснения разбросаны в разных источниках и каждый автор, разумеется, считает, что его объяснение самое правильное.

Особый интерес представляет вопрос о жизнеспособности фразеологических оборотов (ФО). Почему они выдерживают проверку временем и не отмирают хотя бы те, первоначальный смысл которых уже затемнён. Видимо, в этом деле огромную роль играет их образность и эмоциональная насыщенность. Они, действительно, обогащают живую речь и делают её гибкой и выразительной. Говорящие это понимают и охотно прибегают к фразеологизмам.

Второй источник долголетия фразеологических оборотов - это художественная литература, включая народные сказки. Известные или неизвестные авторы художественных произведений пользуются фразеологизмами как мощным средством для придания своему повествованию образности и эмоциональности. К этому приёму усовершенствования художественного повествования обращались писатели древности всех времён. Стоит внимательно прочесть творения классиков и наблюдательный читатель обязательно обнаружит фразеологические обороты, которыми пользуются или персонажи, или сами авторы.

Художественный язык И. Чавчавадзе исключительно богат лексически, синтаксически, стилистически и интонационно, богат и фразеологизмами, которые делают текст гибким, эмоциональным, выразительным и оригинальным. При этом грузинские фразеологизмы, очень самобытные по происхождению и по эмоциональной нагрузке, трудно поддаются переводу на русский язык, так как русские и грузинские языки генетически неродственные и поэтому не имеют исторических точек схождения.

Известное дело, что перевод фразеологизмов - сложная работа и не только потому, что трудно найти эквивалент в русском языке, но ещё и потому, что зачастую непонятно, что фразеологизм означает в оригинале. Часто причиной неудачи перевода становится именно это непонимание и, к сожалению, таких примеров немало в русских переводах произведений И. Чавчавадзе.

Ещё одно обстоятельство следует иметь в виду, когда говорим о переводе фразеологических единиц. Как известно, семантические и стилистические возможности слова полностью реализуются в контексте, то есть в соседстве и тесной связи с другими словами. То же самое можно сказать и о фразеологизмах, особенно таких, которые в другом языке не имеют однозначных эквивалентов.

Фразеологизмы в любом языке - уникальная, неповторимая часть лексики и именно эта неповторимость осложняет проблемы их перевода. Каждый конкретный факт поисков фразеологического эквивалента - это целое лексико-стилистическое исследование, которое должно всё время повторяться и обновляться при переводе фразеологизма, чтобы максимально удовлетворить основные требования: сохранить смысловое содержание оборота, образность мысли и стилистическую ценность выражения. В выборе фразеологического эквивалента важное значение имеет также учёт особенностей контекста, наличия реалий, национального колорита, лексико-грамматических показателей и т. д.

Перед переводчиками давно стоит вопрос, как передать на другой язык фразеологический оборот. Переводческая практика разработала четыре способа перевода фразеологизмов:

- 1) перевод фразеологизма фразеологизмом с тем же лексическим наполнением;
- 2) перевод фразеологизма фразеологизмом с другим лексическим наполнением;
- 3) калькирование;
- 4) свободный пересказ фразеологического оборота.

Однако теоретические выкладки часто оказываются бессильными перед конкретным материалом, особенно, если контактирующие языки неродственные. Эта трудность особенно явно обнаруживается при анализе русских переводов повестей И. Чавчавадзе.

В работе собран и проанализирован большой фактический материал фразеологических оборотов, который представлен автором. Анализ даёт возможность сделать следующие выводы:

- 1) Фразеологизмы, бытующие в обоих языках и имеющие общий источник происхождения (Библия, другие религиозные источники, изречения из греко-римской

мифологии, цитаты греческих и латинских классиков, а также высказывания известных писателей, историков, мыслителей и т. д.), переведены сравнительно точно, так как в данном случае переводчики не сами переводили, а пользовались уже существующими старыми переводами. Например, "ქვა ქვაზე ხუდაც დატეხება" – "камня на камне не оставить"; "ხელობა დაბაბა" – "УМЫВАТЬ РУКИ".

Данный перевод фразеологизмов наиболее предпочтителен в силу максимальной точности, однако он количественно ограничен, так как подобных эквивалентных оборотов немного. Итак, если фразеологизмы имеют общий источник, они должны передаваться эквивалентными фразеологизмами, поскольку в подобных переводах сохраняются смысл оборота, образность мысли и стилистическая ценность фразеологизма.

2) Наиболее серьезные затруднения для переводчиков возникли с фразеологизмами, имеющими чисто национальное происхождение. Такие фразеологизмы, как правило, в другом языке эквивалента не имеют. Например: "ყურებზე ხაზო არ დამატება" или русское - "Ищи ветра в поле". И переводчикам приходится их либо калькировать дословно, либо искать приближённые соответствия, но на другом языковом материале.

Использованные в повестях И. Чавчавадзе грузинские фразеологизмы имеют яркую национальную окраску, которая буквально "светит" в оригинале и легко "тускнеет" в переводе от неосторожного прикосновения. Безмерное фразеологическое богатство русского языка, разнообразие "мира" фразеологии создают трудности переводчику: из целого ряда синонимичных фразеологических оборотов надо выбрать единственно подходящий фразеологизм. Так, богатство фразеологии иногда может стать своего рода "ловушкой" для переводчика. Это важная проблема в переводе и для её решения оказались недостаточными лингвистические дефиниции фразеологизма Ш. Балли, В.В. Виноградова, Н.М. Шанского и др. Практика перевода потребовала нового подхода к фразеологизму как к единице речи. Неточности, допущенные при передаче фразеологического оборота, снижают художественный уровень перевода, его ценность. Необходимо выбрать тот фразеологизм, который отвечает вышеуказанным основным требованиям перевода фразеологических оборотов.

3) При калькировании фразеологизмы не имеют общего источника, в отличие от перевода фразеологизма фразеологизмом с тем же лексическим наполнением. Фразеологизм калькируется непосредственно с одного языка на другой. Итак, при калькировании источником кальки становится иноязычный вербальный материал, для которого в языке перевода не нашлось эквивалента.

К этому виду перевода обращаются в двух случаях:

1) когда нет в языке перевода нужного эквивалента;

2) когда эквивалент есть, но он слишком перегружен специфическими для данного языка деталями, что не даёт возможности использовать его как эквивалент. Иногда к калькированию обращаются сознательно, желая сохранить колорит. Например: *"Цыплят по осени считают"* - *"წიწიფრებზე შემოღებამდე ითვლიან"*. Калькирование в целом - явление нежелательное, но часто и этим путём создаётся новый удачный оборот. Например: *"кисейная барышня"*, *"голубая кровь"* и т. д.

Калькирование часто приводит к совершенно нежелательным результатам. (Чаще всего возникает неуместная ирония, что очень хорошо использовано в известной комедии *"რაც ვობახავს, ვეღარ ხახავ"* или в *"Старых водевилях"*, поставленных в театре имени К. Марджанишвили). Серьёзные переводчики понимают эту опасность и предпочитают искать приближённые соответствия. Например, *"კოვბი ხაჯარში ჩავკარდა"* дословный перевод будет: *"ложка упала в золу"*, но это чушь для русскоязычного читателя, поэтому один переводчик переводит как *опростоволосился*, другой - *остался с носом*. В этих переводах смысловая нагрузка и тон повествования сохранились, но, к сожалению, утерян национальный колорит. В крайних случаях переводчики обращаются к калькированию фразеологического оборота, что иногда удаётся, иногда нет.

К калькированию как к виду перевода фразеологизма следует относиться осторожно. При переводе идиом калькирование редко допустимо, так как во многих случаях искажается содержание оборота. Единицей перевода должен стать фразеологический оборот в целом, а не его отдельные компоненты. Калька возможна, если значение фразеологического оборота достаточно мотивировано значениями её компонентов. Калькированием можно сохранить национальный колорит,

передать образ, содержащийся в фразеологическом обороте. Но в случае непонимания может возникнуть совершенно иной контекст, порой доходящий до бессмыслицы.

4) Когда положение совсем безысходное, переводчики просто пересказывают смысловое значение оборота, что нельзя считать удачей переводчика.

Итак, наиболее вынужденной формой перевода фразеологизмов является свободный пересказ его смысла.

Фразеологический и нефразеологический переводы (свободный пересказ фразеологического оборота) занимают полярные положения. Свободный пересказ фразеологического оборота - это воспроизведение семантической нагрузки фразеологизма свободным словосочетанием языка перевода. Свободный пересказ фразеологического оборота, хотя и лишает текст образной и эмоциональной окраски, в ряде случаев выступает как единственно возможный способ передачи смыслового содержания тех или иных фразеологизмов. К этому методу перевода переводчик обращается в нескольких случаях:

1) когда в языке перевода нет соответствующего фразеологического эквивалента, фразеологического аналога;

2) когда эквивалент, аналог может и есть, но переводчику неизвестно о существовании эквивалента, аналога и он не может найти замену;

3) когда смысловой эквивалент есть, но он слишком перегружен специфическими для исходного языка деталями, что не даёт возможности использовать его для перевода в качестве эквивалента;

4) когда невозможно удачное калькирование с целью сохранить колорит. Рассматриваемый приём перевода не бывает полноценным: всегда есть определённые потери (образность, стилистическое соответствие, оттенки значений, коннотация, метафоричность, экспрессивность, национальный колорит, афористичность и др.), что и заставляет переводчиков обращаться к нему лишь в исключительно редких случаях.

Однако и при этом виде "перевода" фразеологизма нужно всегда стремиться приблизиться к фразеологическому переводу, т.е. максимально передать важные

показатели исходного фразеологического оборота: смысловое содержание, стилистический оттенок, по возможности образность.

Итак, при свободном пересказе фразеологического оборота следует в сжатой форме передать его содержание, стилистическую окраску, по возможности образность, экспрессивность, коннотации, национальный колорит, афористичность, метафоричность и др., учесть контекстуальное содержание текста и вплести данный пересказ в общую ткань повествования так, чтобы замена была максимально приближена к оригиналу.

Таким образом, при свободном пересказе фразеологизма нужно стремиться, чтобы в контексте любое соответствие, по возможности, приобрело "фразеологический вид", было облечено в "фразеологическую форму".

Один из нерешённых вопросов перевода - это передача средствами другого языка т.н. неперебиваемых элементов текста - слов и словосочетаний. Гёте говорил, что "при переводе следует добираться до неперебиваемого. Только тогда можно по-настоящему понять чужой народ, чужой язык".

Разумеется, Гёте имеет в виду не только и не столько действительно неперебиваемые слова вроде грузинского *გებაცვალე*, русского *закудыкать* или французского мадам. Речь идёт о национальных явлениях, которых нет у другого народа и, стало быть, нет и слова.

Как свидетельствуют факты, фразеологические обороты имеют все языки независимо от их развитости или ограниченности. Уникальность фразеологизмов мотивируется тем, что они тесно связаны с историей и миропониманием данного народа. Действительно, когда мы изучаем фразеологическое богатство того или иного языка, встречаем и такие обороты, смысл которых дословно непонятен. Но историческая память народа хранит те события, которые в своё время легли в основу появления оборота. Например: на Руси говорили и сейчас говорят "*язык до Киева доведёт*" и этот оборот для русскоговорящего не требует никакого пояснения, так как все знают, что этот оборот означает: "спроси, уточни, прислушайся к чужому слову". Но почему именно до Киева? Да потому, что когда-то на протяжении веков Киев считался центром славянской культуры, экономики, торговли и религии. И выходцы из северных, восточных русских земель часто наугад, не зная дороги, шли или ехали в Киев. Этот русский оборот по своей функции очень близок к известному обороту из латинского языка: "*Все дороги ведут в Рим*". Рим был средоточием и центром огромной Римской империи и дороги из завоёванных земель все шли в Рим. На русском Дальнем Востоке живёт

немногочисленная народность – нивхи. У них в языке есть такой оборот: когда хотят сказать, что этот человек живёт очень долго, говорят, что "он родился, когда медведица умирала". В этом обороте отразилось представление древних нивхов, что, если рождение кого-то совпадёт с моментом смерти медведицы, то он, этот кто-то, будет жить очень долго. Почему нивхи именно медведицу считали таким примечательным зверем? Да потому, что, согласно их верованию, медведица – праматерь нивхов. Нивхи свободно понимают смысл этого выражения, чего не скажешь о людях, выросших на другом языке.

В грузинском языке до сих пор активно употребительны фразеологические обороты, которые содержат такие национальные элементы миропонимания, которые непонятны представителям других языков. Например: *ხაილურობს წყალო დალო* в значении "потерян навсегда", *ყურებზე ხახვი არ დამაჭრა* в значении "ты не сможешь сделать мне что-то плохое", *ხურვზე ბოლი ააღონა* – "кого-то кто-то сильно избил палкой".

Особенно много подобных оборотов с участием слова "გული": "გული მოუვიდა" (равно "рассердился"), "გული წაუვიდა" (равно "упал в обморок"), "გული გაუწყალდა" (равно "терпеть уже нет сил").

В русских оборотах также часто употребляется слово душа: *душа вон, вытряхнуть душу, душа ушла в пятки, душа нараспашку*.

Особенно трудно поддаются переводу такие фразеологизмы, в которых участвуют национальные реалии быта: например, *ცემდალზე ხის ჭურში ხის* ("не понимает, что происходит вокруг"). *ვვებზე ჰკიდოს ორი და ათი შაური* – ("ему всё нипочём", "ему на всё наплевать"), "ქუღზე კაცო" ("мобилизовать всё мужское население"), *შეხოხმადი, ჩემი კისერი* ("твой меч, моя шея"), *რა მჭადივით იშლება* ("что-то не клеится", "не получается").

В произведениях И. Чавчавадзе, как известно, мы встречаем немало фразеологических оборотов, перевод которых иногда просто невозможен. А переводить надо, иначе текст сильно обедняется.

В данной работе проведён тщательный анализ русских переводов фразеологизмов в повестях И. Чавчавадзе. Переводы рассмотрены путём сравнения всех существующих переводов с оригиналом и между собой. Следует отметить, что проделана огромная работа – каждый новый перевод того или иного произведения И. Чавчавадзе явный пример стремления к совершенству, так как люди, знающие произведение в оригинале, остро ощущали бросающиеся в глаза недостатки ранее выполненных переводов. Но, к сожалению, каждый последующий перевод страдал и страдает своими недостатками, хотя

у всех переводов есть один общий недостаток – это либо примитивное увлечение деталями национального колорита, либо непонимание этого колорита и вытекающие из этого новые ошибки (например: появление в то время на грузинском гумне молотилки. „კაცობა-ადამიანი“?!).

Исходя из всего сказанного, можно заключить:

- 1) На всех переводах (не только произведений И. Чавчавадзе) сказывается та поспешность, с которой обычно делались переводы в связи с какими-нибудь юбилеями и декадами;
- 2) Из переводов видно, что переводчики не всегда достаточно владели переводимым материалом, плохо понимали его содержание, его стиль и эмоциональную окраску, а то и совсем не понимали. Особенно не повезло убийственной иронии И. Чавчавадзе. В переводе эта ирония сведена к лёгкой насмешке над несущественными недостатками;
- 3) Грузинская фразеология глубока по содержанию и социально ориентирована. В переводе не видно ни этой глубины, ни социальной наполненности;
- 4) В переводах поблёкла образность грузинских фразеологизмов, потеряла национальную окраску и, собственно говоря, многие фразеологизмы перестали звучать как фразеологизмы, что в общей сложности наносит большой ущерб художественным достоинствам произведения, а это – урон для престижа всей грузинской художественной литературы;
- 5) Особенно не повезло заглавиям и подзаголовкам прозы И. Чавчавадзе. Пока не найдены равноценные эквиваленты заглавиям „კაცობა-ადამიანი?!“ и „ოთარაბთ ქვრივი“, а также подзаголовкам последнего произведения, где подзаголовки несут огромную художественную и смысловую нагрузку. Например: „პილპილმეურელი მადლი“. Правда, заглавие „კაცობა-ადამიანი?!“ и в оригинале не просто понять, но в переводах этот сложный образ сведён к простому вопросу – кто-то человек или нет? Кто подразумевается под местоимением он – неясно, род местоимения наводит на мысль, что речь идёт именно о человеке.

Мы, разумеется, далеки от мысли упрекать переводчиков в чём-нибудь. Они вложили в переводы весь свой труд, талант, знания и старания. Но сделали столько, сколько смогли. Больше их сил и возможностей не хватило. В неудаче многих переводов в значительной мере повинны и редакторы, которые при более тщательной и внимательной работе могли бы заметить многие недостатки. Однако они этого не сделали.

Таким образом, проблема перевода фразеологизмов остаётся одной из актуальных. Анализ русских переводов произведений И.Г. Чавчавадзе показывает, что в них ещё много нерешённых или не совсем удачно решённых переводческих задач, среди которых и проблема эквивалентности разноязычных фразеологических оборотов.

Общее впечатление от знакомства с данными переводами (каждое произведение переведено два или три раза) таково: эти переводы по своему художественному уровню не соответствуют тому рангу, в котором мы рассматриваем творчество Ильи Чавчавадзе, не соответствуют и престижу грузинской классической литературы, особенно в наше время, когда грузинская литература выходит на мировую арену от своего собственного имени.

В порядке итогового заключения можно сказать, что в рассмотренных переводах почти все фразеологизмы переведены, хотя эти переводы далеко не равноценны. Лучше всех переведены фразеологизмы, имеющие общее происхождение. Это понятно – переводчики хорошо использовали выполненные века назад переводы, ставшие уже собственностью всех христианских языков. Речь идёт в основном о фразеологизмах библейского происхождения. Тут переводчики, можно сказать, не перевели, а точно нашли эквивалентные соответствия – русские и грузинские – и вставили в нужном месте. Здесь успехи переводчиков бесспорны.

Куда сложнее и труднее оказался перевод грузинских фразеологизмов, возникших на национальной почве и на материале грузинского языка. Как известно, русский и грузинский языки неродственные и разносистемные, и фразеологизмы в их недрах подкреплялись различными историческими, культурными и языковыми фактами. Существенно различались и представления о жизни, аспекты миропонимания, условия быта и т. д. По этой причине подобные фразеологизмы не имеют точных эквивалентов в другом языке – имеется в виду эквивалент, а не контекстуальное, приблизительное соответствие, – которое можно найти в каждом языке. Дело в том, что в приблизительном переводе всегда что-то теряется – или в смысле, или юморе, или в стилистической окраске текста, что обедняет перевод и, стало быть, произведение в целом. Таких случаев особенно много в переводах идиом, в которых часто вся смысловая и эмоциональная нагрузка, приходится на слова и обороты, насыщенные национальным колоритом. Известно и то, что влияние ощущения национального колорита так велико, что переводчики, стремясь спасти национальный колорит, часто

идут на прямое калькирование иноязычного оборота, что часто "работает" против интересов оригинала. Так случилось с грузинскими оборотами: "ყურებზე ხახვი არ დამაჭრა", "კოვზი ნაცარში ჩაუვარდა", "შენი ჭირი წაიღო", "სახრე გადმოიქნია", "ქოქოლა მიყარა", "ზურგზე აკერია" и другие.

Калькирование – приём соблазнительный. Создаётся иллюзия точности перевода, которая остаётся только иллюзией или переходит в шаржирование перевода, чем так успешно пользуются юмористы.

В рассмотренных переводах этот пробел хорошо ощущается. Объяснить это следует, видимо, тем, что калькирование, то есть дословный перевод идиом работа менее трудоёмкая, чем, скажем, копаться в огромном массиве русского фразеологического богатства в поисках оборотов, максимально близко стоящих к фразеологизму из подлинника. А между тем, именно этот путь и представляется единственно правильным для достижения реального успеха.

Есть ещё один приём – свободное переложение смысла фразеологизма. Но к нему переводчик обращается в крайних случаях, - когда другого пути не видит. Например, грузинское "ცამ ჩაყლაპა თუ მიწაში" – исчез бесследно. Информация сохранена полностью, а от образного грузинского оборота и следа не осталось. Это уже потеря не для читателя (он её не заметит), а для произведения и его престижа. И это будет так, если переводчик по какой-то причине уклонится перевести фразеологизм.

При чтении прозы И. Чавчавадзе на русском языке создаётся впечатление, что переводчикам необходимо больше внимания уделять стилистике, без которой невозможно разобраться в компонентном составе текста и в критериях оценки перевода.

В заключение можем сказать, что русские переводы повестей И. Чавчавадзе нуждаются в качественном обновлении.

Список использованной литературы

Научная литература

1. Абакумов С.И. *Устойчивые сочетания слов.* – «Рус. язык в школе», 1936, №1.
2. Амосова Н.Н. *Основы английской фразеологии.* Автореферат дисс. на соискание учёной степени доктора филол. наук. Л., 1963.
3. Аникин В.П. *Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор.* М., Учпедгиз, 1957.
4. Архангельский В.А. *Устойчивые фразы в современном русском языке.* Ростов-на-Дону, Изд-во Рост. ун-та, 1964.
5. Ахманова О.С. *Очерки по общей и русской лексикологии.* М., Учпедгиз, 1957.
6. Ашукины М. и В. *Почему так говорим.* М., Изд-во "Худ. лит"., 1948.
7. Бабкин А.М. *Лексикографическая разработка русской фразеологии.* М.-Л., Изд-во "Наука", 1964.
8. Бабкин А.М. *Русская фразеология, её развитие и источники.* Л., Изд-во "Наука", 1970.
9. Балли Ш. *Общая лингвистика и вопросы французского языка.* М., Изд-во иностранной литературы, 1955.
10. Балли Ш. *Французская стилистика.* М., Изд-во иностранной литературы, 1961.
11. Бархударов Л.С. *Язык и перевод.* М., Изд-во «Международные отношения», 1975.
12. Берков В. *О словарных переводах.* В кн.: Мастерство перевода.- Сб. восьмой. М., Изд-во «Советский писатель», 1971.
13. *Библия.* М., Издание Московской Патриархии, 1988.
14. Блисковский С. *Муки заголовка.* М., Изд-во «Книга», 1981.
15. Бондалетов В.Д. *Социальная лингвистика.* М., Изд-во «Просвещение», 1987.
16. Бондарко А.В. *Вид и время русского глагола.* М., Изд-во «Просвещение». 1971.
17. Будагов Р. *Несколько замечаний о «ложных друзьях переводчика».* В кн.: Мастерство перевода.- Сб. восьмой. М., Изд-во «Советский писатель», 1971.
18. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И., Цапукевич В.В. *Современный русский язык.* М., Изд-во "Высшая школа", 1971.
19. Виноградов В.В. *Русский язык.* М., Учпедгиз, 1947.
20. Виноградов В.В. *Об основных типах фразеологических единиц в русском языке.* В сб.: "А.А. Шахматов". М., Изд-во АН СССР, 1946.
21. Виноградов В.В. *Основные понятия русской фразеологии как лингвистической*

- дисциплины. "В сб.: Труды юбилейной научной сессии ЛГУ", Л., Изд-во ЛГУ, 1946.
22. Виноградов В.В. *Основные типы фразеологических единиц в русском языке*. В кн.: Русский язык М., Изд-во "Высшая школа", 1972.
 23. Виноградов В.В. *Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков*. М., Изд-во «Высшая школа», 1982.
 24. Влахов С. Флорин С., *Непереводимое в переводе*. М., Изд-во «Высшая школа», 1986.
 25. Вульфийус И.М. *К вопросу о классификации идиом*. – «Рус. язык в сов. школе», 1929, №6.
 26. Гаврин С.Г. *Изучение фразеологии русского языка в школе*. М., Учпедгиз, 1963.
 27. Галь Н.Я. *Слово живое и мёртвое. Из опыта переводчика и редактора*. М., Изд-во «Книга», 1987.
 28. Гачечиладзе Г.Р. *Художественный перевод и литературные взаимосвязи*. М., Изд-во «Советский писатель», 1972.
 29. Гвоздарев Ю.А. *Фразеологические сочетания современного русского языка*. Ростов-на-Дону, Изд-во Рост. ун-та, 1973.
 30. Голетиани Г.Г. *Сопоставительная грамматика русского и грузинского языков*. ч.1. Морфология. Тб., Изд-во Тбилисского университета, 1970.
 31. Гоциридзе Д.З., Хухуни Г.Т. *Очерки по истории западноевропейского и русского перевода*. Тб., Изд-во Тбилисского университета, 1986.
 32. Гоциридзе Д.З., Хухуни Г.Т. *Возрождение и Реформация в истории перевода и переводческой мысли*. Тб., Изд-во Тбилисского университета, 1994.
 33. *Грамматика современного русского литературного языка*. Редактор Шведова Н.Ю. М., Изд-во «Наука», 1970.
 34. Даль В.И. *Пословицы русского народа*. М., Изд-во «Просвещение», 1969.
 35. Данелиа К., Апциаури Дж., Гоциридзе Д., Хухуни Г. *Средневековый перевод и его особенности*. Тб., Изд-во Тбилисского университета, 1992.
 36. Дремов А.К. *О художественном образе*. М., Изд-во «Советский писатель», 1956.
 37. Ефимов А.И. *О языке художественных произведений*. М., Учпедгиз, 1954.
 38. Ефимов А.И. *Стилистика русского языка*. М., Изд-во «Просвещение», 1969.
 39. Жоржолиани Д.А. *Теоретические основы фразеологической номинации и сопоставительная лингвистика*. Тб., Изд-во «Ганатлеба», 1987.
 40. Жуков В.П. *Семантика фразеологических оборотов*. М., Изд-во «Просвещение»,

- 1978.
41. Жуков В.П. *Словарь русских пословиц и поговорок*. М., Изд-во «Советская энциклопедия», 1966.
 42. Земский А.М., Крючков С.Е., Светляев М.В. *Русский язык*. Часть 1. М., Изд-во «Просвещение», 1986.
 43. Калинин А.В. *Лексика русского языка*. М., Изд-во Московского университета, 1971.
 44. Комиссаров В.Н. *Слово о переводе*. М., Изд-во «Международные отношения», 1973.
 45. Комиссаров В.Н. *Лингвистика перевода*. М., Изд-во «Международные отношения», 1980.
 46. Копыленко М.М., Попова З.Д. *Очерки по общей фразеологии*. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 1978.
 47. Кошут С.О. *О русских переводах грузинской прозы*. – «Литературная Грузия», Тб., Изд-во ЦК КП Грузии, 1965, №10.
 48. Крупнов В.Н. *В творческой лаборатории переводчика* (очерки по профессиональному переводу). М., Изд-во «Международные отношения», 1976.
 49. Крылова О.А. *Основы функциональной стилистики русского языка*. М., Изд-во «Русский язык», 1979.
 50. Кузнецова Э.В. *Лексикология русского языка*. М., Изд-во «Высшая школа», 1989.
 51. Кульман Н.К. [Рец. на кн.:] Кошутич Р.И. *Грамматика русского языка*, т2., Београд. 1914.- Изв. «Отд. рус. языка и словесности АН», 1915, т20, кн.2.
 52. Кунин А.В. *Фразеология современного английского языка*. М., Изд-во «Международные отношения», 1972.
 53. Ларин Б.А. *Очерки по фразеологии*. "Учёные записки ЛГУ", №198, серия филологических наук, вып. 24, 1956.
 54. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. *Проблемы перевода*. М., Изд-во «Международные отношения», 1976.
 55. Лордкипанидзе И. *Перспективы исследования языкового отражения концептов добра и зла во фразеологизмах русского языка*. Сборник научных

- статей международной конференции МАПРЯЛ "Сопоставление как метод исследования и обучения языкам", т. 1 Тб., Изд-во "Универсал", 2005.
56. Лутидзе Х. *Фразеологизмы как проблема перевода* (на основе авторского перевода фразеологизмов романа Амирэджиби «Дата Туташхиа»). Автореферат кандидатской диссертации, Тб., 2001.
57. Микулина Л.Т. *Заметки о калькировании с русского языка на английский*. – Тетради переводчика. Под редакцией Бархударова Л.С. М., Изд-во «Международные отношения», 1978, вып. 15.
58. Мокиенко В.М. *Славянская фразеология*. М., Изд-во «Высшая школа», 1989.
59. Молотков А.И. *Основы фразеологии русского языка*. Л., Изд-во «Наука», 1977.
60. Мосьяков А.Е. *К вопросу о связи стилистической функции фразеологизмов с переводом*. – Тетради переводчика. Под редакцией Бархударова Л.С. М., Изд-во «Международные отношения», 1970, вып. 7.
61. Мосьяков А.Е. *Разложение фразеологизмов и перевод*. – Тетради переводчика. Под редакцией Бархударова Л.С. М., Изд-во «Международные отношения», 1976, вып. 13.
62. Мукерия Л. *Эпические поэмы Важа-Пшавела в русских переводах*. Автореферат кандидатской диссертации. Тб., 2006.
63. Нинуа И. *О некоторых аспектах переводческой проблематики*. Сборник научных статей международной конференции МАПРЯЛ. «Сопоставление как метод исследования и обучения языкам», т. 1., Тб., Изд-во «Универсал», 15-20 июня 2005.
64. Новиков Л.А. *Лингвистическое толкование художественного текста*. М., Изд-во «Русский язык», 1979.
65. Новиков Л.А. *Художественный текст и его анализ*. М., Изд-во «Русский язык», 1988.
66. Ожегов С.И. *Лексикология. Лексикография. Культура речи*. М., Изд-во "Высшая школа", 1974.
67. Пелевина Н.Ф. *Стилистический анализ художественного текста*. Л., Изд-во

- «Просвещение», 1980.
68. *Перевод – средство взаимного сближения народов*. Сб. статей. Составитель Клышко А.А., М., Изд-во «Прогресс», 1987.
69. Пережогина Е.Н. *Диалектная фразеология в произведениях сибирского писателя В.М. Шукшина*. «Сибирский учитель», июнь 1999, №314.
70. Попов Р.Н. *Фразеологизмы современного русского языка с архаическими значениями и формами слов*. М., Изд-во «Высшая школа», 1976.
71. Потебня А.А. *Из лекций по теории словесности: Басня. Пословицы. Поговорка*. Харьков, СПб., 1894.
72. Рецкер Я.И. *Теория перевода и переводческая практика*. М., Изд-во "Международные отношения". 1974.
73. Розенталь Д.Э. *Практическая стилистика русского языка*. М., Изд-во «Высшая школа», 1977.
74. Розенталь Д.Э. *Справочник по правописанию и литературной правке*. М., Изд-во «Книга», 1985.
75. Ронгинский В.М. *Фразеологические обороты в заголовках произведений художественной литературы и публицистики*. «Проблемы фразеологии и задачи её изучения в высшей и средней школе». Вологда. Сев. – зап. кн. изд-во, 1967.
76. Россельс Вл. *Перевод и национальное своеобразие подлинника*. – Сб. Вопросы художественного перевода. М., Изд-во «Советский писатель», 1955.
77. Сидоренко М.И. *К вопросу о границах лексического состава фразеологических единиц*. – В кн.: Проблемы фразеологии. М. – Л., Изд-во АН СССР, 1964.
78. Сихарулидзе Т. *К проблеме адекватности перевода и текста оригинала*. შრომების კრებული, თბ., გამომცემლობა “უნივერსალი”, 2006.
79. Соболев Л.Н. *О переводе образа образом*. В кн.: Вопросы художественного перевода. М., Изд-во «Советский писатель», 1955.
80. Срезневский И.И. *Замечания об образовании слов из выражений*–Изв. Отд. рус. яз. и словесности, т.,10, СПб., 1873.
81. Срезневский И.И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. М., т. 3, СПб., отд. русского языка и словесности Имп. Акад. наук,

- 1893-1902.
82. Срезневский И.И. *Русское слово*. М., Изд-во «Просвещение», 1986.
83. Тагиев М.Т. *Глагольная фразеология современного русского языка*. Баку, Изд-во «Маариф», 1966.
84. Телия В.Н. *Что такое фразеология?* М., Изд-во «Наука», 1966.
85. Федин К.А. *Дело рук художника*. В кн.: Мастерство перевода. – Сб. 1962, М., Изд-во «Советский писатель», 1963.
86. Фёдоров А.В. *Основы общей теории перевода*. М., Изд-во «Высшая школа», 1983.
87. Фёдоров А.В. *Очерки общей и сопоставительной стилистики*. М., Изд-во «Высшая школа», 1971.
88. Флекенштейн К. *О некоторых теоретических проблемах калькирования*. – В кн.: «Этимологические исследования по русскому языку». М., Изд-во МГУ, 1966.
89. Флорин С. *Муки переводческие*. Практика перевода. М., Изд-во «Высшая школа», 1983.
90. Флорин С. *Необходимое пособие*. В кн.: Мастерство перевода.- Сб. восьмой. М., Изд-во «Советский писатель», 1971.
91. Фомина М.И. *Современный русский язык. Лексикология*. М., Изд-во «Высшая школа», 1990.
92. Фортунатов Ф.Ф. *Сравнительное языковедение*. – В его кн.: Избр. труды. М., Учпедгиз, т. I, 1956.
93. Хатиашвили Х. *Библейские фразеологизмы в концептосферах принимающих культур*. Сборник научных статей международной конференции МАПРЯЛ "Сопоставление как метод исследования и обучения языкам.", т. 1., Тб., Изд-во «Универсал», 2005.
94. Хухуни Г.Т. *Русская и западноевропейская мысль*. (основные тенденции развития до начала XX века) Тб., Изд-во "Мецниереба", 1978.
95. Цибахашвили Г.И. Элиава Е.Г. *О переводе т.н. непереводимых заглавий*. Сборник научных статей международной конференции МАПРЯЛ "Сопоставление как метод исследования и обучения языкам", т.2., 15-20 июня, Тб., Изд-во «Универсал», 2005.
96. Цибахашвили Г.И., Элиава Е.Г. *Фразеология как объект изучения и преподавания*. «Сазриси», сборник трудов №21, Тбилиси, Изд-во «Универсал»,

- 2006.
97. Цибахашвили Г.И., Элиава Е.Г. *Эффект непереводимости, или о переводе текста с непереводимыми компонентами*. შრომების კრებული, თბ., გამომცემლობა “უნივერსალი”, 2006.
 98. Цибахашвили Г.И., Элиава Е.Г. *Проблемы перевода заглавий*. Научные труды, серия: филология, XIII. Санкт-Петербург. Тбилиси. Изд-во СПбГУ, 2007.
 99. Черняховская Л. *Перевод и смысловая структура*. М., Изд-во «Международные отношения», 1976.
 100. Чуковский К.И. *Высокое искусство*. М., Изд-во «Советский писатель», 1968.
 101. Чумаков В. *В мире Онегина*. – «Литературная газета», 2005, №№20-26.
 102. Шадрин Н.Л. *Сопоставительная стилистика и теория перевода*. Серия литературы и языка, т. 41, 1982, №1.
 103. Шанский Н.М. *Фразеология современного русского языка*. М., Изд-во «Высшая школа», 1985.
 104. Шанский Н.М. *Лексикология современного русского языка*. М., Изд-во «Высшая школа», 1972.
 105. Шанский Н.М. *Очерки по современному словообразованию*. М., Изд-во «Высшая школа», 1968.
 106. Шанский Н.М. *Лексика и фразеология современного русского языка*. М., Учпедгиз, 1957.
 107. Шахматов А.А. *Синтаксис русского языка*. вып. I. Л., Изд-во АН СССР, 1925.
 108. Шахматов А.А. *Синтаксис русского языка*. М., Изд-во АН СССР, 1941.
 109. Швейцер А.Д. *Перевод и лингвистика*. М., «Воениздат», 1973.
 110. Щерба Л.В. *О частях речи в русском языке*. В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., Изд-во «Учпедгиз», 1957.
 111. Элиава Е.Г. *К вопросу о переводе фразеологических единиц в художественном тексте*. Республиканская конференция молодых учёных-филологов. Тезисы докладов. Батуми, 1982.
 112. Элиава Е.Г. *Об эстетической функции фразеологизмов в художественном тексте*. «Сообщения Академии наук Грузии», т.143, 1991, №1.

113. Элиава Е.Г. *К вопросу о калькировании фразеологических оборотов в художественном переводе*. Тезисы докладов Республиканской научной конференции, посвященной 75-летию со дня основания Тбилисского университета. Языкознание. Тб., Изд-во Тбилисского университета, 17-19.IV., 1993.
114. Элиава Е.Г. *К вопросу об эквивалентности разноязычных фразеологизмов* (на материале русских переводов произведения И.Г. Чавчавадзе “კაცია-ადამიანი?!”). «Сообщения Академии Наук Грузии», т. 145, 1992, №3.
115. Элиава Е.Г. *Лексико-грамматический анализ перевода фразеологических оборотов* (на материале русских переводов произведения И.Г. Чавчавадзе “კაცია-ადამიანი?!”). – «Известия Академии наук Грузии». Серия языка и литературы, 1992, №2.
116. Элиава Е.Г. *К проблеме перевода фразеологизмов*. Свободный пересказ фразеологических оборотов (на материале русских переводов произведений И.Г. Чавчавадзе "ოთარაანთ ქვრივი", "გლეხთა განთავისუფლების პირველდროების სცენები") – «Известия Академии наук Грузии». Серия языка и литературы, 2000, №№1-4.
117. Элиава Е.Г. *Веровыражающая лексика и проблемы её перевода* (на материале русских переводов прозы И. Чавчавадзе). "Славистика в Грузии". Сборник научных статей. Тбилиси: Издательство "Универсал," 9, 2008.
118. Элиава Е.Г. *О русских переводах заглавий и подзаголовков произведений И. Чавчавадзе "კაცია-ადამიანი?!" и "ოთარაანთ ქვრივი"*. Тбилиси: Издательство "Грузинский университет управления качеством", 2008.
119. Эткинდ Е. *Русские поэты - переводчики от Тредиаковского до Пушкина*. Л., Изд-во «Наука», 1973.
120. ანთაძე მ. *ქართული პოეზიისა და პროზის რუსული თარგმანების ისტორიიდან 1930-ან წლებში*. - "ლიტერატურული ურთიერთობანი", კრებული II, გამომცემლობა "მეცნიერება", თბ., 1969.
121. ბახტაძე დ. *ფრაზეოლოგიური პრედიკაციის პრობლემები*. ქუთაისი. გამომცემლობა "სარანგი", 1992.

122. ბიბლია. თბ., საქართველოს საპატრიარქოს გამოცემა, 1989.
123. გალობერი ქ. *ფრაზეოლოგიზმის არსი და ფუნქცია ენობრივი აქტიურობის სისტემაში*. "ინტელექტი", 1999, №1(4).
124. გაჩეჩილაძე გ. *მხატვრული თარგმანის თეორიის საკითხები*. თბ., გამომცემლობა "საბჭოთა საქართველო", 1958.
125. დევდარიანი რ. *ილია ჭავჭავაძის შემოქმედება*. ქუთაისი, ქუთაისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის გამომცემლობა, 2004.
126. თაყაიშვილი ა. *ქართული ფრაზეოლოგიის საკითხები*. თბ., საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის გამომცემლობა, 1961.
127. იაშვილი პ. *მხატვრული სტილი და თარგმანი*. თბ., გამომცემლობა "მეცნიერება", 1990.
128. კიკნაძე ზ. *საუბრები ბიბლიაზე*. თბ., გამომცემლობა „მეცნიერება“, 1989.
129. ნინიძე მ. *მხატვრულ სახეთა სისტემა და რელიგიური დისკურსი "ოთარაანთ ქვრივში"*. თბ., 2005.
130. ფანჯიკიძე დ. *ენა, თარგმანი, მკითხველი*, თბ., საგამომცემლო სახლი თბილისში, 2002.
131. ფანჯიკიძე დ. *თარგმანის თეორია და პრაქტიკა*. გამომცემლობა "განათლება", თბ., 1988.
132. დლონტი ალ. *ქართული ლექსიკოლოგია*. თბ., გამომცემლობა "ცოდნა", 1964.
133. შალამბერიძე გ. *ჭავჭავაძე ი. და ხალხური მეტყველება*. "სკოლა და ცხოვრება", 1962, №11.
134. შალამბერიძე გ. *ილია ჭავჭავაძის ენა*. თბ., თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა, 1968.
135. შამუგია ც. *თანამედროვე ვერმანული ენა და ნაციონალური კულტურის ამსახველი ფრაზეოლოგიზმები*. "საზრისი", შრომების კრებული №21, თბ., გამომცემლობა "უნივერსალი", 2006.
136. ძიძიგური შ. *როგორ უნდა ვავიგოთ "კაცია-ადამიანის?! სათაური"* - გაზეთი "ლიტერატურული საქართველო", თბ., 23 ივნისი, 1967, №25.
137. წიბახაშვილი გ. *თარგმანის თეორიისა და პრაქტიკის საკითხები*. თბ., თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა, 2000.
138. წიბახაშვილი გ. *თარგმანის სტილისტიკის ზოგიერთი საკითხი*. "კრიტიკა",

1975, №2.

139. ჭანტურია ტ. “კაცი ვარ, ადამიანი.” ქართული ენა და ლიტერატურა სკოლაში, 1978, №2.
140. ხუციშვილი მ. *ქართული პოეზიის რუსულ ენაზე თარგმანის პრობლემები*. გამომცემლობა "მეცნიერება" თბ., 1989.
141. ჯაში მ., ჯაში ქ. *თარგმანის ტექნიკა*. თბ., 2003

Словари

142. *Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика»*. Под руководством Акуленко В.В., М., Изд-во «Советская энциклопедия», 1969.
143. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. *Крылатые слова*. М., Изд-во "Худ. лит.", 1960.
144. Гуревич В.В., Дозорец Ж.А. *Краткий русско-английский фразеологический словарь*. М., Изд-во «Русский язык», 1988.
145. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. том. I-IV, М., Изд-во «Русский язык», 1989.
146. Жуков В.П. *Словарь русских пословиц и поговорок*. М., Изд-во "Советская энциклопедия", 1966.
147. Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляр В.Т. *Словарь фразеологических синонимов русского языка*. М., Изд-во «Русский язык», 1987.
148. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Главный редактор Ярцева В.И. М., Изд-во "Советская энциклопедия", 1990.
149. Локшина С.М. *Краткий словарь иностранных слов*. М., Изд-во «Русский язык», 1988.
150. *Немецко-русский и русско-немецкий словарь "ложных друзей переводчика"*. Составил К.Г. М. Готлиб. М., Изд-во "Советская энциклопедия", 1972.
151. Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. М., Изд-во "Советская энциклопедия", 1968.
152. Ожегов С.И. *О структуре фразеологии* - Лексикографический сборник, вып. 2., М., Изд-во иностранных и национальных словарей, 1957.

153. *Орфографический словарь русского языка*. Под редакцией Бархударова С.Г., Ожегова С.И., Шапиро А.Б. М., Изд-во «Советская энциклопедия», 1970.
154. Преображенский А.Г. *Этимологический словарь русского языка*. т. 1, т. 2, М., Госиздат. иностранных и национальных словарей, 1959.
155. Розенталь Д.Э. *Управление в русском языке*. Словарь-справочник. М., Изд-во «Книга», 1986.
156. *Русские народные загадки, пословицы, поговорки*. Составитель Круглов Ю.Г. М., Изд-во «Просвещение», 1990.
157. *Русско-грузинский словарь*. Под редакцией Ломтатидзе К.В. Тб., Изд-во «Сабчота Сакартвело», 1983.
158. *Словарь иностранных слов*. Главный редактор Петров Ф.Н. Изд-во «Русский язык», 1988.
159. *Словарь русского языка*. Под редакцией Евгеньева А.П. т. I, II, III, IV, М., Госиздат. иностранных и национальных словарей, 1957-1961.
160. *Словарь современного русского литературного языка*. Главный редактор Чернышёв В.Н. Изд-во АН СССР, т.т. 1-17, 1950-1965.
161. *Толковый словарь русского языка*. Под редакцией Ушакова Д.Н., т.т. I, II, III, IV, М., Госиздат. иностранных и национальных словарей, 1935-1940.
162. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. М., Изд-во "Прогресс", т. II-1986.
163. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. *Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения*. Лингвострановедческий словарь. М., Изд-во «Русский язык», 1979.
164. *Фразеологический словарь русского языка*. Под редакцией Молоткова А.И., М., Изд-во «Советская энциклопедия», 1967.
165. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. *Опыт этимологического словаря русской фразеологии*. М., Изд-во «Русский язык», 1987.
166. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. *Краткий этимологический словарь русского языка*. М., Изд-во «Русский язык», 1961.
167. Шанский Н.М., Быстрова Е.А., Зимин В.И. *Фразеологические обороты русского*

- языка*. М., Изд-во «Русский язык», 1988.
168. Яранцев Р.И. *Словарь-справочник по русской фразеологии*. М., Изд-во «Русский язык», 1981.
169. გამრეკელი ნ.ნ., მაგლობლიშვილი ე.ა. *ქართულ-რუსული ფრაზეოლოგიური ლექსიკონი*. თბ., გამომცემლობა “საბჭოთა საქართველო”, 1966.
170. დათიკაშვილი ქ. *ქართულ-რუსული ლექსიკონი*. თბ., გამომცემლობა “საბჭოთა საქართველო”, ტ. I-1953, ტ. II-1959.
171. *თარგმანის ლექსიკონი*. შემდგენლები ბაქანიძე ო., ბურჯანაძე ქ., წიბახაშვილი გ. და სხვ. თბ., თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა, 2001.
172. სახოკია თ. *ქართული ხატოვანი სიტყვა-თქმანი*, ტ.ტ. I, II, III, თბ., გამომცემლობა “სახელგამი”, 1950-1955.
173. *ქართული ენის განმარტებითი ლექსიკონი*. თბ., საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის გამომცემლობა, ტ.ტ. I-VIII, 1950-1963.
174. *ქართული ენის განმარტებითი ლექსიკონი*. ერთტომეული. მთავარი რედაქტორი არნ. ჩიქობავა. თბ., ქართული საბჭოთა ენციკლოპედიის მთავარი სამეცნიერო რედაქცია, 1986.
175. *ქართულ-რუსული ლექსიკონი*. შეადგინეს ახვლედიანმა გ. და თოფურიაშვილმა ვ. თბ., გამომცემლობა “განათლება”, 1990.
176. ჩუბინაშვილი ნ. *რუსულ-ქართული ლექსიკონი*. ტ.ტ. I, II. თბ., გამომცემლობა “საბჭოთა საქართველო”, 1971-1973.
177. წერეთელი პ. *ანდაზები*. თბ., გამომცემლობა “საბჭოთა მწერალი”, 1951.
178. წერეთელი პ. *ქართულ-რუსული ანდაზები*. თბ., გამომცემლობა “საბჭოთა მწერალი”, 1956.

Источники

179. Чавчавадзе И. *Кациа адамиани*. Перевод Неймана А., Тифлис, Закавказ. Гос. изд-во, 1936.
180. Чавчавадзе И. *Человек ли он?* Перевод Неймана А., Тб., Изд-во «Заря Востока», 1937.
181. Чавчавадзе И. *И это человек? (Кациа-Адамиани?)*. Перевод Гогоберидзе Е., Повести и рассказы. М., Изд-во «Худ. лит.», 1937.
182. Чавчавадзе И. *И это человек? (Кациа-Адамиани?)*. Перевод Гогоберидзе Е., Избранное. Тб., Изд-во «Заря Востока», 1947.
183. Чавчавадзе И. *И это человек? (Кациа-Адамиани?)*. Перевод Гогоберидзе Е., Избранные произведения. М., Госиздат. Худ. лит., 1950.
184. Чавчавадзе И. *Человек ли он?* Перевод Гогоберидзе Е., Избранное. Тб., Изд-во «Заря Востока», 1937.
185. Чавчавадзе И. *Человек ли он?* Перевод Гогоберидзе Е., Избранное. Тб., Изд-во «Заря Востока», 1952.
186. Чавчавадзе И. *Человек ли он?* Перевод Гогоберидзе Е., Избранные произведения. Тб., Изд-во «Заря Востока», 1955.
187. Чавчавадзе И. *Человек ли он?* Перевод Гогоберидзе Е., Избранные сочинения. т. II. Повести и рассказы, Тб., Издательство Союза советских писателей Грузии «Заря Востока», 1957.
188. Чавчавадзе И. *Человек ли он?* Перевод Гогоберидзе Е., Грузинская проза, т. II. М., Госиздат. Худ. лит., 1955.
189. Чавчавадзе И. *Человек ли он?* Перевод Гогоберидзе Е., Сочинения. т. II. Проза. М., Госиздат. Худ. лит., 1960.
190. Чавчавадзе И. *Человек ли он?!*. Перевод Бирюковой М., Собрание сочинений в двух томах, т. II, Тб., Изд-во «Мерани», 1978.
191. Чавчавадзе И. *Человек ли он?!*. Перевод Бирюковой М., Стихи. Поэмы. Повести. Рассказы. Тб., Изд-во «Мерани», 1987.

192. Чавчаваძე ი. *Вдова из дома Отарова (Отараант-квриви)*. Перевод Гогоберидзе Е., Избранное. Тб., Изд-во «Заря Востока», 1937.
193. Чавчаваძე ი. *Вдова из дома Отарова (Отараант-квриви)*. Перевод Гогоберидзе Е., Избранное. Тб., Изд-во «Заря Востока», 1947.
194. Чавчаваძე ი. *Вдова из дома Отарова (Отараант-квриви)*. Перевод Гогоберидзе Е., Повести и рассказы. М., Изд-во «Худ. лит», 1937.
195. Чавчаваძე ი. *Вдова из дома Отарова (Отараант-квриви)*. Перевод Гогоберидзе Е., Избранные произведения. М., Гослитиздат, 1950.
196. Чавчаваძე ი. *Отарова вдова*. Гогоберидзе Е., Избранное. Перевод Гогоберидзе Тб., Изд-во «Заря Востока», 1952.
197. Чавчаваძე ი. *Отарова вдова*. Перевод Гогоберидзе Е., Избранные произведения. Тб., Изд-во «Заря Востока», 1955.
198. Чавчаваძე ი. *Отарова вдова*. Перевод Гогоберидзе Е., Избранные сочинения. т. II. Повести и рассказы. Тб., Издательство Союза советских писателей Грузии «Заря Востока», 1957.
199. Чавчаваძე ი. *Вдова Отараант*. Перевод Гогоберидзе Е., М., Грузинская проза, т. II. М., Госиздат. Худ. лит., 1955.
200. Чавчаваძე ი. *Отараант – вдова*. Перевод Гогоберидзе Е., Сочинения, т. II. Проза, М., Госиздат. Худ. лит., 1960.
201. Чавчаваძე ი. *Вдова Отарашвили*. Перевод Гогоберидзе Е., Тб., Изд-во «Заря Востока», 1957.
202. Чавчаваძე ი. *Отарова вдова*. Перевод Хуციшвили Г., Собрание сочинений в двух томах, т. II, Тб., Изд-во «Мерани», 1978.
203. Чавчаваძე ი. *Отарова вдова*. Перевод Хуციшвили Г., Стихи. Поэмы. Повести. Рассказы. Тб., Изд-во «Мерани», 1987.
204. ჭავჭავაძე ი. *კაცია-ადამიანი?! თხზულებათა სრული კრებული ოც ტომად*, ტ. II, თბ., გამომცემლობა “საბჭოთა საქართველო”, 1988.
205. ჭავჭავაძე ი. *კაცია, ადამიანი*. თბ., გამომცემლობა “მეცნიერება”, 1986.
206. ჭავჭავაძე ი. *ოთარაანთ ქვრივი*. თხზულებათა სრული კრებული ოც ტომად, ტ. II, თბ., გამომცემლობა “საბჭოთა საქართველო”, 1988.

207. ჭავჭავაძე ი. გლეხთა განთავისუფლების პირველდროების სცენები. თხზულებათა სრული კრებული ოც ტომად, ტ. II, თბ., გამომცემლობა “საბჭოთა საქართველო”, 1988.